

ИЗБРАННОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.
Изданія Льва Поливанова.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ
БЫЛИНЫ.

ТЕКСТЫ, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ И ПРИМѢЧАНІЯ.

Составилъ
Левъ Поливановъ

(ДЛЯ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ).

Съ тремя оригинальными фотогравюрами и многими политипажами въ двѣ краски.



МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Мараевой.
1888.

ДОРОГОМУ НАСТАВНИКУ,

ЗАСЛУЖЕНОМУ ПРОФЕССОРУ,

ОРДИНАРНОМУ АКАДЕМИКУ,

ѲЕДОРУ ИВАНОВИЧУ

БУСЛАЕВУ,

въ годъ истекающаго пятидесятилѣтія его служенія
русской наукѣ, искусству и школѣ,

съ чувствомъ безпредѣльнаго уваженія
этотъ сборникъ былинъ посвящаетъ
благодарный его ученикъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Народныя пѣсни, воспѣвающія родную старину, почитаются драгоцѣннымъ достояніемъ тѣхъ народовъ, которые произвели ихъ и умѣли сохранить въ своей памяти. Въ поэмахъ Гомера—„Иліадѣ" и „Одиссеѣ"—даже все образованное человѣчество читаетъ такую поэтическую повѣсть о древне-греческой жизни; въ „Пѣсни о Нибелунгахъ" съ XII вѣка нѣмецъ слушалъ отъ бродячихъ пѣвцовъ родное поэтическое повѣствованіе изъ временъ переселенія народовъ, читаетъ его и нынѣ, пріучаясь любить семейные и гражданскіе идеалы своихъ предковъ; французъ ищетъ черты героическихъ событій временъ Карла Великаго въ „Пѣснѣ о Роландѣ", чрезъ три вѣка воспѣвшей эти событія, а испанецъ въ романсахъ о Сидѣ, записанныхъ въ XV и XVI вѣкахъ, читаетъ исторію подвиговъ своего любимаго воителя въ великой борьбѣ съ маврами и почерпаетъ въ ней чувства національной и личной чести. Желаніе дать соотечественникамъ народныя поэмы побудило въ прошломъ вѣкѣ ученаго шотландца даже къ поддѣлкѣ при обнародованіи поэмъ, выданныхъ имъ за собраніе пѣсенъ древняго кельтійскаго барда Оссіана.

У насъ знакомство образованнаго общества съ народными былинами началось не ранѣе начала нынѣшняго вѣка и только съ шестидесятыхъ годовъ получило нѣкоторое распространеніе съ появленіемъ сборниковъ Рыбникова и Кирѣевскаго. Мы увидѣли, что Россія обладаетъ богатымъ народнымъ эпосомъ, не уступая въ этомъ отношеніи другимъ историческимъ націямъ и даже превосходя ихъ свѣжестію древняго творчества.

Съ прошлаго вѣка на изученіе народной поэзіи обратила вниманіе европейская наука—и въ пыли древнихъ книгохранилищъ стала тщательно отыскивать древнія поэмы предковъ. Каждое открытіе такихъ забытыхъ національныхъ сокровищъ было истиннымъ торжествомъ изыскателей, спѣшившихъ оповѣстить о томъ читающую публику, въ свою очередь съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившую за этими открытіями произведеній національнаго генія. Такъ было, напримѣръ, при обнародованіи „Пѣсни о Нибелунгахъ" въ Германіи и старыхъ французскихъ поэмъ во Франціи.

Каково же было изумленіе всего ученаго міра, когда стало извѣстнымъ, что въ Россіи произведенія народнаго творчества въ обиліи, превосходящемъ всякія ожиданія, извлекаются не изъ рукописей, но изъ устъ крестьянъ, поющихъ и понынѣ эти пѣсни о давней старинѣ, и что эти пѣсни дышутъ всею прелестію первобытной гомерической поэзіи.

Если русскій народный эпосъ является только въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, предлагая плоды народной фантазіи лишь по частямъ, не объединенными въ цѣльной поэмѣ подобно греческой Иліадѣ и Одиссеѣ или индійской Магабгаратѣ,—зато онъ не носитъ на себѣ по большей части ни малѣйшаго прикосновенія рукъ книжниковъ. Самая форма этихъ пѣсенъ, стихъ которыхъ въ устахъ пѣвцовъ неотъемлемъ отъ ихъ напѣва, предстала со всѣми особенностями древняго склада и тѣхъ мѣстныхъ видоизмѣненій, которымъ подвержено живое народное слово и, наконецъ, даже съ сохраненіемъ тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ пѣвческіе пріемы каждаго пѣвца. Собиратели пѣсенъ не могли, конечно, сразу примѣниться къ вполнѣ точному воспроизведенію на письмѣ этихъ едва уловимымъ оттѣнковъ рѣчи—и тексты многихъ былинъ не сохранили ихъ съ буквальною точностію: вотъ почему, читая былины, въ однѣхъ замѣчаешь болѣе такихъ особенностей, въ другихъ—менѣе. Но всѣ собиратели уже знакомые съ требованіями науки, не коснулись содержанія русскаго эпоса—и такимъ образомъ мы обладаемъ имъ въ той чистотѣ, о которой собиратели старинныхъ поэмъ Западной Европы и мечтать не могутъ: тамъ произведенія народнаго генія являются въ значительной долѣ сочиненными тѣми средневѣковыми грамотеями, которые не различали дѣло собирателя пѣсенъ отъ дѣла ихъ сочинителя. Непосредственное чувство русскаго безграмотнаго землепашца, ремесленника или лодочника встрѣтилось съ любознательными людьми науки, умѣвшими съ подобающимъ уваженіемъ воздержаться отъ вмѣшательства личнаго вкуса при записываніи національной пѣсни.

Открытіе такого поэтическаго богатства въ шестидесятыхъ годахъ нашего вѣка было до того неожиданно, что возбудило даже нѣкоторое сомнѣніе. Рыбникову пришлось обстоятельно изложить всѣ подробности своихъ поѣздокъ, во время которыхъ онъ собралъ свое сокровище; Академія Наукъ и Географическое общество съ своей стороны удостовѣрились въ истинѣ сообщаемыхъ собирателями фактовъ. Позднѣйшая поѣздка Гильфердинга и свѣдѣнія, сообщенныя имъ объ Онежскомъ краѣ въ превосходномъ и строго-научномъ сборникѣ былинъ 1873 г., подтвердили сообщеніе Рыбникова и пополнили ихъ именованіемъ самихъ пѣвцовъ и свѣдѣніями объ ихъ личностяхъ. Наконецъ образованная публика обѣихъ столицъ слышала и такихъ пѣвцовъ, приглашенныхъ для ознакомленія съ ними воочію съ далекаго сѣвера, гдѣ наиболѣе сохранились эти остатки древняго эпоса. Московская публика слышала въ семидесятыхъ годахъ на публичномъ засѣданіи Общ. Любителей Россійской Словесности, одного изъ этихъ пѣвцовъ, приглашеннаго въ залу университета Ѳ. И. Буслаевымъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ этого общества.

Одновременно съ обнародованіемъ былинъ началось и изученіе ихъ, и до нашихъ дней онѣ составляютъ предметъ занятій спеціалистовъ. При этомъ изученіи послѣдовательно прилагались пріемы, которые вырабатывались для трудовъ такого рода европейскою наукою: сравнительной миѳологіи, изслѣдованія историческаго элемента поэзіи, чужеземныхъ вліяній и книжныхъ источниковъ.

Читая былины, мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ вымысломъ, произведеніемъ народнаго творчества. При высокой художественной цѣнности произведеній этого рода могла ли не обратить на нихъ вниманіе и школа?

Мы всѣ были свидѣтелями этого важнаго явленія въ нашей школѣ. Обращаюсь къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ, которыя относятся именно къ этому времени.

Шелъ $18^{60}/_{61}$ учебный годъ. Я былъ студентомъ историко-филологическаго факультета въ Москвѣ. Хорошо помню, какъ въ аудиторію, гдѣ собрался нашъ 4-й курсъ, передъ началомъ лекціи кѣмъ-то была принесена вновь отпечатанная книга и раздана всѣмъ присутствовавшимъ отъ имени бывшаго студента Рыбникова. Мы всѣ хорошо помнили Павла Рыбникова; не болѣе трехъ лѣтъ назадъ онъ былъ среди насъ и по окончаніи курса оставилъ Москву. Слышно было, что онъ живетъ въ Петрозаводскѣ—и вотъ, не успѣли мы еще окончить курса, какъ онъ напоминалъ о себѣ, приславъ цѣлый объемистый томъ своихъ трудовъ, которымъ суждено было внести оживленіе въ изученіе народной поэзіи. До тѣхъ поръ мы были лишь слегка знакомы съ этой областью словесности изъ лекцій профессора Шевырева. Ѳ. И. Буслаевъ, смѣнившій его, свои курсы ограничивалъ еще книжной словесностью и только готовился къ изслѣдованію русскаго эпоса, подвигнутый къ тому появленіемъ новыхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Небольшой 1-й выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ", вышелъ годомъ ранѣе, а въ томъ же 1861 году присоединились къ нему и еще два выпуска (2 й и 3-й) того же собранія. Рядъ статей Ѳ. И. Буслаева въ „Русскомъ Вѣстникѣ" подъ заглавіемъ: „Русскій богатырскій эпосъ" былъ эпохою для насъ, дотолѣ смутно знакомыхъ съ пѣснями Кирши Данилова. „На Руси", читали мы въ статьѣ профессора Буслаева, „совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ: явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую время отъ времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надо искоренить въ конецъ". Указывая затѣмъ на малое вниманіе публики и современной (60-хъ годовъ) къ произведеніямъ народнаго творчества, профессоръ замѣчалъ иронически: „Русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности"... „А между тѣмъ", продолжалъ онъ, „многія изъ пѣсенъ, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоко-наивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія; а между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ Русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества; и внимательному просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и особенно въ такую эпоху, когда коренное преобразованіе быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи"... „Какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность".

Вотъ что читали мы болѣе четверти вѣка тому назадъ, какъ новость для насъ и какъ желанное будущее для автора этихъ строкъ.

Предсказаніе его не замедлило исполниться. Русская наука съ тѣхъ поръ не покидала родную поэзію, посвящая ей капитальные труды. Не замедлила и школа внесеніемъ народной поэзіи въ число произведеній, знакомство съ которыми стало обязательно для учащагося юношества.

Въ этомъ важномъ шагѣ первенствующее значеніе принадлежитъ тому же профессору.

Быть можетъ, нашимъ читателямъ будетъ не безъинтересно узнать, какъ это было. Мнѣ случилось стоять близко къ источнику этого движенія и потому возвращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ.

Осенью того же 1861 года Ѳ. И. Буслаевъ пригласилъ меня преподавать русскую словесность въ одномъ училищѣ [1]), котораго инспекторомъ онъ состоялъ тогда. Какъ сейчасъ помню — я долженъ былъ пріѣхать къ Ѳ. И. Буслаеву, чтобы вмѣстѣ отправиться въ училище для начала занятій. Я засталъ его пишущимъ что-то у конторки. Онъ немедленно подѣлился тѣмъ, что занимало его въ то время—и прочиталъ только что написанное. То было окончаніе статьи о русскомъ богатырскомъ эпосѣ, изъ которой приведены выписки выше. Затѣмъ, разъясняя программу, которая должна была, по его мнѣнію, исполняться въ каждой средней школѣ, и которую предстояло исполнять мнѣ, Ѳ. И. Буслаевъ указалъ въ ней почетное мѣсто русскимъ былинамъ. Мнѣ было извѣстно, что когда онъ самъ передъ тѣмъ былъ учителемъ 3-й моск. гимназіи, то подвергалъ разбору языкъ былинъ: но, какъ думалось мнѣ, это дѣлалось имъ въ курсѣ грамматическомъ и стилистическомъ (и вошло какъ матеріалъ въ его „Историческую грамматику"). Но теперь онъ указывалъ на былины, какъ на образцы эпической поэзіи и выразилъ убѣжденіе, что чтеніе ихъ нужно и для эстетическихъ цѣлей образованія, которыя уважаемый профессоръ никогда не отдѣлялъ отъ другихъ цѣлей языкоученія.

Съ тѣхъ поръ начались мои уроки въ двухъ старшихъ классахъ упомянутой школы подъ руководствомъ Ѳедора Ивановича. Мало-по-малу мнѣ стало ясно, что внесеніе этого новаго матеріала для класснаго чтенія не было только прибавленіемъ лишнихъ образцовъ словесности, но кореннымъ образомъ измѣняло эстетическую сторону программы. Теорія эпоса, перестроенная новыми трудами Гриммовской школы, блестящимъ образомъ разъясненная въ рядѣ изслѣдованій русскаго эпоса Ѳ. И. Буслаевымъ, съ тѣхъ поръ стала достояніемъ русской средней школы. Статьи эти, не будучи педагогическими, тѣмъ не менѣе оказывали болѣе существенную пользу дидактикѣ, нежели многія трактаты, появлявшіяся въ такомъ обиліи въ ея спеціальной области. Статьи эти вводили насъ, учителей, въ сферу науки и сами были плодомъ широкаго и возвышеннаго пониманія исторіи просвѣщенія. Въ озареніи этимъ пониманіемъ своей задачи такъ нуждались мы, юные учителя, готовившіе себя къ гимназическому преподаванію.

Приготовленное Ѳ. И. Буслаевымъ поколѣніе учителей русскаго языка и словесности уже дѣйствуетъ около четверти вѣка. Выработанныя ими программы по этому предмету [2]) для Московскаго учебнаго округа послужили основаніемъ для многихъ послѣдующихъ программъ всѣхъ вѣдомствъ. Членъ ученаго комитета М. Н. П. А. Д. Галаховъ, въ представленіи своемъ 1865 года министру народнаго просвѣщенія отъ имени ученаго комитета отдалъ предпочтеніе программѣ московскаго учебнаго округа. Въ главныхъ основаніяхъ своихъ указанный ею матеріалъ для класснаго чтенія вошелъ и въ нынѣ дѣйствующую примѣрную программу гимназій. Какъ въ ней, такъ и

---

[1]) Маріинско-Ермоловскомъ женскомъ училищѣ, у Каменнаго моста (нынѣ „Маріинскомъ").

[2]) Въ 1864 г. подъ предсѣдательствомъ Ѳ. И. Буслаева, въ 1866 г. подъ предсѣдательствомъ Н. С. Тихонравова.

въ общераспространенныхъ нынѣ руководствахъ и пособіяхъ русской словесности („Исторія русской словесности“ А. Д. Галахова, „Исторія русской словесности“ И. Порфирьева и „Историческая хрестоматія“ Ѳ. И. Буслаева) дано мѣсто русской народной поэзіи. Съ нею знакомятся учащіеся всѣхъ среднихъ школъ: свѣтскихъ и духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, классическихъ и реальныхъ, мужскихъ и женскихъ.

Это было слѣдствіемъ общаго движенія европейской школы.

Время распространенія изученія народной поэзіи въ нашихъ гимназіяхъ совпало съ возвращеніемъ ихъ на путь классическаго ученія. Вотъ почему мнѣ казалось необходимымъ на первыхъ же порахъ учительства выяснить, какъ поставлена эта часть языкоученія въ европейской классической школѣ. Въ 1866 году, посѣщая гимназіи сѣверной Германіи [1], я убѣдился, что изученіе роднаго эпоса входитъ тамъ какъ существенное дополненіе литературнаго образованія, даваемаго классическою школою. Одновременно съ чтеніемъ классиковъ, тамъ производится обильное чтеніе и „Пѣсни о Нибелунгахъ“, и „Бѣднаго Генриха“ и др. въ подлинникахъ. Тамъ посвящается этому чтенію значительная доля курса Унтеръ-секунды. Учитель, соединяющій въ лицѣ своемъ преподаваніе древнихъ языковъ и отечественнаго, даже называлъ мнѣ Унтеръ-секунду „классомъ эпоса“, и я увидѣлъ, какъ чтеніе Гомера и народнаго отечественнаго эпоса въ его искусныхъ рукахъ дѣйствительно пополняли другъ друга.

Въ нашихъ гимназіяхъ это дѣло значительно облегчается тѣмъ, что нашъ эпосъ не требуетъ при чтеніи его учениками такой мелочной интерпретаціи, какая неизбѣжна у нѣмцевъ, потому-что нѣмецкій эпосъ является на языкѣ средне-верхне-нѣмецкомъ, столь отличномъ отъ литературнаго. У насъ обильное чтеніе народнаго эпоса, послѣ класснаго объясненія 3—4 былинъ, можетъ быть передано всецѣло внѣкласному чтенію учащихся. Нужно только такое ихъ изданіе, которое предлагало бы хотя самыя необходимыя поясненія какъ относительно языка, такъ и содержанія былинъ.

Вотъ этой-то настоятельной потребности я и стараюсь удовлетворить въ предлагаемомъ нынѣ изданіи былинъ. Сборники ихъ, изданныя съ научною цѣлію [2], неудобны для юношества какъ обиліемъ матеріала, въ нихъ заключеннаго, такъ и массою варіантовъ, которыя предложены въ этихъ сборникахъ. Сверхъ того, обширныя (и порою мало вразумительныя) объяснительныя статьи, сопровождающія тексты былинъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сборниковъ, сдѣлали ихъ и по цѣнѣ далеко не общедоступными, не говоря уже о томъ, что будучи изданы учеными обществами, они не составляютъ предмета обычной книжной торговли, какъ вообще почти все, издаваемое у насъ правительственными учрежденіями и состоящими при нихъ обществами.

Между тѣмъ потребность сдѣлать драгоцѣнное національное достояніе это доступнымъ бо́льшему кругу читателей и юношеству въ послѣднее время сознается многими. Наша дѣтская литература представляетъ нѣсколько попытокъ почерпнуть изъ этой сокровищницы матеріалъ для чтенія юношества [3]): но то были передѣлки народныхъ

[1]) Въ Берлинѣ и Гамбургѣ.

[2]) См. ихъ въ Учительской Библіотекѣ—описательномъ каталогѣ книгъ по русскому и ц.-сл. яз. и словесности, изданномъ мною къ Юбилейной выставкѣ Общ. поощр. трудолюбія въ Москвѣ 1888 г.—подъ №№ 65 и 66.

[3]) Такова книжка: 1) „Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ“. Спб. 1883. 2) „Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ, и его славныхъ подвигахъ, по древнимъ былинамъ изло-

былинъ, гдѣ произвольно измѣнялись порою самыя ихъ фабулы, вставлялись собственные стихи составителей, и притомъ безъ обозначенія этихъ измѣненій и добавленій.

Мое изданіе имѣетъ цѣлью дать подлинный текстъ былинъ безъ такихъ произвольныхъ искаженій и безъ всякихъ съ моей стороны добавленій. Редакціонная работа моя относительно текстовъ состоитъ въ выборѣ какъ основного текста каждой былины, такъ и тѣхъ варіантовъ, которые иногда вносятся въ него, если представляютъ болѣе полныя и характерныя черты лицъ и событій, изображаемыхъ въ былинѣ, положенной въ основу текста. Само собою разумѣется, что при этомъ выборѣ давалось предпочтеніе тѣмъ варіантамъ, въ которыхъ не заключается ничего оскорбляющаго нравственное и эстетическое чувство читателя. Но нигдѣ я не дозволялъ себѣ никакихъ измѣненій и тщательно въ выноскахъ обозначалъ, откуда взята каждая строка печатаемыхъ мною былинъ.

Такимъ образомъ предлагаемыя „Русскія народныя былины“ могутъ служить не только для эстетическаго развлеченія юныхъ читателей, но и какъ пополненіе тѣхъ научныхъ свѣдѣній о народной поэзіи, которыя они получаютъ на урокахъ словесности. Для послѣдней цѣли былины снабжены примѣчаніями и вводными статьями, а имъ предпослана характеристика этого поэтическаго рода и свѣдѣнія о пѣвцахъ, или сказителяхъ, на основаніи свидѣтельства собирателей былинъ.

Левъ Поливановъ.

жилъ П. Полевой М. 1887.—3) То жъ о Добрынѣ Никитичѣ.—4) „Книга былинъ“ Авенаріуса. Способъ составленія этой книги объясненъ въ предисловіи къ ней: „Сличивъ по стихамъ всѣ извѣстные варіанты избранныхъ былинъ, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное чтеніе стиховъ,—мы составили возможно полный сводъ каждой былины... не пренебрегли ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ, ни прозаическими богатырскими сказками... Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Ленрота, которые въ новѣйшее время разрозненные отрывки древней германской пѣсни объ Амелунгахъ и финской Калевалы сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь сущности былинъ, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хронику; стоявшія же отдѣльно отъ Владимірова круга былины о старшихъ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“ Добрыни Никитича“. Такимъ образомъ сборникъ Авенаріуса, представляя очень милую книжку для дѣтскаго чтенія, составленную съ любовью къ дѣлу, представляетъ мало цѣнности для тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ настоящимъ русскимъ народнымъ эпосомъ. Даже повидимому безвредное вложеніе пѣсенъ о старшихъ богатыряхъ въ уста Добрыни, тѣмъ не менѣе существенно повредило вѣрности того впечатлѣнія, которое желательно и при первомъ знакомствѣ съ русскимъ богатырскимъ эпосомъ: личность Добрыни получила господствующее значеніе въ сборникѣ вопреки дѣйствительному характеру нашего эпоса, гдѣ первенствующимъ героемъ является Илья Муромецъ.

Несравненно удачнѣе сдѣланъ выборъ былинъ въ изданной въ 1887 г. Спб. комитетомъ грамотности книжкѣ: „Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ“, подъ ред. О. Ѳ. Миллера. Здѣсь нѣтъ искаженій текстовъ, и Ильѣ сохранено подобающее мѣсто. Рекомендуемъ эту книжку для дѣтей младшаго возраста, какъ подготовленіе къ чтенію нашего сборника, который можетъ быть данъ тотчасъ послѣ нея и служить пособіемъ до самыхъ старшихъ классовъ гимназіи.



О

РУССКИХЪ

БЫЛИНАХЪ

(Введеніе къ чтенію ихъ).



I.

Народная устная поэзія и ея значеніе. — Былина и ея слоевой составъ.

Еще задолго до усвоенія письменности и книжнаго ученія, съ древнѣйшей поры народной жизни, поэзія становится выраженіемъ всей духовной дѣятельности народа. Въ незапамятную языческую эпоху въ обрядовыхъ пѣсняхъ и заклятіяхъ выражаютъ они свои религіозныя миѳическія вѣрованія, въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ — свою мудрость и знанія, въ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ—свои нравственные идеалы, воплощая въ дѣйствующихъ здѣсь лицахъ добро и зло.

Народная поэзія сопровождаетъ жизнь народа, измѣняя согласно съ нею и свое содержаніе. Теряясь отъ нашихъ взоровъ въ общемъ историческомъ источникѣ временъ незапамятныхъ, русская народная поэзія поддается наблюденію уже съ той поры, когда, переживъ доисторическую эпоху общеславянской жизни, каждый изъ славянскихъ народовъ, началъ свою историческую жизнь. Сохраняя въ пѣснѣ воспоминанія о прежней доисторической жизни съ ея миѳическими вѣрованіями и наполняя ихъ новымъ, уже историческимъ содержаніемъ, народъ отъ поколѣнія къ поколѣнію передаетъ эту пѣсню какъ живое, общенародное достояніе. Благодаря этому непрерывному общенію съ предками, совокупность людей, организованныхъ въ семейства, общины, сословія, корпораціи, видоизмѣняющіяся въ теченіе вѣковъ, во всякое время сохраняетъ крѣпкую связь съ поколѣніями прошедшими, образуя одну національность.

Вотъ почему знакомство съ народной поэзіей составляетъ святую обязанность общественнаго воспитанія у каждаго народа, себя уважающаго.

Среди произведеній устной народной поэзіи важнѣйшее мѣсто занимаетъ народный героическій эпосъ, который у насъ въ Россіи доселѣ живетъ въ устахъ народа въ формѣ пѣсенъ, воспѣвающихъ тотъ или другой эпизодъ идеальной жизни героической эпохи. Такія пѣсни составляютъ нашъ богатырскій эпосъ и называются **былинами**.

Былины выдѣляются изъ массы другихъ произведеній народнаго пѣснотворчества. Съ перваго взгляда онѣ могутъ показаться похожими на сказки. Но отъ сказки онѣ отличаются существенно. „Сказка можетъ состоять цѣликомъ изъ какого-нибудь миѳа природы“, пишетъ

Θ. И. Буслаевъ [1]), „не пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ. „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь“, говоритъ она вообще, не стѣсняясь точными указаніями, ни историческими, ни географическими. Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владиміра въ Кіевѣ, ведетъ Илью Муромца изъ села Карачарова, чрезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д.... Есть сказки, которыя уже сами голословно говорятъ о содержащемся въ нихъ миѳѣ природы, напр. о 12 мѣсяцахъ, о царицѣ, которая родила двойни—Солнце и Луну и т. п. Чѣмъ эпосъ первобытнѣе (какъ финская Калевала), тѣмъ больше въ немъ миѳологіи природы, и чѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія chansons de geste, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина... Миѳы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая мѣстныя формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовой колоритъ... Эпосъ развивается въ теченіе извѣстнаго періода народной жизни съ точки бытовой и исторической, характеризуя богатырскіе типы, въ которыхъ народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самосознаніе. Понятно, слѣдовательно, что между миѳомъ о тучѣ“ (который могъ первоначально лечь въ основу образа свистящаго Соловья и разщепляющаго дубъ Ильи), „затерявшимся въ образѣ Соловья Разбойника и типомъ Ильи Муромца, какъ представителя общины или какого-нибудь другаго бытоваго явленія, надобно предположить цѣлый рядъ переходныхъ слоевъ.... Русскій народный эпосъ служитъ для народа неписанною, традиціонною лѣтописью.... Это не только поэтическое возсозданіе жизни.. . Народъ, остановленный въ своемъ развитіи, какъ финны, могъ довольствоваться стихійными миѳами своей Калевалы. Русскій народъ въ своихъ былинахъ сознало свое историческое значеніе“. Изъ эпическихъ пѣсенъ выдѣляется рядъ такихъ, которыя исключительно воспѣваютъ историческихъ дѣятелей родной земли отъ временъ татарскихъ до нашего времени. Эти былины называются историческими пѣснями [2]).

„Первый шагъ къ развитію миѳа“, продолжаетъ Θ. И. Буслаевъ, „конечно, совершается въ нѣдрахъ самой миѳологіи. Но такъ какъ самое разселеніе племенъ въ эпоху незапамятную есть уже фактъ историческій и притомъ фактъ высокой важности, то указывая на различіе національностей въ отношеніи географическомъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ ужъ и о различіи историческомъ, бытовомъ. Такимъ образомъ годовщина народная“ (т. е. празднованіе различныхъ дней въ кругѣ годичныхъ измѣненій весны, лѣта, осени и зимы),“ возникшая изъ миѳовъ, олицетворявшихъ природу, общихъ всѣмъ родственнымъ племенамъ, должна была уже рано принять своеобразныя формы у Славянъ вообще и у русскихъ въ частности.

„Народная годовщина, возвращающая вѣрованія ежегодно къ однимъ и тѣмъ же физическимъ явленіямъ и поддерживавшая въ народѣ въ теченіе столѣтій миѳологію природы, очень рано осложнилась вліяніемъ христіанства. Національныя названія временъ года и мѣсяцевъ были замѣнены названіями греко-римскими, языческія годовщины — праздниками христіанства. Тотчасъ же по принятіи народомъ христіанства, на календарь языческій былъ наложенъ календарь церковный; миѳологія природы продолжала еще жить въ умахъ, скрытая подъ новыми названіями, и миѳическіе образы сближались съ христіанскими именами.... У русскихъ въ древнѣйшую эпоху чествовались преимущественно Илья и Никола, а потомъ Егорій или Юрій, особенно чтимый и у нашихъ соплеменниковъ юговосточныхъ. Потому-то древнѣйшіе храмы на Руси были посвящаемы этимъ церковнымъ именамъ. Еще при Игорѣ существовала въ Кіевѣ церковь во имя св. Иліи, а на могилѣ Оскольда была построена церковь св. Николая; по лѣтописямъ, кн. Владиміръ, крестивъ землю Русскую, „постави въ Кіевѣ первую церковь св.

---

[1]) „Бытовые слои русскаго эпоса“ (Народная поэзія, историч. очерки орд. акад. Θ. И. Буслаева. Спб. 1887. Стр. 245—284).

[2]) Сборникъ такихъ пѣсенъ печатается мною и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ особою книжкою.

Георгія“. И эти три имени взяты изъ церковнаго календаря не по простой случайности, а вслѣдствіе историческаго перехода отъ воззрѣній языческихъ къ христіанскимъ: Перунъ передалъ свою молнію и свои стрѣлы Ильѣ-громовнику, Волосъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ сближенъ съ св. Николою, кн. Ярославъ избралъ себѣ въ патроны св. Георгія и построилъ во имя этого святаго монастырь. На Руси Юрьевъ день былъ днемъ перекочеванія крестьянскаго населенія; то былъ праздникъ весны, которая иначе называлось Яро, Ярь: понятно, почему Ярославъ былъ переименованъ въ Георгія, покровителя весенней годовщины.

„Изъ первобытнаго хаоса миѳологическихъ стихій мы вышли на вольный свѣтъ исторіи. Народный эпосъ наполнился географическими урочищами. Онъ сохранилъ и до нашихъ дней для народа и преданія историческія о важнѣйшихъ событіяхъ его прошедшей жизни. Былины воспѣваютъ татарщину, Батыя и Мамая, и татарскихъ баскаковъ, затѣмъ Москву. Отъ историческаго направленія нашего эпоса временъ татарщины и Ивана Грознаго можно заключить, что и болѣе ранній эпосъ не чуждъ характера историческаго. Чтобы воспѣвать событія русской жизни XIII или XVI и XVII в., народъ долженъ былъ воспитать въ себѣ историческій тактъ уже издавна. Въ этомъ отношеніи крутыхъ поворотовъ въ жизни народа не бываетъ. Позднѣйшему эпосу историческому долженъ былъ служить основой эпосъ ранній, воспѣвающій кн. Владиміра съ его богатырями. Уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться къ своему прошедшему исторически. Здѣсь былъ уже тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ свое историческое самосознаніе.

„Съ другой стороны лѣтописи уже самыхъ раннихъ редакцій примѣшиваютъ къ историческому содержанію эпическое, въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, начиная съ Обровъ и Козаръ, Кія, Щека и Хорива и т. д. Лѣтописное повѣствованіе объ Ольгѣ, дополняемое ея житіемъ и мѣстными сказаніями, соединяетъ въ себѣ былину съ духовнымъ стихомъ. Въ повѣствованіе о кн. Владимірѣ лѣтопись внесла нѣсколько эпизодовъ очевидно былиннаго характера (о Переяславскомъ героѣ, о киселѣ или земной кормлѣ, о мщеніи Рогнѣды-Гориславы и т. п.). Лѣтописецъ позднѣйшій, дополняя прежнія лѣтописныя сказанія мѣстными преданіями, шелъ объ руку съ пѣвцомъ былины. Этимъ объясняется былинный складъ такихъ, напр., лѣтописныхъ сказаній, каковы сказанія о подвигахъ Александра Поповича, о Могутѣ и другихъ богатыряхъ князя Владиміра....

„Расширяя такимъ образомъ область русскаго народнаго эпоса, мы должны признать одно громадное, эпическое цѣлое, которое уже въ древнѣйшую эпоху по частямъ высказывалось въ раннихъ сказаніяхъ лѣтописныхъ, но потомъ раздѣлилось на нѣсколько вѣтвей, частію въ поэтическихъ эпизодахъ лѣтописей и житій, частію въ изустныхъ былинахъ и мѣстныхъ преданіяхъ“.

„Въ изученіи былинъ сравнительно съ источниками письменности“, продолжаетъ проф. Буслаевъ, „надобно отличать эпосъ историческій отъ героическаго, или богатырскаго. Чѣмъ древнѣе воспѣваемыя событія и лица, тѣмъ болѣе они теряютъ конкретность историческую, тѣмъ болѣе господствуетъ въ нихъ общее. По наивному пріему народнаго творчества, это общее наглядно выражается въ пріуроченіи эпическихъ героевъ къ разнымъ эпохамъ. Потому кн. Владиміръ и его богатыри сражаются съ татарами, и Русь Кіевская сливается въ одинъ періодъ съ Русью Суздальскою какъ въ былинахъ, такъ и у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Богатыри и поленицы, какого бы они происхожденія ни были, историческаго или вымышленнаго, это уже типы общіе, а не индивидуальные портреты. Какъ историкъ дѣлаетъ общее обозрѣніе эпохи, группируя мелкія подробности въ общей картинѣ, съ перспективою цѣлаго ряда удаляющихся въ глубь плановъ, такъ и эпическое творчество въ своихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ обобщаетъ историческія подробности старины. Это уже не факты дѣйствительности, а способъ воззрѣнія на жизнь и исторію. Въ этомъ отношеніи героическая былина сходится съ лѣтописною сагой, и древнѣйшія преданія былины — съ древнѣйшими преданіями лѣтописи.

Богатыри кн. Владиміра заступаютъ мѣсто богатырей старшихъ, этихъ первобытныхъ чудовищъ и великановъ, а также ведутъ борьбу съ чудовищами и великанами. И лѣтопись повѣствуетъ о борьбѣ славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами, о единоборствѣ Владимірова богатыря Переяслава съ великаномъ Печенѣгомъ, Мстислава Тмутараканскаго съ великаномъ Редедею, Смоленская легенда—объ единоборствѣ св. Меркурія съ великаномъ-татариномъ и т. п.... Каково бы ни было первоначальное значеніе великановъ въ сравнительной миѳологіи природы, но у насъ эту миѳическую породу лѣтописное преданіе сблизило уже съ Обрами, Печенѣгами, Татарами, и такимъ образомъ заслонило миѳъ природы цѣлымъ рядомъ историческихъ событій. Языкъ, какъ самое вѣрное и полное выраженіе воззрѣній народа, перевелъ собственныя имена народовъ Обръ, Велетъ или Волотъ въ нарицательныя имена великана вообще, и сверхъ того волоткою назвалъ вообще гору или курганъ, точно такъ же, какъ отъ щудъ (великанъ) произвелъ слово щудка (гора, холмъ).

„Тамъ, гдѣ вершины горъ теряются въ облакахъ, естественно было составиться представленію о тучѣ въ образѣ горы: потому въ основѣ раннихъ миѳовъ о горахъ-великанахъ могутъ быть усмотрѣны представленія тучи"... но „какъ только впервые русскій человѣкъ сложилъ свои баснословныя сказанія, гора стала для него уже настоящею, земною горой, и притомъ горою родной земли. Горы Кіевскія—это одно изъ самыхъ завѣтныхъ представленій русской старины".

Напомнивъ о горахъ Кіевскихъ въ легендѣ объ апостолѣ Андреѣ, о Перунѣ на холмѣ, о трехъ братьяхъ—Кіи, Щекѣ и Хоривѣ на горахъ кіевскихъ, этихъ горянахъ или горыняхъ, проф. Буслаевъ продолжаетъ: „Итакъ что́ же такое по представленіямъ, такъ прочно сложившимся въ древней Руси, тотъ чудовищный богатырь, котораго когда-то встрѣтилъ Илья Муромецъ лежащимъ на горѣ, потому что его земля на держитъ? Туча, облако или какое другое атмосферическое или небесное явленіе? По складу всѣхъ преданій, это не что иное, какъ тотъ же великанъ Волотъ, лежащій на горѣ-волоткѣ, это Щекъ или Хоривъ на Щековицѣ или Хоревицѣ, это Перунъ, выброшенный на Перунову гору. Въ связи съ миѳическими и богатырскими горами состоятъ былинныя сказанія объ окаменѣніи богатырей или превращеніи ихъ въ камни.

„Перехожу къ рѣкамъ. По миѳологіи природы, въ былинахъ рѣки не настоящія, земныя—это рѣки небесныя; дождь, ливень... Въ основѣ былинныхъ сказаній о рѣкахъ явствуютъ также миѳологическія преданія: но преданія эти опираются на такую твердую почву географическихъ урочищъ, что не даютъ права возносить наши Дунаи и Волховы въ заоблачныя высоты".

Указавъ значеніе сказокъ о рѣкѣ, получившей имя Волхова, о древнемъ обычаѣ спускать по рѣкѣ гробы, отразившемся въ исчезновеніи Ильи и Добрыни на кораблѣ, куда-то уплывшемъ, о Лебеди, рѣкѣ кіевской, съ которою соединяется рядъ сказаній о женскихъ личностяхъ; о значеніи бродовъ, бывшихъ мѣстомъ вражескихъ стычекъ, мѣстомъ возникновенія городовъ и давшихъ свое имя жителямъ на бродахъ (братья Сбродовичи или Збродовичи), проф. Буслаевъ переходитъ къ одному изъ важнѣйшихъ эпизодовъ былинъ—къ побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ:

„Въ чудовищѣ, имъ пораженномъ, миѳъ тучи съ дождемъ осложнился бытовыми чертами, и этотъ бытовой слой очень налегъ на стихійный миѳъ, точно также, какъ самъ Муромецъ съ незапамятныхъ временъ перестал быть Перуномъ". Въ Соловьѣ и его семействѣ авторъ усматриваетъ звѣринскіе обычаи менѣе развитаго быта. „Это жители лѣсовъ или какъ бы стародавніе древляне или вятичи въ противоположность Муромцу, который у себя на родинѣ расчищалъ лѣсъ для пахотной земли", это —„мужикъ, котораго можно въ торокахъ везти, но это же и птица, которая и свиститъ какъ змѣй". Древолазаніе Соловья по вершинамъ деревьевъ даетъ автору поводъ сблизить его съ другими русскими сказаніями и прійти къ заключенію, что черты историческаго быта находятся и въ личности Соловья-Разбойника и мо-

гуть быть объяснены воззрѣніями и привычками бортниковъ, которые именно и населяли тѣ лѣса, по коимъ муромскому богатырю приходилось ѣхать изъ своей родины къ сильному князю кіевскому.

„Имена и событія Кіевской Руси", продолжаетъ проф. Буслаевъ въ слѣдующей главѣ статьи своей, „могли быть перенесены на личности и событія Руси Суздальской и, наоборотъ, факты исторіи сѣверо-восточной Руси могли быть смѣшаны съ ранними фактами южной Руси. Что касается до эпическаго цикла Новгородскаго, то онъ потому сохранился болѣе историческимъ, болѣе цѣльнымъ, что оставался на своей мѣстной почвѣ и не подвергся новой переработкѣ, какъ эпосъ кіевскій, который долженъ былъ слиться въ одно цѣлое съ сказаніями суздальскими. Образъ Ильи Муромца—замѣчаетъ О. Ѳ. Миллеръ—до того пріуроченъ даже къ опредѣленной точкѣ въ области Муромской, селу Карачарову, что до сихъ поръ въ немъ не только указываются часовни на скочкахъ коня Ильи, но даже существуютъ крестьяне Ильюшины, считающіе себя прямыми „потомками славнаго богатыря".

„Какъ самъ кн. Владиміръ", продолжаетъ проф. Буслаевъ, „переводится въ городъ Владиміръ, такъ и богатыри его, по лѣтописнымъ сказкамъ, то относятся къ его времени и къ Кіеву, то пріурочиваются къ позднѣйшимъ событіямъ Руси сѣверо-восточной. Напр., между богатырями кн. Владиміра вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецемъ упоминается „Александръ Поповичъ" (по былинамъ „Алеша"), который такимъ образомъ, будто бы присутствовалъ при знаменитомъ пораженіи печенѣжскаго великана переяславскимъ юношею. И потомъ тотъ же Александръ Поповичъ принимаетъ участіе въ событіяхъ начала XIII столѣтія, въ битвахъ Липецкой и при Калкѣ. Замѣчательно, что какъ по былинамъ Алеша Поповичъ—изъ Ростова, сынъ ростовскаго соборнаго попа, такъ и по лѣтописной сказкѣ, Александръ Поповичъ состоитъ въ ополченіи ростовскаго князя Константина противъ суздальскаго. „Съ Константиномъ было два „богатыря" — говоритъ лѣтописная сказка — „Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ, „съ слугою своимъ Торопкомъ"... По нѣкоторымъ варіантамъ былиннымъ, Добрыня—изъ Рязани; но лѣтописнымъ сказкамъ, онъ также—Рязаничъ. По Никоновской лѣтописи, на Липецкой битвѣ съ Константиномъ Всеволодовичемъ были Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ и Нефедій Дикунъ, и приводится нѣсколько подробностей о подвигахъ Поповича. Далѣе, какъ по былинамъ князь Владиміръ и его богатыри ведутъ войну съ татарами, такъ и по лѣтописнымъ сказкамъ богатыри погибаютъ въ битвѣ при Калкѣ. По 4-й Новгородской лѣтописи: „убиша Александра Поповича и съ нимъ богатырь 70". По Ник. лѣт.: „въ лѣто 6733... воинственныхъ людей толико быть побіено, яко ни десятый отъ нихъ „возможе избѣжати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей вcѣ побіени быша". Наконецъ, по сказкѣ Тверской лѣтописи, битва при Калкѣ составляетъ одно цѣлое съ битвою Липецкою, въ особомъ эпическомъ сказаніи, героемъ котораго является Александръ Поповичъ. Лѣтописецъ заимствовалъ это сказаніе изъ какого-то источника („описанія налѣзше"). Онъ начинаетъ такъ: „Бѣ нѣкто отъ ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него „именемъ Торопъ" и т. д. Липецкая битва запечатлѣна урочищами, свидѣтельствующими о богатырскихъ подвигахъ, и особенно стычка на рѣкахъ Ишнѣ и Усіи: „Александръ же выходя „многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихже костей накладены могилы велики и донынѣ „на рѣкѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи". Съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не Добрыню, а Тимоню Златой Поясъ. По смерти князя Константина, опасаясь мщенія князя Георгія, особенно за убіеніе его „безумнаго боярина Ратибора", Александръ Поповичъ удалился въ городокъ или крѣпость, куда и созвалъ свою богатырскую дружину, которая должна была служить „матери градомъ Кіеву"; это и суть тѣ 70 богатырей, которые потомъ погибли при Калкѣ. „Вскорѣ смысливъ"—говоритъ лѣтописная сказка о своемъ героѣ—„посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время,

„и сзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже „и нынѣ тотъ сопъ (ссыпной валъ, курганъ) стоитъ пустъ. Ту бо собравшимся совѣтъ сотво- „рипа, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженьямъ, то и не хотя имутъ переби- „тися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, „яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“.... Драгоцѣнное мѣсто для исторіи нашего былиннаго эпоса! Хотя Владиміровы богатыри переводятся въ XIII в., на Гремячій Колодезь, какъ въ позднѣйшихъ былинахъ Илья М. съ товарищи становятся донскими казаками, но все же, согласно съ основною идеею былиннаго эпоса, богатыри въ своей думѣ порѣшили не дробить свои силы по разнымъ княженіямъ, чтобы не перебить другъ друга, и положили служить Кіеву, точно такъ же, какъ тянутъ къ этому стольному городу всѣ былинные богатыри князя Владиміра. Въ этой думѣ лѣтописной сказки доносятся къ намъ голоса нашихъ былинныхъ пѣвцовъ, когда еще въ ихъ свѣжемъ творчествѣ не изсякла та эпическая струя, которая слила въ одно эпическое цѣлое преданія и сказанія суздальскія съ кіевскими“.

„Въ глубинѣ эпическаго преданія“, заключаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, „безъ сомнѣнія, стоитъ миѳъ; но какъ лѣтописныя сказки, такъ и точное свидѣтельство Слова о полку Игоревѣ, говоритъ намъ ясно, что эпическія личности состоятъ уже во внучатномъ отношеніи къ миѳическимъ существамъ. Богатыри только наслѣдуютъ часть своей силы отъ своихъ божественныхъ предковъ. Въ богатырскихъ типахъ не возводятся до апотеозы историческія личности (какъ учила старинная теорія), а исторія и бытъ народный поэтизируются, съ точки зрѣнія эпической, т. е. озаряются ореоломъ миѳическихъ вѣрованій. Какъ Илья М., по былинамъ, подстрѣлилъ дивовище-Соловья Разбойника, такъ и Всеславъ Полоцкій, по Слову о П. И.— хотя лицо историческое—„людямъ судяше, княземъ грады рядяше“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, „самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше“. Не историческія лица изъ Суздальцевъ были возведены въ почетный ликъ Владиміровыхъ богатырей, но событія позднѣйшей исторіи были опоэтизированы сближеніемъ ихъ съ богатырствомъ стародавнимъ. Но такъ какъ въ памяти народа эта эпическая старина утратила свои прежнія краски, историческія и мѣстныя, то естественно—и была подновлена тѣми подробностями, которыя находили кругомъ себя пѣвцы позднѣйшіе. Потому-то въ составъ русскаго народнаго эпоса должны были войти, какъ его элементы, мѣстныя сказанія и мѣстныя былины, которыя слились въ одно цѣлое, точно такъ же, какъ Муромецъ Илья, Рязанецъ Добрыня, Ростовецъ Поповичъ изъ своихъ родныхъ гнѣздъ собрались въ Кіевъ, къ кн. Владиміру“.

II.

Гдѣ наиболѣе сохранились былины? — Пѣвцы былинъ и общія свойства ихъ пѣнія.

Былины сохранились особенно изобильно въ сѣверныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Собиратели ихъ, Рыбниковъ, Гильфердингъ и др. оставили намъ обстоятельныя описанія своихъ работъ въ этой поэтической консерваторіи нашего отечества.

Гильфердингъ [1]) такъ описываетъ сѣверо-восточную часть Олонецкой губерніи, гдѣ собиралъ онъ былины въ ближайшее къ намъ время (1871 г.):

„Отрадно видѣть сѣверо-русскаго крестьянина этой мѣстности самого по себѣ... Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ, я не виды-

1) Въ статьѣ своей: „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“, предпосланной его „Онежскимъ былинамъ“. Спб. 1873.

валъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріиствомъ, сколько отсутствіемъ корысти... Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости.

„Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоёмомъ, который находится въ прямой связи съ петербургскимъ портомъ: но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озёра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа—телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошниимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, гдѣ начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что́ нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ) или же на волокахъ, т. е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается лошадь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхо́мъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами. Легко вообразить, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы, распахиваніе нивъ, т. е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ 3 года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбонашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто полѣсуетъ, т. е стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины... Это народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова... Народъ здѣсь отличается особенною набожностью.

„Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно въ сѣверной и восточной ея части, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ: свобода и глушь. Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной семьи, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Въ то же время крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное...

„Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ,—безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются... Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее раз-

становкою, необходимою для записыванія, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслію въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ напр. Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: „Каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!“ или: „Вишь, поганая змѣя, выдумала еще хитрить!“ или: „Вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы!“ и т. д. Когда со стороны кого-нибудь изъ грамотеевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: встарину де люди были вовсе не такіе, какъ теперь. Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія: и тотъ и другой не только грамотные, но и начётчики, одинъ—перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой—недавно остаровѣрившійся. И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ; будто, напр. Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ потому, что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія. Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому не удивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключемъ бьетъ... Въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось мнѣ найти 70 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины.

„Былины сохранились только въ средѣ крестьянъ. Почти всѣ наши рапсоды—неграмотные. Я встрѣтилъ только пятерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ. Былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

„Пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ, и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ „старины“. Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нашихъ „каликъ“ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, но калики почти не знаютъ былинъ.

„Замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключеніе составляютъ только одни слѣпые, которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинъ извѣстны въ то же время, какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева.

„Распрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Многіе изъ нихъ, а именно тѣ, которые больше другихъ упомнили, либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья да плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть „старины“, и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, „крестьянство“ (т. е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что́ прежде помнилось и пѣвалось... Впрочемъ мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ: каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству“.

III.

Содержаніе и форма русскихъ былинъ.

„Когда слушаешь нашихъ народныхъ пѣвцовъ“, продолжаетъ Гильфердингъ, „прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. По каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или карикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной увѣренной въ себѣ, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія, силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ—нахальства и подлости, Чурила—франтовства и женолюбія; вездѣ Михайло Пóтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удальцомъ, Ставеръ—глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василій Игнатьевичъ—пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ, а этого-то никогда не бываетъ. Потому, кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти.

„Въ самомъ дѣлѣ нужна громадная сила памяти, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа... Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства; онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ—разъ забывши, какъ поется—никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко....

„Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполнѣ довольствуются тѣмъ, что „такъ поется“, и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому, и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ, удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ

крестьянина: подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ „сырыхъ дубахъ", въ этой „ковыль-травѣ", въ этомъ „раздольицѣ чистомъ полѣ", которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ напр. сохраненіе образа гнѣдого тура, давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ палицей боевою. Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами какой-нибудь бананъ. Знаетъ ли онъ, что́ это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку „раздолье чисто поле?" Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ или пнями клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это—трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

„Но само собою разумѣется, что кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстныя, и личныя стихіи: когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій „мхи-болота перескакивалъ, мелкія озера промежъ ногъ пущалъ", то онъ рисуетъ картину, которая составилась на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало.

„Въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста типическія, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста переходныя, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ конечно весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину,—вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ. Эти типическія мѣста имѣютъ у каждаго сказителя свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, какъ представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, которыя поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ типическія мѣста всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей (Ивана Феионова и Потапа Антонова) богатыри отличаются особенною набожностью: они то-и-дѣло молятся Богу,—а изъ этихъ сказителей Феноновъ—калика, т. е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи".

IV.

Видоизмѣненія формы былинъ по мѣстностямъ.

„Каждая былина", читаемъ далѣе въ статьѣ Гильфердинга, „вмѣщая въ себѣ и наслѣдие предковъ и личный вкладъ пѣвца, сверхъ того носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстный. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губ. должны быть раздѣлены по мѣстности на двѣ большія группы. Ихъ можно бы назвать пріонежскою (или, если угодно употребить старинное слово,—обонежскою) и заонежскою [1]).

„Группа пріонежская характеризуется пространностью былинъ, сѣверо-восточная группа—относительною ихъ сжатостію. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Пріонежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Горацій приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ—длиннотою: dic age longum, Calliope, melos. Въ Пріонежьѣ слышатся былины въ 1000 и болѣе стиховъ и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7, 8, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На СВ., напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій (5, 6-стопный) вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняютъ былины въ устахъ пріонежскихъ пѣвцовъ [2]), здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300—400 стиховъ".

Прионежскихъ рапсодовъ, въ свою очередь, Гильфердингъ подраздѣляетъ на двѣ—такъ сказать—школы: Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. „Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ?—Въ чертахъ, весьма мелкихъ, но которыя даютъ тонъ всей рапсодіи, а именно: въ тѣхъ безпрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпическаго стиха, подобно гомерическимъ частицамъ ἄρα, αὖ, γέ, δή и проч. Въ Кижахъ такими частицами—кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли*—служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де*; у толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынъ* или *нунъ*, *же*, *было*, *есть* и *е*: это послѣднее (*есть*, сокращенное въ *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прош. вр., но такъ какъ смыслъ его уже потерянъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

„Что касается до сѣверо-восточной группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы—на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ—манера сказителей одна и та же: тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ". Тѣмъ не менѣе Гильфердингъ считаетъ нужнымъ подраздѣлить сѣверо-восточную мѣстность на группы не по складу былинъ, а по ихъ сюжетамъ: на Выгозерскую, гдѣ воспѣваются тѣ же богатыри, что и въ Прионежьѣ (общественные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д. и, сверхъ того, Дунай Ив., Ставеръ, Дюкъ, Садко), на Кенезерскую, гдѣ про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, а про Дуная и Ставра даже и не слыхивали, сказанія же про Илью и Чурилу многочисленнѣе (особенно имѣютъ такое преобладающее значеніе пѣсни объ Ильи Муромцѣ, какого не видно въ Прионежьѣ, и поется лирическая былина о Щелканѣ)—и на Выдлозерскую, не имѣющую никакой опредѣленной физіономіи [3]).

---

[1]) Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна.

[2]) Мы помѣстили одну изъ нихъ, представляющую поразительный примѣръ такого обилія эпическихъ повтореній—подъ № 32.

[3]) „Между прочимъ кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ и на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣв.-русское нарѣчіе, въ которомъ о

V.

Размѣръ былинъ.

Переходя къ размѣру былинъ, Гильфердингъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ дѣлалъ свои наблюденія съ этой стороны.

„Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ пріучить своего спутника рапсода пѣть (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ словами—тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же пріемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда.

„Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины, что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра—дальнѣйшая степень такой порчи,—это не требуетъ доказательствъ... Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха?

„Не одинъ, а нѣсколько. Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пѡтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ“. Г. Рыбниковъ разумѣлъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа—размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябинина—хорей съ дактилемъ, въ Пѡтыкѣ—чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ позднихъ его произведеній.

„Преобладающій размѣръ, который я назову обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

„Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является растяжимымъ; растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-тистопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ,—стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8 стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такія длинныя стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинъ, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былину словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ“ [1]).

произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и род. п. прил. на *аго*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще наклонность *ѣ* къ звуку *и* и *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ѣ* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц*—чистое *ч*, рѣдки и не постоянны; обыкновенно же является средній звукъ“.

[1]) Гильфердингъ приводитъ затѣмъ примѣръ стиха, который назвалъ „обыкновеннымъ эпическимъ“, которымъ лучшіе сказители, Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, поютъ былины въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи:

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачарова,
Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромли

„Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать игривымъ какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя па Кіевъ—событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются (какъ въ чисто-эпич. размѣрѣ), а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ—что было бы черезъ-чуръ утомительно,—а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины, о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владыміръ князь стольно-кіевскій
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бо́яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ и т. д.

„Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Василіи Казиміровѣ:

О Добрынѣ:
Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо
На всѣхъ сильныихъ русьскіихъ могучихъ на богатырей
А й на славныхъ поляницъ на удалыихъ.

О Дунаѣ:
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо,
Да й на русьскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.

„Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хореическимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ, и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

„У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется, и стихъ кончается не дактилемъ, а 4 или

А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки чернымъ-черно,
А й чернымъ-черно какъ черна ворона....

„Но большинство нашихъ сказителей“, прибавляетъ Гильфердингъ, „позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорея употребляютъ дактиль, но какъ при этомъ 2 краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется“. Затѣмъ приводится въ примѣръ 52 стиха изъ былины, записанной отъ Абрама Евтихіева, начинающейся такъ:

Добрынюшкѣ матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
„Ты не ѣзди-ко далече во чисто полё
„На тую гору да сорочинскую,
„Не топчи-ко младыхъ змѣенышевъ,
„Ты не выручай-ко полоновъ да русьскіихъ и т. д.

„На 52 стиха“, замѣчаетъ Гильфердингъ, „оказывается 42 совершенно правильныхъ хореическихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6—есть дактилическія стопы вм. хорея. Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ наилучшихъ, и съ другой стороны тѣхъ (какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ), Сарафановъ, которые утратили вовсе размѣръ стиха“. У лучшихъ сказителей „если въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значитъ, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, „засыпая“, скажетъ плохой гексаметръ“.

5-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бо́льшую легкость размѣру, но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными [1]).

„Третій размѣръ, анапестическій, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенія, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на 3 или 4 слогѣ съ конца [2]). Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ „торжественнымъ“ напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Вотъ примѣры (отъ Рябинина).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и преставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Младый Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга онъ ростѣть-матерѣть,
Похотѣлось Вольги-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во синихъ моря́хъ,
Птицей-соколомъ летать Вольги подъ о́болока́,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поляхъ....

или:

Во чисто́мъ поли съѣзжалися́
Три сильніихъ могучіихъ богатыря́,
По имени первой Колыванъ богатырь,
Другой Муромлянъ богатырь,
Третій Самсонъ богатырь.
Промежду собою рѣчи говорили,
Которыи изъ насъ будетъ бо́льшій бра́тъ?
Говоритъ Самсо́нъ богатырь:
„Кабы былъ столо́бъ въ земли,
„Кабы было кольцо въ столбу,
„Я бы землю всю вокру́гъ поверну́лъ“.
Говоритъ Муромлянъ бога́тырь:
„Я бы такожде по́вернулъ“.
Говоритъ Колыванъ богатырь:
„Я такожде мо́гъ повернуть“.
Господь Всевышній творѐцъ
За ихнее похвале́піе
Далъ имъ привидѣніе:
Куда у имъ было нарчено въ путь ѣхать,
Лежитъ на пороги су́мка́,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
Выскакиватъ со своего со до́браго коня́
Самсо́нъ богатырь,
Хватаетъ таковую сумку,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся.
Выходитъ Муромлянъ богатырь
Со своего со до́браго коня́,
Хватаетъ таковую сумку,
По колѣнамъ въ зе́млю усѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Колыванъ богатырь
Со своего со до́браго коня,
Хватаетъ таковую́ сумку́,
По грудямъ въ зе́млю сѣ́лъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся.
Съ небесъ имъ гласъ прогласи́ло̀:
„Сильніи могучіи богатыри!
„Отстаньте прочь отъ таковыя сумки́,
„Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ.
„Впредки не похваляйтесь
„Всею землею владѣти́,
„Наблюдайте свое́ доброѐ,
„Ѣздите по святой Руси́,
Дѣлайте защиту,
„Сохраняйте Русею отъ не́пріятеля,
А хвастать по пустому не знайте.

„Эти три размѣра—обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ (циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ называемыя кіевскія и новгородскія былины“.

---

[1]) Начало примѣра:

Зго́воритъ младъ Солове́й сынъ Гуди́міровичъ:
„Сходенку выкидывай серебряную́,
„Другу выкидывай позоло́ченую́,
„Третью выкидай и сново́лжаную....

[2]) а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда 2 ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходилъ какой-то особенно медленный и грузный.

Въ заключеніе Гильфердингъ прибавляетъ:

„Прислушиваясь къ былинамъ, записывая ихъ съ голосу сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству“, и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза [1]) угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху [2]): ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей „версификаціи“ отводитъ почетное мѣсто такъ называемымъ имъ „тригласнымъ“ риѳмомъ, т. е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха—этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ“.

---

[1]) Точнѣе Тредіаковскій, „Новый способъ сложенія россійскихъ стиховъ“ котораго Ломоносовъ уже имѣлъ, приступая къ своей теоріи русскаго стихосложенія.

[2]) Несомнѣнно знакомыхъ. Подводное царство въ героической его поэмѣ „Петръ Великій“ свидѣтельствуетъ о знакомствѣ его съ былинами о Садкѣ, богатомъ гостѣ. *Л. П.*

Высота ли высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе;
Долги плеса Чевылецкіе,
Высоки горы Сорочинскія [1]),
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстры рѣки Понизовскія *).

Сильные могучіе богатыри во Кіевѣ,
Церковное пѣнье во Москвѣ-городѣ,
Славный звонъ во Новѣ-городѣ,
Сладкіе поцѣлуи Ново-ладожанки,
Гладкіе мхи къ синю морю подошли;
Щелье [2])-каменье въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подолы [3]) Олонецкіе...**)

---

*) „Древнія россійскія стихотворенія".—**) Пѣсни, собр. П. Рыбниковымъ. II, № 11.

[1]) Сорочинскія—сарацынскія.—[2]) Щелье—скалы.—[3]) Подолы—долы, низкія мѣстности.



1.

Волхъ Всеславьевичъ, или Вольга Святославичъ *).

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры [1]) да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
„Молода Марѳа Всеславьевна!
„А не пеленай во пелену червчатую [2]),
„А не поясй въ поясья шелковые,—
„Пеленай меня, матушка,
„Въ крѣпки латы булатныя,
„А на буйну голову клади златъ шеломъ,
„По правую руку палицу,
„А и тяжку палицу свинцовую,
„А вѣсомъ та палица триста пудъ“.
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться—
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила его ужъ перомъ писать—
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;

*) „Древнія россійскія стихотворенія“, № VI.
[1]) Туръ—дикій быкъ.—[2]) Червчатый—багряный, красный.

Ко другой-то мудрости учился онъ, Волхъ,
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ - золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать.
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей:
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина въ пятнадцать лѣтъ.
Прошла та слава великая
Къ стольному городу Кіеву:
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ-градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.
Дружина спитъ—такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ-скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью [3])
А бьетъ онъ звѣри сохатые;
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы—любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ [4]) не брезгивалъ;
Волхъ поилъ-кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ:
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ—такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ-кормилъ дружинушку хоробрую:
А все у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.

А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить:
„А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
„Не много, не мало васъ—семь тысячей,
„А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
„Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
„А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
„Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
„Про царя Салтыка Ставрульевича“?
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется;
Отвѣчаютъ ему добры молодцы:
— Нѣту у насъ такого молодца,
— Опричь тебя, Волха Всеславьевича. —
А тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому.
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти.
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому.
И будетъ онъ въ царствѣ Индѣйскомъ
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по насту тянутъ,
Царь со царицею въ разговоры говоритъ.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— А и гой еси, ты славный индѣйскій царь!
— Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
— Про то не знаешь, не вѣдаешь:
— А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
— А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
— Тебѣ царю супротивничекъ.—
А втопоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,

---

[3]) Раменье—лѣсъ, сосѣдній съ полемъ.—[4]) зайцами, лисицами.

Онъ тѣ-то де рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ;
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Взвился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хоробрыя.
Дружина спитъ—такъ Волхъ не спитъ;
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
„Гой еси ты, дружина хоробрая!
„Не время спать, пора вставать!
„Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому.“
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной.
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Вороты у города желѣзныя,
Крюки, засовы все мѣдные,
Стоятъ караулы денны, нощны,
Стоитъ подворотня-дорогъ рыбій зубъ.
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
„Потерять будетъ головки напрасныя,
„А и какъ намъ будетъ стѣна[5]) пройти“?
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ[6]),
И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашиками;
Перешли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ.
Въ славномъ царствѣ Индѣйскіимъ.
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною.
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдастъ:
„Гой еси вы, дружина хоробрая!
„Ходите по царству Индѣйскому,
„Рубите стараго, малаго,
„Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
„Оставьте вы только по выбору
„Не много, не мало—семь тысячей
„Душечки красны дѣвицы“.
А и ходитъ его дружина по царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красны дѣвицы.
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко индѣйскому.
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
„Хотя нога изломить, а двери выставить“.
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные;
Онъ беретъ царя за бѣлы руки
А славнаго царя индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича;
Ухва̀тя его, ударилъ о кирпищатой полъ...
И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та его дружина хоробрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ царемъ насѣлъ,
А то стали люди посадскіе.
Онъ злата, се́ребра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

---

[5]) стѣну.—[6]) Такое обращеніе въ муравьевъ встрѣчается и въ поэзіи другихъ народовъ. Такъ, въ одной новогреческой сказкѣ муравей, благодарный королевичу за оказанную имъ услугу, говоритъ ему: „Тебѣ стоитъ только сказать: муравей, муравей! и ты сдѣлаешься муравьемъ и пролѣзешь всюду“. Королевичъ воспользовался этимъ и прошелъ сквозь замочную скважину.

Волхъ, сынъ змѣя—полумиѳическій образъ ловца-чародѣя. Соединеніе въ лицѣ этого богатыря свойствъ звѣролова и воинственнаго предводителя дружины объясняется тѣснымъ сродствомъ охотничьяго и воинскаго быта: былина о Волхѣ эти черты древняго быта соединила вмѣстѣ. Къ нимъ присоединились и черты книжныя: такъ, нападеніе на царство Индѣйское объясняется древними рукописными повѣстями объ Индіи богатой. Имя индѣйскаго царя (то Салтанъ или Салтыкъ Ставрульевичъ, то Батыевичъ) и жены его (Азвяковна, Елена Александровна)—обыкновенныя имена исторической эпохи (по большой части татарскія). Къ книжнымъ вліяніямъ должно отнести и упоминаніе барса въ числѣ звѣрей, убиваемыхъ Волхомъ.

Въ личности Волха ясны и черты князя-дружинника, а въ воинскомъ бытѣ его дружины —черты, хорошо извѣстныя изъ историческихъ сказаній о походахъ, о военной добычѣ, въ числѣ которой и позднѣйшія сказанія часто упоминаютъ плѣнныхъ женъ и дѣвицъ. И все это наряду съ чудеснымъ оборотничествомъ. Такъ народный эпосъ соединяетъ черты различныхъ эпохъ отъ образовъ миѳологическихъ до принадлежностей быта временъ позднѣйшихъ. Поэтому не удивительно, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ Волхъ носитъ и историческое имя Олега—Вольга, и обернувшись горностаюшкомъ, въ числѣ испорченнаго имъ оружія „замочки у ружей повывертѣлъ". Во многихъ варіантахъ походъ свой Вольга совершаетъ на „Турецъ-землю" [7]), въ „Золоту-орду" [8]) и т. п.

---

7) Рыбн. I. № 1,— 8) Id. № 2.

2.

Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ *).

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга́,
Молодой Вольга́ Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ о́болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о́болока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга́ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать мо́лодцевъ безъ единаго,
Самъ още Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его ро́дный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первыимъ городомъ—Гурчевцемъ,
Другіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою [1]).
Выѣхалъ въ раздольице чисто́ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая [2]):
Оретъ [3]) въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики [4]) по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своей дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга́ още дру́гой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
О̀ретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ още третій день,
Третій день съ утра до па́бѣдья [5]),
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ — другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ.

---

*) Рыбн., I, № 3. Записано отъ Рябинина (Кижской волости, Петрозав. уѣзда). Пополнено по записи Гильфердинга, отъ Рябинина же, № 73.

[1]) за данью.—[2]) Ратай—пахарь.—[3]) Орати—пахать.—[4]) Омѣшъ—сошникъ.—[5]) Пабѣдье—второй завтракъ, полдникъ.

Кобыла у ратая соловая [6]),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
„Орать, да пахать, да крестьянствовати,
„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай же ты ратаю, ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ за получкою:
„Ко первому городу ко Гурчевцу,
„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
„Къ третьему городу ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городни, третьёво дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько [7]) два мѣха,
— Два мѣха соли, по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой [8]) подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Ай-же, оратай, оратаюшко,
„Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“
Этотъ оратай, оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
А и оставилъ онъ тутъ сошку кленовую.
Онъ садился на кобылку соловеньку,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному роздольицу по чисту полю.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А для-ради мужика-деревенщины.
— Они сошка [9]) съ земельки повыдернутъ,
— Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнутъ,
— Изъ сошки омѣшики повыколнутъ,
— Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу крестьяновати.
— А пошли ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
— Изъ омѣшиковъ земелька [10]) повытряхнули,
— Бросили бы сошка за ракитовъ кустъ.—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ молодца
Со своей съ дружинушки съ хороброей,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули.
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ молодца
Ко этой ко сошкѣ кленовоею:
Они сошку за обжи [11]) вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хораброей
А ко этой ко сошкѣ кленовоей,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣхали они цѣлымъ десяточкомъ

[6]) Соловая—желтоватая съ свѣтлымъ хвостомъ и такою же гривою.—По пересказу другого сказателя, кобылку звали „Обнеси-голова, а по Іевлеву (у Рыбн. II, стр. 1): „Подыми-голова“.—7) Столько — только.— [8]) Шалыга, или шелепуга—плеть съ заплетенною пулею, кистень.—[9]) сошку.—[10]) земельку.—[11]) Обжи— оглобли у сохи.

Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга́ Святославговичъ
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Говоритъ оратай таковы слова:
„Ай же Вольга Святославговичъ!
„То не мудрая дружинушка хоробрая твоя:
„А не могутъ они сошки съ земельки повыдернуть,
„Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
„Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
„Не дружинушка тутъ есть хоробрая—
„Столько одна есте хлѣбоясть.“
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ [12]).
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью чисту полю.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга́ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга́ сталъ помахивати:
Говорилъ Вольга́ таковы слова:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга́ Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки
—И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга́ Святославговичъ:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отечеству“?
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга́ Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды складу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дома вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужиковъ напою—
— Станутъ мужички меня покликивати:
—„Молодой Микулушка Селяниновичъ“!—

По замѣчанію проф. Буслаева, эта былина (по варіанту Рябинина) представляетъ одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзіи, и вообще вся былина эта „принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса“.

[12]) Отъ Лядкова (Кропачова) у Гильфердинга (№ 255):

Какъ подиялъ соху на руки,
Да онъ бросилъ де сошку подъ облаки,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты прощай, моя сошка ратная,
— Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать.—

По пересказу Прохорова (Пудожскаго уѣзда) эта былина изображаетъ дальнѣйшій путь Вольги „Всеславича“ и Никулы „Селагиновича“ въ „Куржовецъ“ и „Орѣховъ“. Здѣсь возстановляемъ эти имена по Рябинину:

Ино поѣхали они добры молодцы
А ко тому ко городу ко Гурчевцу,
А ко Гурчевцу городу къ Орѣховцу.
Какъ тыи мужики были гурчевски,
А тыи мужики были орѣховски
А узнали ихъ-то ѣдучи,
Что ѣдутъ-то они къ имъ въ Гурчевецъ,
А ѣдутъ-то они къ имъ въ Орѣховецъ:
Подѣлали мосточки поддѣльные,
Поддѣльные мосточки калиновые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Микулушкина [13])
А на эти мосточки калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточки фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той.
Какъ тутъ-то Микулушка Селяниновичъ,
А какъ тотъ это Вольга Святославговичъ
А тутъ-то они да разсердилися,
А тутъ-то они да разгнѣвилися,
Да заѣхали молодцы да во Гурчевецъ,
А заѣхали они да во Орѣховецъ,
Нахлыстали мужиковъ они гурчевскихъ,
Нахлыстали мужиковъ они орѣховскихъ,
А нахлыстали-то ихъ всѣхъ до́-люби:
Каково вамъ, мужики, да за дурачество! [14])

Оканчивается ихъ поѣздка по пересказу Фепонова (того жъ уѣзда) такъ (Гильф., № 55):

Это скоро Во́льга поворотъ держитъ
А во славный во стольный во Кіевъ градъ.
Заѣзжаетъ Во́льга на широкой дворъ,
А и сходитъ онъ со добра́ коня,
А и заходитъ Во́льга во высокъ теремъ,
А это тутъ Во́льга опочивъ держитъ.
Это тая-то поѣздка тымъ рѣшилася.

Въ этой былинѣ вѣщій оборотень Волхъ, Вольга́, сынъ змія, низводится уже до владѣтельнаго князя, племянника Владиміра, ѣдущаго собирать дань. Почтивъ въ чудномъ пахарѣ Микулѣ Селяниновичѣ его силу, Вольга́, какъ князь, дорожащій своимъ княжимъ родомъ и отчествомъ, спрашиваетъ о родѣ и отчествѣ и пахаря. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на вопросъ прямо, чудесный пахарь въ отвѣтѣ своемъ вводитъ собесѣдника въ сельскую обстановку своего крестьянскаго житья-бытья, какъ бы давая тѣмъ разумѣть князю, что простолюдинъ славенъ не громкимъ именемъ своихъ предковъ, а своими честными земледѣльческими трудами; за эти труды ему общій почетъ отъ односельцевъ [15]).

---

[13]) Въ варіантѣ Прохорова у Гильфердинга оба богатыря согласились ѣхать „со своей со силушкой великой“.

[14]) Въ варіантѣ Лядкова (Гильф., № 255): Съ той поры стали они (мужики) дань платить
Ко князю Владиміру во Кіевъ градъ,
И тѣмъ-то у нихъ дѣло кончилось.

Въ этомъ варіантѣ вмѣсто Вольги дѣйствуетъ Иванъ Годиновичъ, „любимый племникъ князя Владиміра“, „ѣздившій по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ сбирать дани пошлины“ и привозившій ихъ къ своему дядюшкѣ князю Владиміру, который ему пожаловалъ три города,

Которые были города, сударь, славные.
Тамъ въ ихъ жили люди упрямые,
Да никому-де они не были покорные,
Никому не давали ни дани, ни пошлины....
Хоша злы мужичоночка Курсовцы,
А злѣе того де—Орѣховцы.

[15]) См. Бусл. „Русск. богат. эпосъ“, гл. IV.

3.

Святогоръ*).

Снарядился Святогоръ во въ чисто поле
гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается,
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго
бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашелъ,
„Такъ бы я всю землю поднялъ"!
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—
она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою—не подымется.
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
„А этакого чуда не наѣзживалъ,
„Такого дива не видывалъ:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не поды-
мется"!
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ.
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не
могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

*) Рыбн., I, № 7.

4.

Святогоръ и Илья Муромецъ.

На тыхъ горахъ высокiихъ,
На той на Святой горѣ,
Былъ богатырь чудный,
Что ль во весь же мiръ онъ дивный.
Во весь же мiръ былъ дивный—
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь [1]) богатыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богатырю,
На тыи было горы на высокiя.
Прiѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А на тыи было горушки высокiи,
Къ тому же Святогору да богатырю.
Прiѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А и поклонъ ведетъ да понизёхонько:
„Здравствуешь, богатырище порный [2]),
„Порный богатырь ты да дивный!“
—Ты откуда, добрый молодецъ,
—Какъ тя нарекаютъ по отечеству?—
„Я изъ города нунь Муромля,
„А села да Карачаева,
„Я старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богатыря:
„Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
„Къ намъ богатырямъ да онъ не явится.“
Отвѣчаетъ богатырь было порный:
—Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,
—Не носитъ меня мать сыра земля,
—Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
—Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокiимъ
—Да по щелейкамъ [3]) по толстыимъ.
—А ты старый казакъ да Илья Муромецъ,
—Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щелейкамъ,
—А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ горамъ.
Ѣздили они было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ они да по Святымъ горамъ,
Ѣздили они по многу времени,
Ѣздили они да забавлялися.
Находили тутъ они да чудо чудное,
Находили тутъ они да диво дивное,
Находили площаницу [4]) да огромную.

[1]) Нунь—нынь, нынѣ.—[2]) Порный—крѣпкiй.—[3]) Щелья—скала.—[4]) Площаница—гробъ.



Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко., Москва.

Святогоръ.

На тыхъ горахъ высокiихъ,
На той на Святой горѣ,
Былъ богатырь чудный,
Что ль во весь же мiръ онъ дивный.

Хотѣлъ узнать Илья Муромецъ
Славнаго Святогора богатыря.
Отправляется Илья Муромецъ
Къ тому Святогору богатырю.

Говоритъ богáтырь Ильѣ Муромцу:
—Ахъ ты старый казакъ да Илья Муромецъ!
—Ты ложись-ка въ площаницу да въ огромную:
—Поглядимъ-ка площаницы мы огромною,
—Чтó она тебѣ поладится ль?—
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да и съ добра коня,
А ложился было въ гробъ въ этóтъ въ огромный,
А этотъ гробъ-то Ильѣ Муромцу да дологъ есть.
Опускается богáтырь Святогорскій
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную—
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ:
—Ахъ ты старый казакъ да Илья Муромецъ!
—Ты выздынь съ площаницы да огромныи.
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю,
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богáтыря
А съ того гробá глубокаго.
Говоритъ же тутъ богáтырь Святогорскій:
—Ты сломай-ка эти щелья да высокія,
—А повыздынь-ка съ гробá меня глубокаго.—
Старый казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокіи—
Ставился тутъ обручъ да желѣзный
Черезъ тотъ да гробъ еще великій,
Черезъ тую площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да другóй разъ,
Что ударитъ—тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богáтырь Святогорскій:
—Видно тутъ же есть богáтырь да кончается!
—Ахъ ты старый казакъ да Илья Муромецъ,
—А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю,
—Къ древнему да батюшку,
—Къ древнему да темному [5]);
—Ты проси-ка у моего родителя у батюшка
—Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица.—
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту гору на Палавóнскую,
А къ тому же старику да было древнему,
Хоть бы древнему да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту на гору Палавóнскую
Къ древнему да къ темному:
„Здравствуешь, престарый да дѣдушка,
„Древній да темный!
„Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
„Отъ твоего сына любимаго,
„Отъ того же Святогора я богáтыря:
„Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
„Какъ легъ же въ площаницу онъ въ огромную
„Да во тотъ было во гробъ во каменный,
„Я оттуль не могъ его повыздынуть".
Разсердился тутъ старикъ да было темный,
Темный старикъ да было древній:
—Знать убилъ же Святогора ты богáтыря,
—Пріѣзжаешь нунь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
—Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.—
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богатырскую
Да помáхне во богатыря,
А и богáтырь увéрнется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньице
Святогору да богáтырю
Да и сыну да любезному.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

[5]) Темный—слѣпой.

Ко Святогору да богатырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

По пересказу Богданова у Рыбникова (I, 36), на половину переданному прозою:

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный.
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти саженъ,
Шириной кровать шести саженъ.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ ботатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ сподъ сиверныя сторонушки—
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь голосомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, Илья Муромецъ!
„Спишь себѣ проклаждаешься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
„Ты пущай меня во чисто поле,
„А самъ полѣзай на сырой дубъ".
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ.
Видитъ—ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ въ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая [6])
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарныя,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь,
Пошелъ въ шатеръ... и спать-заснулъ.
А красавица, жена его богатырская,
Пошла гулять по чисту полю,
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
„Ай же ты, дородній добрый молодецъ!
„Сойди-ка со сыра дуба"....
Нечего дѣлать Ильѣ:
Съ бабой не сговорить...
Слѣзъ онъ съ сыра дуба....
Взяла его красавица богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шелковою
Плеткою шелковою по тучнымъ бедрамъ;
И проговорилъ конь языкомъ человѣческимъ:
„Опережъ я возилъ богатыря да жену богатырскую,
„А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
„Дивья мнѣ потыкатися?"
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ онъ выспрашивать,
Кто онъ есть, и какъ попалъ къ нему,
Какъ попалъ къ нему во глубокъ карманъ?

6) Щепливая—мелкая, частая.

Узнавъ о продѣлкѣ жены, Святогоръ ее убилъ, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и называлъ меньшимъ братомъ.

По тому же пересказу передача силы Святогора была такъ:

„Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крышку (гроба), да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки“. Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ-богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскимъ“. Какъ наклонился Илья, и дохнулъ на него Святогоръ-богатырь своимъ духомъ богатырскимъ, почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое; поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ-богатырь: „Душно мнѣ, меньшій братъ! попробуй еще ударить мечемъ вдоль крышки“.—Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, и тутъ выросла полоса желѣзная. Опять проговорилъ Святогоръ-богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братъ: наклонись-ка ко щелочкѣ,—я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“ [7]). Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:—Будетъ съ меня силы, большій братецъ; а то земля на себѣ носить не станетъ.—Промолвился тутъ Святогоръ-богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владай моимъ мечемъ-кладенцемъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто, кромѣ меня, не совладаетъ съ этимъ конемъ“. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня къ тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле“.

Одинъ изъ эпизодовъ повѣствуетъ, какъ Святогоръ сказалъ Ильѣ Муромцу: „А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми—и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣряться. Видишь, какой я уродъ. Меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней“ [8]). Этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать, а гора держитъ. Ясно, что по былинѣ — гора сильнѣе земли. Такія несообразности не рѣдки въ народныхъ преданіяхъ, но онѣ иногда объясняются воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи народной жизни. Одно изъ названій горы по-санскритски бу-дара (бу—земля, дара—несущій, держащій), что значитъ: поддерживающая землю,—такъ что гора по этому названію представляется какъ бы пьедесталомъ для миѳическаго существа, а именно—для богини земли. Согласно этому воззрѣнію русскій великанъ нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.—Чехи также представляли себѣ миѳическаго великана лежащимъ на горѣ: это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: Кръко-ноша, т. е. „несущая Крока“, чешскаго древняго героя, отца княжны Любуши, или польскаго героя Крака, по преданію основавшаго городъ Краковъ [9]).

---

[7]) По варіанту Третьякова у Гильфердинга (стр. 1201) для того служитъ потъ Святогоровъ, а по варіанту Меншикова (id. 1218): пѣна.—[8]) Зам. К. Аксакова (Кир. I).—[9]) Бусл. „Русск. бог. эпосъ“ II.



5.

Дунай Ивановичъ *).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бо́яровъ,
На могучіихъ на бога́тырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ,
Испрого́воритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Всѣ на пиру поженены,
„Одинъ я, князь, не женатый есть.
„Знаете ль вы про меня княгиню супротивную [1]),
„Чтобы ростомъ была высокая,
„Craномъ она становитая,
„И на лицо она красовитая,
„Походка у ней часта́ и рѣчь баска [2]),
„Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
„Дума думати, долгіе вѣки коро́тати,
„И всѣмъ вамъ князьямъ, всѣмъ бо́ярамъ,
„Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ,
„Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
„Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ
„И всему красному городу Кіеву
„Было бы кому поклонятися“?
Всѣ на пиру призамолкнули,
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мо́лодецъ,
Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
Очень онъ пьянъ—не шатается,
Говоритъ рѣчи—не смѣшается,
Выходилъ за [3]) столика дубоваго,
Бьетъ челомъ поклоняется:
—Князь Владиміръ стольно-кіевскій!
—Я знаю про то, вѣдаю
—Про тебя княгиню супротивную:
—Во той во земли, въ хоробро́й Литвы [4]),

*) Рыбн. I, № 30. Записана въ Петрозаводскомъ уѣздѣ отъ Кузьмы Романова. Здѣсь пополнено по записи Гильфердинга (№ 94) отъ Романова же.

[1]) т. е.: мнѣ ровню.—[2]) пригожа.—[3]) т. е.: изъ-за.—[4]) Въ варіантѣ Петрова на Водлозерѣ невѣста указывается въ царствѣ Малидонскомъ (Гильф., № 214), а въ варіантѣ Гурьбина на Кенозерѣ (id. № 272) невѣста—„дочь короля Жимана польскаго“.

—У того королевскаго величества,
—Есть двѣ *дочери великія*,
—Обѣ дочери на выда́ваньи:
—Бо́льшая дочь Настасья королевична,
—Тая дочь все полякуетъ [5]);
—А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
—Тая есть Опракса королевична:
—Она ростомъ высокая,
—Craномъ она становитая,
—И лицомъ она красовитая,
—Походка у ней часта и рѣчь баска:
—Будетъ тебѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
—Дума думати, долгіе вѣки коро́тати,
—И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
—Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ,
—Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
—Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ
—И всему красному городу Кіеву
—Будетъ кому поклонятися.
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
„Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
„Возьми казны десять тысячей,
„И поѣзжай во тую землю, въ хоробру́ Литву,
„И добрымъ словомъ посватайся:
„Буде въ честь не даютъ – такъ ты силой возьми,
„А столько [6]) привези Опраксу королевичну".
Прого́воритъ Дунаюшка Ивановичъ:
—Солнышко ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
—Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
—Не надо казны десять тысячей;
—Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
—Любимаго товарища Добрыню Никитича.—
Испрого́воритъ князь Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
„Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи".
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добрыхъ коней;
Вид'ли добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не вид'ли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Будто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли, въ хороброй Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добрыхъ коней.
Прого́воритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
„Стой ты у́ коней, коней паси,
„А поглядывай на гридню [7]) королевскую:
„Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову [8]),
„А каково бы время, такъ пріуѣхать бы".
А приходитъ къ королевскому величеству,
Знаетъ онъ порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться;
Бьетъ челомъ, поклоняется:
„Здравствуй, батюшка, король хоробро́й Литвы!"
А оглянется король хоробро́й Литвы:
—А прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
—Жилъ ты у меня ровно три году,
—Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
—А дру́гой годъ жилъ ты во чашникахъ,
—А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
—Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
—За твои услуги молодецкія
—Посажу тебя за бо́льшій столъ,
—За бо́льшій столъ, въ больто́ мѣсто:
—Ѣшь, молодецъ, до́-сыта
—И пей, молодецъ, до-люби.—
И посадилъ его за большій столъ, въ большо́ мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
—Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,
—Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?

[5]) ѣздитъ въ полѣ.—[6]) только.—[7]) У Роман: рииду.—[8]) Въ другихъ вар: „Стой... самъ подогадывайся".

—Насъ ли посмотрѣть или себя показать,
—А у насъ ли пожить а еще послужить?—
„Батюшка король хороброй Литвы!
„А поѣхалъ я съ добрымъ дѣломъ,
„Засвататься на твоей дочери на Опраксіи".
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
—Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
—Не за свое дѣло взялся—за бездѣльице:
—Меньшую дочь ты просватываешь,
—А большую дочь чѣмъ засадилъ?
—Ай же вы, татаровья могучіе!
—Возьмите Дуная за бѣлы руки,
—Сведите Дуная во глубокъ погребъ
—И заприте рѣшоткамы желѣзныма,
—Задвиньте доскамы дубовыма,
—И засыпьте пескамы рудожелтыма;
—Пусть-ка Дунай во Литвы погоститъ,
—Во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ,
—А можетъ, Дунай догадается.—
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о столы дубовые:
Столы всѣ дубовые раскряталися [9]),
Питья на столахъ проливалися,
Посуда вся поразсыпалася,
Всѣ татаровья [10]) испугалися *).
Скорёшенько онъ скочитъ черезъ золотъ стулъ,
Схватилъ онъ татарина за ноги,
Сталъ онъ татариномъ помахивать,
Сталъ онъ татаръ поколачивать.
Король по застолью бѣгаетъ,
Куньею шубой укрывается:
—Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
—Садись-ка со мной за единый столъ,
—Сдѣлаемъ съ тобою мы сватовство
—За того за князя за Владиміра
—На моей-то дочери любимыя,
—На прекрасныя Опраксы королевичны.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
„Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
„То не ужаловать ти молодцевъ уѣдучись:
„Я въ честь возьму Опраксу за князя за Владиміра,
„А не въ честь Опраксу за товарища,
„За того возьму за паробка любимаго".
Пошелъ тихій Дунаюшка по терему,
Сталъ онъ замочиковъ отщелкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливать,
Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
Прекрасная Опракса королевична
Ходитъ по терему, злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чёботовъ,
У ней русая коса пораспущена.
Говорилъ ей Дунай таковы слова:
„Ай же ты, Опракса королевична!
„Идешь ли ты за-мужъ за князя за Владиміра"?
Говорила она таковы слова:
—Три года я Господу молилася,
—Чтобъ попасть мнѣ за-мужъ за князя за Владиміра.—
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Приводилъ ее на широкій дворъ.
Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славну по раздольицу чисту полю [11]).

*) Далѣе Рыбн. I, № 31 (отъ Рябинина, Кижской волости).

[9]) раздвинулись. — [10]) Татаровья — въ смыслѣ бусурмановъ вообще. — [11]) Въ другихъ пересказахъ о согласіи Опраксіи не говорится. Устрашенный гнѣвомъ Дуная, отецъ восклицаетъ:

„Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
„Попомни ты старую хлѣбъ да соль,
„Оставь татаръ хоть на сѣмена:
„Отдамъ свою дочь королевичну
„За вашего князя за Владиміра."

И Дунай увозитъ королевичну.
Въ варіантѣ Сарафанова (въ Кижахъ) этотъ увозъ описанъ такъ:

„Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Да Добрыня Никитиничъ

Говоритъ ему Опракса королевична:
—Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
—Есть у меня сестрица родимая,
—Молода Настасья королевична:
—Она ѣздитъ во чистомъ полѣ паленицею,
—Имѣетъ въ плечахъ силушку великую;
—Ежели найдетъ васъ въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
—Съ ней не дѣлайте противности великія **).—

* * *

—Во тыя пути во дороженькѣ
Сустигала ихъ ночка темная;
Раздернули палатку полотняную,
И тутъ добры молодцы [12]) и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы востры копья,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы, высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли они, только слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто поле.
Ставали поутру ранёшенько,
Выходили на путь на дороженьку;
Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ;
Добрый конь въ дорожку по щеточки прогрязывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву,
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По той по лошадиной по ископыти [13])
За тымъ татариномъ въ погону въ слѣдъ.
Видитъ татаринъ, что погона въ слѣдъ:
Гдѣ было [14]) татарина такъ [15]) доѣзжать,
Гдѣ было татарина копьемъ торыкать [16]),
Такъ съ татариномъ промолвился:
„Стой ты, татаринъ, во чистомъ полѣ,
„Рыкни, татаринъ, по звѣриному,
„Свисни, татаринъ, по змѣиному“!
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травушки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали.
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ татарина съ добра коня:
„Скажи ты, татаринъ, не утай собою́,
„Чьего ты, татаринъ, роду, чьего племени“?
Говорилъ татаринъ таковы слова:
—А какъ бывъ [17]) былъ я на твоихъ грудяхъ,
—Не спрашивалъ ни родины, ни дѣдины,
—А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
У его сердечушко ужахнулось,
А рука въ плечѣ застоялася:
—Что же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
—А мы въ одной дороженькѣ не ѣзживали,
—Въ одной бесѣдушкѣ не сиживали,
—Съ одной чарочки не кушивали?
—А ты жилъ у насъ ровно три году:
—Первый годъ жилъ ты въ ко́нюхахъ,
—А другой годъ ты жилъ въ чашникахъ,
—А третій годъ жилъ во стольникахъ.—
„Ай же ты, Настасья королевична!
„Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву,
„Примемъ мы чудны кресты, золоты вѣнцы“.

* * *

Прекратили свое сердце богатырское,
И подъѣзжаютъ они къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
И берутъ-то не съ упадкою (т. е. безъ страха), а берутъ-то со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою,
И отправились они въ свою сторону (Гильф. № 108).

Также въ варіантѣ Онежскомъ (у Кир. III. стр. 60) послѣ того, какъ король со страху „едва живъ лежалъ“, вышелъ Дунай потомъ на крыльцо злаченое, „а Опраксію втогда вѣдь на коня садятъ“.

**) Далѣе снова по Рыбн. I, № 30.

[12]) Дунай и Добрыня.—[13]) по комамъ земли изъ копыта.—[14]) т. е.: Вмѣсто того, чтобъ ..—[15]) молчкомъ.—[16]) колоть.—[17]) т. е.: Если бъ я былъ...

Пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко той то церкви соборныя;
Меньшая сестрица вѣнчается,
Бо́льшая сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни,
На пиру Дунаюшка разсхвастался:
„Во всемъ городѣ во Кіевѣ
„Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
„Самъ себя женилъ, другого подарилъ".
Отвѣтъ держитъ Настасья-королевична: *)
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
—Не хвастай своею храбростью великою:
—На твою-то молодецкую головушку
— Я кладу свое колечико серебряно,
—Три раза изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
—Пропущу-то сквозь колечико серебряно,
—И не сроню-то я колечико съ головушки. —
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорёшенько ставалъ на рѣзвы ноги.
И выходилъ съ ней Дунай въ чисто поле,
Полагалъ себѣ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.
Молода Настасья королевична
Три разъ она прострѣлила въ колечико серебряно,
Прострѣлила стрѣлочку каленую
И не сбила колечика съ головушки.
Тихій Дунай Ивановичъ
Становилъ Настасью королевичну,
Полагалъ ей колечико серебряно на головушку,
Беретъ свой тугій лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,
Налагалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку.
Тутъ ему Настасья королевична молилася:
—Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
—Принесу тобѣ я сына любимаго:
—По колѣнца ножки въ серебрѣ,
—По локоточки рученьки въ золотѣ,
— На головушкѣ по косицамъ будутъ звѣзды частыя.
—За глупыя слова мои за женскія
—Копай ты въ матушку сыру землю меня по поясъ,
—Бей-ка ты меня по нагу тѣлу
—За мои за рѣчи неумильныя. —
Говорилъ Дунай таковы слова:
„Все это отвертки есть женскія"!
Спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую
Да во самое во темячко,
Убилъ онъ Настасью королевичну **).
Пласталъ онъ ей груди бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью:
У нея во чревѣ младенецъ.
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми [18]) пекётъ красное солнышко***).
Тутъ Дунаюшка и раздумался:
„Что я сгубилъ [19]) двѣ головки безповинныихъ"!
Бралъ въ руки саблю вострую,
И палъ-то онъ на саблю вострую,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Гдѣ пала Настасьина головушка
„И гдѣ протекла Настасья рѣка,
„И тутъ протеки-тко Дунай-рѣка".
Изъ-подъ этого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки оны расходилися,
И още оны въ мѣсто сходилися.

---

*) Далѣе снова Рыбн. I, № 31.—**) Далѣе Рыбн. I, № 20.—***) Далѣе снова Рыбн. № 31.
[18]) въ темени.—[19]) У Рыбн. ошибочно: сдѣлалъ.

Не похожъ Дунай на другихъ богатырей. Очевидно пришлецъ изъ чужихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то особою горделивою осанкою. О немъ извѣстна одна только пѣсня, въ которой разсказывается о женитьбѣ Князя Владиміра, и гдѣ Дунай является сватомъ. Въ той же пѣснѣ есть намёки на какую-то прежнюю жизнь Дуная, намёки, неясные для насъ, но конечно ясные для тѣхъ, кѣмъ и кому пѣлась въ старину эта пѣсня. Въ пѣснѣ Дунай говоритъ о себѣ, что онъ служилъ прежде въ семи ордахъ, семи королямъ. Удалой дружинникъ, Дунай наконецъ остался на службѣ у князя Владиміра [20]).

Отъ похожденій Дуная вѣетъ стариной. Онъ добываетъ жену Владиміру тѣмъ путемъ насильственнаго захвата, который подъ именемъ *умыкиванія* упоминается въ лѣтописи, какъ обычай звѣринскій. Во многихъ варіантахъ дѣвица не выражаетъ готовности итти за Владиміра.

Отъ крови его протекла рѣка Дунай. Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ основывается на древнѣйшихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. По скандинавскимъ сказаніямъ отъ крови убитаго титана Имира произошелъ потопъ, поглотившій древнюю породу великановъ [21]). Таково миѳологическое начало поэтическаго образа рѣки, протекшей отъ крови богатыря. Свѣтозарный младенецъ погибшей Настасьи имѣетъ также миѳическое значеніе, нынѣ, конечно, пѣвцами уже позабытое.

Но, какъ и въ большинствѣ былинъ, этими незначительными намёками и ограничивается миѳическое содержаніе пѣсни. Лица ея—люди въ извѣстной бытовой обстановкѣ.

Собственная женитьба Дуная, слѣдующая за побѣдою надъ паленицею въ единоборствѣ, напоминаетъ древнія эпическія сказанія другихъ народовъ. Таковы воинственныя дѣвы германскаго эпоса, напр. Брюнгильда. Воинственный духъ сохраняется въ женѣ Дуная и по пріѣздѣ въ Кіевъ. На пиру у Владиміра она хвастаетъ своей мѣткостію въ стрѣльбѣ изъ лука. Это раздражаетъ Дуная, въ которомъ честь воина говоритъ громче чувства мужа и отца [22]).

Князю Владиміру невѣста добывается его богатыремъ. Такъ же и въ западно-европейскомъ и славянскомъ (болгарскомъ и сербскомъ) эпосѣ невѣста добывается для Аттилы Родольфомъ, для Карла Великаго—Ринальдомъ и Роландомъ; въ сербской пѣснѣ о женитьбѣ Душана—Милошемъ, въ болгарской—Вълкомъ. И въ сказкахъ обыкновенно добыть невѣсту для царя поручается доброму молодцу (Ивану). Но какъ въ сказкахъ добытіе невѣсты царю обыкновенно является уже связаннымъ съ добытіемъ ея и для себя, такъ и въ большей части былинъ о сватовствѣ Владиміра [23]).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ имя Дуная, рѣки югославянской, замѣнено именемъ русской рѣки — Дона; имя же невѣсты этого Дона Ивановича — Нѣпра. Разсказавъ гибель обоихъ, пѣвецъ прибавляетъ: „Тутъ-то отъ нихъ (отъ Дона и Нѣпры) протекала Донъ-рѣка". Возможно предположеніе, что въ первоначальномъ видѣ этой былины пѣлось о происхожденіи двухъ рѣкъ: Дона и Днѣпра [24]).

---

[20]) К. Аксаковъ. I, 357.—[21]) Бусл. „Русск. богат. эпосъ", гл. II — [22]) Истор. русск. слов. Галахова, I, 42.
[23]) Рыбн. I, № 32. Ор. Миллеръ „Ил. Муромецъ", 332 и далѣе.—[24]) Id. 346.



Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, Илья Муромецъ сосредоточиваетъ на себѣ главный интересъ его.

Этотъ богатырь зародился въ быту земледѣльческомъ. Въ его лицѣ какъ бы видоизмѣняется полумиѳическій образъ старшаго богатыря Микулы Селяниновича (см. выше № 2).

Получивъ силу богатырскую по одному сказанію—отъ Святогора, по другому, повсемѣстно распространенному, — отъ каликъ перехожихъ, или нищей братіи, Илья попадаетъ въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ покидаетъ свою наслѣдственную соху и стремится на богатырскіе подвиги. Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ ласковаго князя Владиміра.

Богатырская дружина князя Владиміра была въ полномъ составѣ еще до появленія Ильи Муромца въ Кіевѣ. Ей недоставало крестьянина.

Эпосъ каждаго народа, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія, напримѣръ, нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сида; наша родина, гдѣ національный эпосъ сохраненъ однимъ простонародьемъ, — въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину, а затѣмъ, отразивъ позднѣйшую эпоху,—въ образѣ донского казака.

Илья Муромецъ является охранителемъ родной земли. Событія различныхъ эпохъ наслоились въ разсказахъ о его подвигахъ. Онъ ведетъ борьбу съ чудовищами (Соловей-Разбойникъ) и дикарями-великанами эпохи первобытной, въ лицѣ которыхъ фантазія народная воплотила степныхъ кочевниковъ, и потомъ является въ рамѣ историческихъ событій: освобождаетъ Черниговъ, защищаетъ Кіевъ отъ нашествія татаръ, воюетъ противъ Мамая на Куликовомъ полѣ. Для довершенія народнаго идеала недоставало ему только ореола святости— и русскій народъ призналъ своего любимаго богатыря въ томъ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ [1]).

---

[1]) Бусл. „Рсск. бог. эпосъ“, гл. VI.

По сказкамъ и преданію, Илья учился грамотѣ въ школѣ съ Калѣчищемъ Прохожимъ [2]), по былинамъ — прямо изъ сидней пустился на подвиги. Нреданіе объясняетъ и причину этого сидѣнія—грѣхи его дѣда, ушедшаго въ кіевскій монастырь [3]).

Первые опыты его силы, по пріобрѣтеніи ея, посвящены крестьянскому труду: онъ помогаетъ своимъ родителямъ въ расчисткѣ пожни. Послѣ того онъ прощается съ родителями своими.

Для подвиговъ богатырю нуженъ конь. Съ особенною подробностію былины останавливаются на воспитаніи богатырскаго коня Ильи.

Особенность Ильи—та, что онъ начинаетъ свою богатырскую жизнь на половинѣ жизни человѣческой. Онъ не юный богатырь, подобно другимъ героямъ русскаго эпоса, — а уже сѣдой, матерой богатырь. Кромѣ Ильи, только герои старшей эпохи, какъ Микула Солянинов ичъ или Соловей Разбойникъ, имѣютъ взрослыхъ дѣтей. Будучи старше младшихъ богатырей, онъ и умнѣе, благоразумнѣе, опытнѣе ихъ; онъ атаманомъ на заставѣ богатырской. Съ слабѣйшимъ врагомъ нерѣдко обращается онъ какъ съ малыми дѣтьми: вмѣсто того, чтобъ раздавить обидчика и распороть ему грудь, онъ бросаетъ его вверхъ, да еще на лету подхватитъ и положитъ на землю [4]). Народная фантазія не спѣшитъ вводить его въ бой. Обыкновенно онъ принимаетъ бой уже тогда, когда врага не осилятъ другіе. „Больше не кѣмъ замѣнитися: Видно ѣхать атаману самому!“ говоритъ онъ въ такомъ случаѣ и выступаетъ на подвигъ. Онъ сдержанъ: когда Алеша Поповичъ, разсердившись на него, пустилъ въ него ножемъ, Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣніемъ: подхватилъ ножъ на лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Илья даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла. Какъ рыцарь, онъ готовъ защитить женщину, когда встрѣтилъ ее бѣгущею отъ пересмѣшника Алеши Поповича [5]).

Свѣтлый типъ муромскаго героя служитъ болѣе другихъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые уже оказались возможными въ историческую эпоху русской жизни. Если не всѣ окружающіе поступаютъ такъ же, какъ онъ, зато всѣ ему сочувствуютъ или подчиняются его благотворному вліянію [6]). А онъ стоитъ за бѣдствующее человѣчество, которое былина отмѣчаетъ именемъ „вдовъ и сиротъ“. Былины до очевидности развиваютъ ту мысль, что мелкій разсчетъ и корысть или властолюбіе несовмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ. Во встрѣчѣ со станишниками такъ же, какъ и при освобожденіи Чернигова, Илья милостиво и величаво отказывается отъ предлагаемыхъ ему сокровищъ и власти. Не по плечу ему и придворная служба. Придворная обстановка въ тѣхъ былинахъ, гдѣ бытъ князя Владиміра уже лишенъ прежняго прямодушія, и князь является окруженнымъ льстивыми царедворцами, не измѣняетъ повадокъ Ильи и чувства собственнаго достоинства. Прямо изъ своего Карачарова, впервые въ стольномъ городѣ, онъ чувствуетъ себя какъ дома. На задорныя рѣчи княжихъ людей, назвавшихъ его „сельщиной-деревенщиной“ онъ отвѣчаетъ со всею простотою человѣка, знающаго цѣну дѣлъ своихъ про себя. Безъ малѣйшаго хвастовства, подобно Микулѣ Селяниновичу, онъ коротко объявляетъ о томъ, что́ сдѣлано имъ по пути въ Кіевъ. Онъ оскорбляется, когда князь даритъ его шубою, которая „къ нему пришла отъ татарина бусурманина“; этимъ возбуждаетъ онъ общее неудовольствіе окружающихъ князя измѣнщиковъ, которымъ такіе дары „по люби приходили“. Такъ же независимъ Илья въ своихъ симпатіяхъ, и выборъ его сердца свободенъ: дружба его съ Васькой или голями характерна въ богатырѣ, которому князь Владиміръ челомъ бьетъ и предлагаетъ жить у себя воеводою.

Илья Муромецъ самый человѣколюбивый изъ богатырей. Онъ помнитъ завѣтъ отца: „не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина“. Въ нѣкоторыхъ

---

[2]) См. сказку объ Ильѣ Муромцѣ въ лубочныхъ изданіяхъ. — [3]) См. „Отмѣтки“ В. И. Даля (Кир., I, XXXII). — [4]) Бусл. „Русск. бог. эпосъ“, гл. VII. — [5]) Id. — [6]) Id.

пересказахъ даже самъ Илья налагаетъ на себя завѣтъ—проложить дорожку прямоѣзжую въ Кіевъ, не вынувъ оружія или не окровавивъ рукъ. Въ одномъ пересказѣ онъ наговариваетъ на стрѣлу, чтобъ она сшибла Соловья-разбойника „безъ навиду" (безъ кровавой раны); по другому—самое выниманіе стрѣлы изъ колчана считается нарушеніемъ заповѣди. Илья отступаетъ отъ нея по необходимости и неохотно: „Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть; еще знать его заповѣдь переступить".

Само собою разумѣется, что Илья, какъ герой эпоса богатырскаго, является убивающимъ враговъ своихъ и земли своей. Не надо забывать, что народная фантазія для богатырскаго эпоса набирала краски на поляхъ битвы; она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину.—Потому и Илья не чуждъ этой эпической жестокости, и слѣдовательно можно говорить только объ относительной мягкости его характера.

Кромѣ силы, ухватки и возраста, Илья отмѣченъ „таланомъ-участью". „Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому"—такъ предрѣшено Ильѣ. Эта сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ—черта великихъ людей, которые, не взирая на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли [7]).

Въ многолѣтнюю жизнь свою Илья Муромецъ имѣлъ случай при различныхъ обстоятельствахъ проявить самыя разнообразныя черты своего характера—отъ неудержимаго гнѣва до иноческаго воздержанія и постничества. Сопутствуя исторической жизни русскаго народа въ теченіе вѣковъ, этотъ герой выразилъ и самыя разнообразныя черты русскаго народнаго характера.

Въ эпическомъ типѣ Ильи Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя. Но это характеръ сложный. Въ немъ наряду съ идеальными свойствами видимъ черты человѣка, надѣленнаго страстями, увлекающими его подъ-часъ за предѣлы добра. Какъ фигура, слагавшаяся въ народной фантазіи въ теченіе многихъ вѣковъ, онъ заключаетъ въ себѣ и нравственныя черты различныхъ эпохъ. Много великихъ доблестей его объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности; другія его добродѣтели—собственно христіанскія, добродѣтели человѣка православнаго.

Самый бурный эпизодъ въ жизни Ильи Муромца—ссора его съ княземъ Владиміромъ. Въ этомъ эпизодѣ муромскій герой проявилъ разрушительныя стороны характера народа. въ исторіи котораго возможны были явленія, подобныя напр. бунту Стеньки Разина. Въ гнѣвѣ сталъ онъ сбивать маковки позолоченыя у окошекъ княженецкихъ, а по нѣкоторымъ пересказамъ, даже маковки церквей. Какъ ни крайне такое неистовство русскаго богатыря, но достаточно было приближенія къ Кіеву врага, чтобъ Илья тотчасъ же пошелъ служить „за вѣру христіанскую и за землю россійскую и за стольный Кіевъ городъ, за вдовъ за сиротъ, за бѣдныхъ людей и за княгиню Апраксію", которая сберегла Илью отъ голодной смерти въ погребѣ, куда засадилъ его князь Владиміръ за оскорбленіе его двора. Нѣкоторые варіанты этого эпизода могутъ съ перваго взгляда показаться созданными какъ бы въ удовлетвореніе раздраженному демагогическому чувству: по этимъ пересказамъ, княгиня Апраксія при грозящей Кіеву опасности отъ татаръ „просила-то Илью да съ униженіемъ" [8]), или къ Ильѣ приходитъ самъ Владиміръ князь и бьетъ ему челомъ до сырой земли: „А прости-тко ты меня, да Илья Муромецъ"! Но таково свойство эпическаго изображенія жизни, что оно нигдѣ не умѣетъ выразить тенденціи. О наивномъ униженіи князя, равно какъ и о самыхъ крайнихъ порывахъ героя былина поетъ съ полнымъ спокойствіемъ, всегда свойственнымъ народному эпосу. Эгоистическое чувство гнѣва Ильи и чувство самосохраненія въ князѣ передаются въ этомъ случаѣ какъ дѣло самое естественное. Таковъ и въ Иліадѣ Ахиллесъ, раздраженный Агамемнономъ; таковъ и въ персидской поэмѣ Рустемъ, оскор-

7) Id. — 8) Гильф. № 296.

бленный Кейкавусомъ, который спѣшитъ искать съ нимъ примиренія; таковъ во французскомъ эпосѣ паладинъ Ожье, отказавшійся воевать съ сарацинами, когда сына его убилъ сынъ Карла Великаго. Нашъ богатырь даже окажется болѣе великодушнымъ въ сравненіи съ этими героями. Изъ личной мести отказавшійся отъ общаго дѣла юный Ахиллесъ возвращается въ ряды собратій лишь задѣтый снова въ личномъ чувствѣ— когда былъ убитъ другъ его Патроклъ; Рустемъ уступаетъ мольбѣ выручить отъ туранцевъ, боясь упрека въ трусости; Ожье соглашается выступить противъ врага подъ условіемъ выдачи ему убійцы. Илья же при первой просьбѣ только спрашиваетъ: гдѣ его конь добрый?—и немедленно ѣдетъ выручать Кіевъ. Знаменательно и то, что просители застаютъ Илью въ заключеніи читающимъ „книгу евангельскую".

Основа характера Ильи — степенность, свойственная человѣку, умудренному опытомъ жизни и знаніемъ людей (припомнимъ мѣткую характеристику прочихъ богатырей, влагаемую въ уста Ильи въ былинѣ о заставѣ богатырской, см. ниже № 12). Его эпитеты: старикъ, старъ-матёръ человѣкъ", „старый, сѣдатый", „старъ-старый казакъ", „поленица" (иногда „великая"), „славный", „сильный воинъ", „стоятель", „оберегатель", „старикъ невеселый", „угрюмый". Угрюмость эта изрѣдка озаряется спокойной ироніей.

Такому типу соотвѣтствуетъ и наружность Ильи. Подобно Сиду или Карлу Великому, онъ отмѣченъ бородою, какъ символомъ мудрости, опытности и величія [9]).

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой"—

таковъ обликъ муромскаго богатыря, когда онъ изображается не очень старымъ. Въ другихъ случаяхъ „борода у него сѣдехонька, голова—на-убѣлъ бѣла" [10]).

Одежда Ильи—„сермяжка", „сермяженька сѣрая" или „смуръ кафтанъ", „сѣрый кафтанъ", иногда „рудожелтый"; изрѣдка является онъ въ „камзольцѣ", иногда — въ шубѣ, шубёнкѣ, шубёночкѣ, кожанѣ, въ „латахъ кольчужныхъ". На головѣ шеломъ или шапка, шапочка, или же „колпакъ" (слово это имѣетъ самое разнообразное значеніе: оно означало и шапку, и шляпу, и шлемъ), шишакъ [11]). Подпоясанъ онъ кушачкомъ, на рукахъ — рукавички, на ногахъ—сапоги. Иногда смотритъ онъ въ даль въ „трубку долговидную" или „трубочку подзорную". На лѣвомъ бедрѣ у него сабля острая, въ правой рукѣ копье [12]); у него лукъ и колчанъ съ стрѣлами. Щита—какъ и другіе русскіе богатыри—съ собою Илья не возитъ. Бьется онъ „палкою", „палицею боевою" (иногда мѣдною, литою), саблею, „копьемъ вострымъ", „плеткою о семи концахъ да со проволокою", а когда переодѣтъ каликою—„шляпою земли греческой"; сваливъ врага, поретъ ему грудь булатнымъ ножемъ или „чингалищемъ булатнымъ" [13]). Иногда былины украшаютъ Илью дорогой одеждой, а коня его такою же сбруей: тогда на Ильѣ „цвѣтно платьице". Обыкновенно это находимъ въ былинахъ „о трехъ поѣздкахъ". Здѣсь на немъ „кунья шубочка" или „смуръ кафтанъ" въ нѣсколько сотъ рублей, сапоги семи шелковъ; въ одномъ варіантѣ [14]) „шапка перёна перьемъ орлинымъ". Конь Ильи „добрый", „бурушко-косматушко" является здѣсь въ дорогомъ уборѣ: узда у коня тесмяная, и въ нее вплетены камни самоцвѣтные (по объясненію самого богатыря: „не ради

[9]) Бусл. „Русск. бог. эпосъ", гл. VII. — [10]) Гильф., № 239. — [11]) А и какъ старъ *колпакъ* да со головушки, а еще тотъ *шишакъ* да девяносто пудъ (Гильф., № 216). — [12]) Кир. I, № 5: тупо копье: „онъ тупымъ копьемъ подпирается".— [13]) Бьется онъ и рукопашкою: чаще подбрасываетъ кверху и расшибаетъ о землю. Въ одномъ варіантѣ убіеніе Сокольника описано такъ: „Ухватилъ старъ голову подъ пазуху: подъ пазухой голова и осталася". Паленицѣ удалой (а также и Соловникову) „ступилъ на лѣву ногу и подернулъ за праву ногу—на-двое поразорвалъ" (Рыбн. I, № 12 и 13). — [14]) Гильф., № 291.

красы-басы, а для ночки темной, чтобъ видно было"), или въ гриву вплетенъ скатной жемчугъ; сѣдло на конѣ черкасское [15]); попона „семи шелковъ три строки таченыя [16]).

Угрюмый богатырь муромскій одинокъ. „Нѣтъ у него стараго молодой жены; „жениться ему не хочется: не къ лицу, не ко младости". Впрочемъ одна былина приписываетъ ему жену (Савишну, см. ниже).

Кончина Ильи—событіе таинственное. То онъ пропадаетъ безъ вѣсти, подобно Марку Кралевичу сербскаго эпоса или Фридриху Барбаруссѣ эпоса германскаго:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти.
Нынѣ и до-вѣку [17]);

по одному преданію исчезаетъ онъ, вмѣстѣ съ Добрынею, на Соколѣ-кораблѣ. Поплылъ онъ съ нимъ на Океанъ-море, о которомъ до того слыхомъ не слыхать было; Соловей-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго орла—и вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ [18]). То онъ каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями (см. ниже былину: „Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси"), то смѣшивая миѳъ объ окамененіи съ почиваніемъ въ кіевскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи св. Ильи, отшельника XII вѣка, былина („О трехъ поѣздкахъ") повѣствуетъ, что „сила ангельская взимала его со добра коня, заносила въ пещеры", гдѣ онъ и окаменѣлъ.

Таковъ нравственный и внѣшній образъ перваго изъ богатырей, который, по собственнымъ словамъ его,—между 32 кіевскими богатырями „удалъ добрѣ необычно есть славенъ".

Нравственная красота Ильи заключается въ соединеніи разума, твердой воли и глубокаго чувства, которое не скоро двинется въ его груди, по большей части скрытое подъ видомъ спокойствія, но когда раскалитъ его „сердце разгорчивое и неуёмчивое", то способно возвысить его до великаго подвига, а порою увлечь разрушительнымъ порывамъ. Не удивительно, что иностранцы, ознакомившіеся съ этимъ типомъ русскаго творчества, съ почтеніемъ взглядываютъ на тотъ народъ, который отложилъ изъ глубины своего духа этотъ идеалъ мужа.

---

[15]) Въ одномъ варіантѣ „ орлёное перьемъ орлинымъ", Гильф., № 287 (см. предыдущую выноску). — [16]) Гильф. № 271. — [17]) Кир., I, 86. — [18]) Замѣтка Даля у Кир., I, стр. XXXIV. По замѣчанію пр. Буслаева („Русск. бог. эп.", гл. VI) это преданіе возводитъ исчезновеніе Ильи къ той доисторической эпохѣ, когда покойниковъ спускали въ ладьѣ или кораблѣ на воду.

6.

Илья получаетъ силу богатырскую.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца? *)

* * *

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
—Ай же вы, калики перехожія!
—Не могу отворить воротъ широкіихъ,
—Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
—Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
—Ай же вы, калики перехожія!
—Не могу отворити воротъ широкіихъ,
—Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
—Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ **).
„Ты пойди, Илья, принеси испить“!
—Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ!—
„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай“!
Илья сталъ вставать—ровно встрепаный:
Онъ пошелъ принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ.
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
—Отъ земли столбъ былъ да до небушки,
—Ко столбу было золото кольцо,
—За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ [1])!

*) Кир. I, стр. 1. Далѣе Рыбн. I, № 8 (отъ Богданова Кижскаго погоста).—**) Далѣе Кир. I, 1 (Симбирской губ. села Языкова).

[1]) Святорусскую землю поворотилъ бы.

„Ты ноди, Илья, принеси другу чашу“!
Илья сталъ имъ поднашивать.
Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки“?
—Во мнѣ силушки половинушка *).—
Говорятъ калики перехожія:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
„И смерть тобѣ на бою не писана:
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
„И со всею поленицею [2]) удалою;
„А столько не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ:
„Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любитъ матушка-сыра земля;
„Не ходи още на Вольгу Сеславьича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
„Выходи въ раздольице чисто поле,
„Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубу на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи его къ тыну ко высокому:
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ [illegible]ерескакивать
„И въ ту сторону, и въ другую сторону,
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
„Будетъ носить тебя“.
Тутъ калики потерялися **).

Пришли его родителя да рожденые,
Пришли оны со работы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались ему рожденые да родители.
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ [illegible] сѣдалищѣ,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ, ни ногъ!
Говоритъ Илья [3]) своимъ рожденыимъ родителямъ,
Говоритъ Илья да таковы слова:
„Ай же вы, мои родители рожденые!
„Гдѣ вы были на крестьянской на работушкѣ“?
А и же отвѣчали его рожденые родители:
—Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илья да на сѣдалищѣ,
—Не имѣлъ Илей вѣдь ни рукъ, ни ногъ.—
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
„А и же вы мои рожденые родители!
„Гдѣ вы работали крестьянскую работушку“?
Говорятъ ему родители да рожденые:
—Ай же ты, Илей, мы работаемъ лугъ-по́жню,
—Чистимъ лугъ-по́жню за три поприща отъ дому.—
„Ай же вы родители мои рожденые!
„Сведи меня туда да на займище,
„Укажите вы мнѣ мою работушку“.
Привелъ его родитель да на займище:
„Укажи мнѣ, родитель, по которыхъ мѣстъ межа“.
Захватилъ Илейко лѣсу-кусту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіе по ко́решку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
„А и же ты мой-то родитель рожденый!
„Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
„Простите меня съ рожденаго со мѣста“.

* * *

*) Далѣе Рыбн. I, № 8. — **) Далѣе Гильф., № 120.
[2]) Поленица—богатырь и богатырша. — [3]) Въ подл.: Илей.

7.

Сборы Ильи на подвиги богатырскіе *).

Во славноемъ было городѣ во Муромѣ.
Во большимъ селѣ Карачаровѣ,
Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ,
Говоритъ тутъ Илюшка свому батюшкѣ:
„Государь ты мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичъ!
„Купи ты мнѣ жеребенка шалудиваго,
„Дай ты жеребенка пятьдесятъ рублей съ полтиною,
„Корми ты его тѣстомъ пашеничныимъ,
„И пой сытой медовою;
„Выводи кататься по три зари, по три утреннія“...
Сталъ да мой жеребеночекъ поигрывать,
Черезъ Оку рѣку попрыгивать **).

* * *

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажныя листочки разстилаются —
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ:
Онъ и проситъ себѣ благословеньица;
„Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!
„Дай ты мнѣ свое благословеньице,
„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ градъ
„Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
„Заложиться за князя Володиміра,
„Послужить ему вѣрой-правдою,
„Постоять за вѣру хрисьянскую“.
Отвѣчатъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословленье дамъ,
— А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
— Ни помысли зломъ на татарина,
— Ни убей въ чистымъ полѣ хресьянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до́ земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.

---

*) Кир. I, стр. 25 (Симб. губ., с. Станичное). — **) Далѣе Кир. I. стр. 34 (Нижег. губ. с. Павлово).

8.

Встрѣча Ильи со станишниками *).

(Изъ былины о трехъ поѣздкахъ) [1].

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
По чистому полю пóѣхалъ погуливать.
Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ добрый конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкіимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень;
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
„По которой мнѣ дороженькѣ итти-ѣхати:
„Во право мнѣ ѣхать - женатому быть,
„А во лѣво ѣхать—богатому быть,
„А прямо ѣхать—убитому быть.
„Мнѣ женатство-то—не ко младости,
„А богатство—не къ разуму.
„Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,
„По которой мнѣ убитому быть“.
И повстрѣчались ему станишнички **),
По русскому назвать воры-разбойнички.
Хотятъ они молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душой разлучить.
Возгóворитъ доброй молодецъ, Илья Муромецъ:
„Охъ вы гой еси добры молодцы, камышнички,
„По-русски назвать—воры-разбойнички!
„Убить-то меня вамъ нé про что,
„А взять-то нечего ***);
„Столько есть у стараго
„Добрый конь сивушко-Туча-падушко,
„И на добромъ конѣ есть уздечка тесмяная,
„И во той же уздечкѣ тесмяныя
„А межъ уши вплетанъ былъ свѣтёлъ камень [2]),
„И не для красы, и не для басы,
„Ради крѣпости богатырскія:
„Гдѣ ходитъ мой добрый конь въ темну осенну ночь,
„И видно его за пятнадцать верстъ ****).

---

*) Кир. I, стр. 19 (отъ Плотникова Симб. губ). — **) Далѣе Кир. I, стр. 27. (Симб. г., с. Станичное). ***) Далѣе Рыбн. IV, № 3 (отъ Ѳедора Никитина, Повѣнецкаго уѣзда). — ****) Далѣе снова Кир. I, стр. 27.

1) См. ниже эту былину. — 2) Такъ этотъ стихъ у Гильф. № 305. У Рыбн. (IV № 3):

Во обѣихъ сторонахъ зашито по камешку,
По ясному по камешку по яхонту.





Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко., Москва.

Илья Муромецъ.

Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матёръ дубъ,
Расшибалъ сыръ матёръ дубъ
По мелкимъ ножовымъ череньямъ.

Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.

(Стр. 31.)

„Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
„Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
„А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячи;
„А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
„Охъ вы гой еси, камышнички,
„По-русски – воры-разбойнички!
„Дайте вы мнѣ старому исправиться:
„Будете старому и кланяться".
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую:
„Ой вы гой еси, добры молодцы!
„Въ васъ стрѣлять, иль сырый дубъ?"
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матёръ дубъ,
Расшибалъ сыръ матёрый дубъ
По мелкимъ ножовымъ черепьямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговоритъ доброй молодецъ:
„Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
„Полноте лежать на сырой землѣ,
„Полноте спать—высыпатися:
„По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
„У себя вы много добраго упустили".
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки
И пали ему въ рѣзвы ноги:
—Ты гой еси, добръ удалъ молодецъ!
—Поди ты къ намъ во товарищи,
—И будь ты у насъ атаманушкой!—
Возговоритъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Не хочу я съ вами стада пасти,
„А ѣду въ Кіевъ-градъ,
„Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
„На его сбереженіе".

Въ этой пѣснѣ является яркая черта характера Ильи Муромца. На него нападаютъ разбойники: онъ могъ бы перебить ихъ всѣхъ, но онъ не ищетъ кровопролитія—и показываетъ имъ только свою силу: разбиваетъ стрѣлою въ дребезги дубъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ нападеніе. Величавое благодушіе муромскаго героя здѣсь ясно болѣе, нежели гдѣ-нибудь [2]).

---

[2]) См. соч. К. Акс. I, 381.

9.

Илья Муромецъ подъ Черниговомъ *).

Поѣхалъ онъ въ чисто́ поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиватъ кожу до черна́ мяса;
Ретиво́й его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется.
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже о́болока ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ—колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
„Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ".
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговомъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговомъ стоятъ три царевича,
Съ кажнымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце разго́рчиво и неуёмчиво;
Пуще огня-о́гничка сердце разыграется,
Пуще пляштаго [1]) мороза разгорается.
Тутъ возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
„Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть,
„Еще знать-то его заповѣдь пере́ступить".
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Училъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется—дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добивается до трехъ царевичевъ.
Тутъ возго́воритъ Илья таково слово:
„Охъ вы гой есте, мои три царевича!
„Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
„А и съ васъ буйны головы снять?
„Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
„У меня доро́ги заѣзжія и хлѣбы завозные;
„А какъ головы снять—царски сѣмена погубить.
„Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
„Вы чините вездѣ такову славу,
„Что святая Русь не пуста́ стоитъ,
„На святой Руси есть сильны, могу́чи бога́тыри".
Увидалъ его воевода черниговскій:
—Что это Господь сослалъ намъ сосльльника?
—Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ.—

---

*) Кир. I, стр. 35 (Нижегор. г. с. Павлово).
1) палящаго.

Возговоритъ воевода своимъ князьямъ-боярамъ:
—Подите, позовите добра молодца
—Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бояра къ Муромцу:
—Охъ ты гой еси дородный, добрый молодецъ!
—Какъ тебя честнымъ именемъ зовутъ?
—Какъ тебя величають по отечеству?—
„Меня именемъ зовутъ Илейкой,
„А величаютъ—сынъ Ивановичъ".
Возговорятъ ему князи-бояра:
—Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
—Ты пойдешь-ка къ воеводѣ нашему,
—Ты изволь у него хлѣба-соли кушати.—
„Нейду я къ воеводѣ вашему,
„Не хочу у него хлѣба-соли кушати:
„Укажите мнѣ прямую дороженьку
„На славный стольный Кіевъ градъ".

10.

Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ *).

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія;
И залегъ ее, дорогу, Соловей-разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцомъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня.
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается;
Онъ перв' ускокъ ступилъ за пять верстъ,
А другого ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ, во Брынскіихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ Илья Соловья-разбойника.
И заслышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія:
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на-кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А ты волчья сыть [1]), травяной мѣшокъ!
„Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
„Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
„Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
„Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
„А того ли ты крику звѣринаго,
„А звѣринаго крику, туринаго [2])“.
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника,

---

*) Кирша Даниловъ.

[1]) Волчья сыть—чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ. — [2]) Туръ—см. стр. 3.

И попалъ Соловья да въ правый глазъ:
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдельныя.
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
А завидѣла де его молода жена [3]):
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе.
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзный тынъ,
А на всякой тынинкѣ но маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
„А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
„А девять сыновъ, ясны соколы!
„Вы подите въ подвалы глубокіе,
„Берите мои золотые ключи,
„Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
„А берите вы мою золоту казну,
„Выносите ее за широкій дворъ,
„И встрѣчайте удала добра молодца:
„А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
„Отца-то вашего въ торокахъ [4]) везетъ“.
А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ:
Хочутъ обернуться черными воронами,
Съ тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева.
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалой добрый мо́лодецъ!
„Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
„Отпусти Соловья-разбойника,
„Не вози Соловья во Кіевъ градъ“.
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ *).
У Ильи конь бѣжитъ какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываются.
Старши богатыри дивуются:
—Еще нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
—Поѣздочка у его да молодецкая,
—Вся поступочка да богатырская.—
Пріѣзжаетъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
За ту рѣку да за широкую,
За широкою да за глубокую,
Перевозчичкомъ была да Соловьева дочь,
Дочь большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зычнымъ голосомъ:
—Не вози, дочь любимая, татарина да великаго!
—За Дунай рѣку ты въ тѣ по́ръ его вези,
—Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоего:
—Ты въ тѣ по́ръ его вези да за Дунай рѣку,
—За Дунай рѣку, да за широкую,
—За широкую да за глубокую.—
Илья на то да не вѣруетъ.
Сходилъ онъ со добра коня
На сыру землю да на матушку:

*) Далѣе Кир. I, стр. 80 (отъ Ядовина, Шенкурскаго уѣзда).
[3]) жена Соловья-разбойника. — [4]) Торока—ремни позади сѣдла для пристёжки.

Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелко́въ поводъ;
Правой рукой рветъ дубьё съ кореньяма;
Онъ мосты мостилъ крѣпко-на-крѣпко,
Крѣпко-на-крѣпко да дѣльно-на-дѣльно;
Онъ самъ перешелъ, да и коня перевелъ;
Еще взялъ изъ лѣваго кармана плетку ше́лкову,
Плетку ше́лковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволокой,
Дѣвкѣ стёжь-то далъ [5]) — съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ — дѣвка скору смерть приняла.
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываются.
Старши богатыри да дивуются:
—Еще нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
—Поѣздочка у его да молодецкая,
—Вся поступочка да богатырская!—

По другимъ варіантамъ одна изъ дочерей Соловья угрожаетъ Ильѣ подворотнею, когда онъ подъѣхалъ ко двору Соловьеву, но Илья убиваетъ ее:

Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей соборныихъ,
Выше тыхъ крестовъ животворящіихъ,
Пала она на сыру землю:
Тутъ у нея кожа треснула [6]).

Въ другихъ варіантахъ Илью собирается убить подворотнею жена Соловья разбойника:

Хватила подворотенку во сорокъ пудъ
И кинула въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду [7]) пришло,
Отвелъ подворотенку плеткой шелковоей [8]).

---

[5]) т. е.: стегнулъ. [6]) Рыбн., I, № 9 (отъ Никифора Прохорова Пудожскаго у.)—[7]) Судъ—смерть. [8]) Рыбн., III, № 6 (отъ Г. Ѳедотова въ Петрозаводскѣ).

11.

Пріѣздъ Ильи къ князю Владиміру *).

Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился онъ князю со княгинею
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестный пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей.
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина,
Чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству пожаловати".
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
—А ты ласковый, стольный Владиміръ князь!
—А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
—И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
—Изъ стольнаго города изъ Мурома,
—Изъ того села Корочаева.—
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ князь!
„Въ очахъ дѣтина завирается:
„А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
„Залегла та дорога тридцать лѣтъ
„Отъ того Соловья-разбойника".
Говоритъ Илья Муромецъ:
—Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь **)!
—Ты изволь итти на свой широкій на полый дворъ,
—Ты изволь смотрѣть Соловья-вора-разбойничка" ***).
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили туто князи-бояра,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Святогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя ихъ тридцать молодцевъ.
Выходилъ Илья на широкій дворъ

*) Кирша Даниловъ. — **) Далѣе Кир. I, стр. 83 (отъ Ядовина Шенкурск. у.). — ***) Далѣе опять по Киршѣ Данилову.

Къ тому Соловью-разбойнику.
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
—Ты послушай меня, Соловей разбойникъ
младъ!
—Посвисти, Соловей, по соловьиному,
—Пошипи, змѣй, по змѣиному,
—Зрявкай, звѣрь, по туриному
—И потѣшь князя Владиміра.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному:
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя.
Гостины кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ
Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья разбойника:
„А и шутка намъ не надобна“ *).
Сталъ Илья унимать его по свойскому:
Онъ схватилъ его да за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю о матушку;
Онъ въ подвергъ его кидалъ
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрой камень.
Соловью отъ себя скора смерть пришла.

Чудовища Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ въ былинахъ получаютъ значеніе историческихъ кочевниковъ, насильниковъ Русской земли, и иногда носятъ прямо названіе татарина. Чудовище Соловей-разбойникъ, за исключеніемъ порою придаваемаго ему татарскаго отчества (Ахматовичъ или Рахматовичъ), остался въ былинахъ свободнымъ отъ всякаго историческаго опредѣленія. Но и въ немъ человѣкоподобіе по большинству пересказовъ преобладаетъ надъ чудовищностію; только одинъ признакъ чудовищнаго Соловья — оглушительный свистъ—сохраняется за нимъ во всѣхъ безъ исключенія пересказахъ.

Что касается семьи Соловья, то только въ пересказѣ Кирши Данилова дѣтямъ его придается способность оборачиваться въ вороновъ съ желѣзными клювами, и жилище Соловья сохраняетъ всѣ свойства гнѣзда: въ большей же части пересказовъ у Соловья семья человѣкоподобная: является жена, отличающаяся человѣческимъ благоразуміемъ въ противоположность запальчивымъ его дѣтямъ [1]). Иногда дочерямъ Соловья придаются имена: Пелька, Невея, Аннушка, Пенилушка, Марья. Одна изъ нихъ иногда представляется перевозчицей.

Въ отношеніи Ильи Муромца къ Соловью вездѣ выражено глубокое человѣческое отвращеніе къ звѣринскому образу жизни и хищнической природѣ его [2]).

*) Далѣе по Ядовину (у Кир. I, 84).

[1]) Рыбн. I, 9. 10. — [2]) Ор. Миллеръ, „Илья Мур.“

12.

Богатырская застава подъ Кіевомъ *).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіихъ
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алёша, поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ;
Былъ у нихъ Васька Долгополый.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поры кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистóмъ полѣ,
Спалъ въ бѣлóмъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей
Ѣдетъ Добрыня изъ чистá поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ и́скопыть великую,
Ископыть велика—пóлъ-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
„Изъ этой земли изъ жидовскія
„Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь
„На эти степи Цицарскія!“
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
„Мы что́ на заставушкѣ устояли?
„Что́ на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!“
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили:
„У Васьки полы долгія —
„По землѣ ходитъ Васька—заплетается;
„На бою на дракѣ заплетется,
„Погинётъ Васька по-напрасному“.
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, удумали:
„Гришка рода боярскаго —

*) По шенкурскому пересказу у Кир. (I, 46).

„Боярскіе роды хвастливые;
„На бою-дракѣ призахвастается:
„Погинётъ Гришка по-напрасному“.
Положились на Алёшу на Поповича:
Алёшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили:
„Алёшенька-то рода поповскаго—
„Поповскіе глаза завидущіе,
„Поповскія руки загребущія:
„Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
„Много злата, серебра—
„Злату Алёша позавидуетъ,
„Погинётъ Алёша по-напрасному“.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается,
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлалъ въ сѣдёлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руку беретъ плеть шелковую,
Наѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину [1]),
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь
„На всю нашу братію наборную?“
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озёръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
„Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
„Увидѣлъ на полѣ чернизину,
„Поѣхалъ прямо на чернизину,
„Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братью на приборную?“
„Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,
„Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
„Попущалъ на меня добра молодца:
„Сыра мать-земля всколебалася,
„Изъ озёръ вода выливалася,
„Подо мною конь на колѣнца палъ.
„Тутъ я Господу Богу возмолился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!
„Подо мною тутъ конь посправился,
„Уѣхалъ я отъ нахвальщика
„И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую“.
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше не кѣмъ замѣнитися:

---

[1]) Чернизина—черное пятно.

„Видно ѣхать атаману самому!“
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ—
На бедры беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
„Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца—
Илья Муромецъ не удробился [2]).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились—
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились—
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись—
Другъ дружку не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боёмъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное [3]);
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
—Старый ты старикъ, старый, матёрый!
—Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
—Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
—Ты поставилъ бы себѣ келейку
—При той путѣ при дороженькѣ;
—Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
—Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ.—
Лежитъ Илья подъ богатыремъ.
Говоритъ Илья таково слово:
„Да не ладно у Святыхъ Отцовъ написано,
„Не ладно у Апостоловъ удумано;
„Написано было у Святыхъ Отцовъ,
„Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—
„А теперь Илья подъ богатыремъ“!
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло;
Махнётъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго [3])—
Палъ нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
„Экаго чуда не наѣзживалъ“!

---

[2]) Не удробился—не испугался. — [3]) Чинжалище—кинжалище. — [3]) Жаровый—высокій, рослый.

13.

Встрѣча Ильи съ красной дѣвицей *).

Выѣзжалъ онъ во далече во чисто поле,
Наѣзжалъ онъ въ чистомъ полѣ диковинку:
Разъѣздну́ю походну́ю красну дѣвицу.
Не доѣхавши онъ остановится:
„Охъ ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
„Охъ ты что́ една въ чистомъ полѣ казакуешь?
„Какого ты роду, царскаго или барскаго,
„Или сильнаго роду княженецкаго"?
Возго́воритъ красна дѣвица:
—Охъ ты гой еси старый казакъ Илья Муромецъ!
—Я не царскаго роду и не барскаго,
—И не сильнаго роду княженецкаго:
—Я жила была у батюшки дочь гостиная,
—Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
—Отъ того Алеши Поповича,
—Отъ насмѣшника-пересмѣшника.—
Возго́воритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Охъ ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
„Охъ ты что́ мнѣ давно не сказалася?
„Я бы съ Алешей перевѣдался,
„Я бы снялъ съ Алеши буйну голову".

*) Кир. I, стр. 4 (въ с. Языковѣ Сызранскаго уѣзда).

14.

Илья Муромецъ и Идолище *).

А и во городѣ было во Кіевѣ,
А явилося чудо неслыхано,
Наѣхало Идóлище поганое,
Ростомъ Идолище трехъ аршинъ,
Межъ глазами у него пяда[1]) мѣрная,
Глаза у него какъ чаши пивныя,
Онъ сидитъ ѣстъ да пьетъ, прохлаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
„Я Кіевъ градъ вашъ во полонъ возьму,
„А Божьи церкви всѣ на дымъ спущу,
„Князей-бояръ всѣхъ повырублю".
А на ту пору да нá то времечко
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ является Илья да ко Владиміру.
Испроговоритъ Идолище поганое:
„Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ"?
—Это старый казакъ Илья Муромецъ.—
Испроговоритъ Идолище поганое:
„Онъ много ль ѣстъ, да много ль кушаетъ"?
А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
—А колачикъ съѣмъ, другóй хочется.
—А другой съѣмъ, съ того сытъ живу.—
„А я-то Идолище поганое,
„Я по хлѣбу кладу зá щеку,
„А по другóму кладу я за другую,
„Лебедь бѣлую на закусочку,
„Ведро мѣрное да на запивочку".
Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
—Какъ у моего было у батюшка
—Большебрюхая коровища обжорица,
—Она много ѣла пила—да и лопнула.—
Таково слово ему за гнѣвъ пало.
Онъ бросилъ ножичищемъ кинжалищемъ
Во стараго казака Илью Муромца.
Его ножикъ Илья клюхой [2]) отвелъ,
Не попало въ Илью Муромца,
А попало въ придвéрину со двéрями.
Вышибло придверину со дверями.
И того Илья не устрашается,
А стоитъ Илья да и усмѣхается.
Самъ говоритъ таково слово:
—Не честь, не хвала молодецкая
—Окровавить палата княженецкая,
—А повывести Идолища на крылечико!—
И бралъ тутъ его за желты́ кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ его изъ палаты вонъ.
Говорилъ Илья таково слово:
—Не честь будё хвала молодецкая,
—Окровавить крылечко княженецкое,
—Лучше вывести татарина на широкъ дворъ.—
Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,
Разбилъ его всего въ дребезги.
Тутъ среди стола бѣлодубова
Только Идолище живъ бывалъ,
Только поганое Кіевъ бралъ;
А вся честь-хвала Ильѣ Муромцу.

*) Гильф. № 178 (отъ Ѳедора Захарова съ Выгозера).

[1]) Пяда (пядень) — разстояніе между большимъ и указательнымъ пальцемъ, когда ихъ растянуть. — [2]) Клюха—клюка.

15.

Илья Муромецъ въ Цареградѣ *).

Есть-то калика перехожая:
Тутъ-то каликушка справляется,
Тутъ-то калика снаряжается,
Къ городу калика къ Іерусо́лиму,
Сильный могучій ли Иванище.
Идетъ-то калика перехожая
Въ меженный день [1]) по красному по солнышку,
А въ зимній день по дорогу́ по камню самоцвѣтному:
А лапотки были изъ семи шелковъ,
Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными,
А была у калики клюка въ сорокъ пудъ.
Приходилъ калика къ городу Іеросолиму,
Господу-Богу помолился,
Въ Іорданѣ-рѣченькѣ искупался,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
А ко Господнему гробу приложился,
Пошелъ калика назадъ домой.
Идетъ-то калика по чисту полю,
Идетъ онъ калика мимо Цареградъ.
Какъ въ Цареградъ есть наѣхано:
Наѣхано поганое Идолище,
Одолѣли поганые татарища.
Тутъ сильный могучій Иванище
Хватилъ онъ татарина за руку,
Оттащилъ его на чисто поле,
Началъ у татарина выспрашивать:
„Скажи-тко, татаринъ, не утай себя,
„Великъ ли у васъ ростомъ поганое Идолище?“
Началъ ему татаринъ высказывать:
—Есть-то у насъ поганое Идолище
—Ростомъ двѣ сажени печатныя,
—Въ ширину сажень печатная,
—А глазища что пивныя чашища,
—А головища что лоханище,
—А носъ снаружи съ локоть былъ.—
Какъ хватилъ онъ татарина за руку,
Бросилъ его во чисто поле:
Разлетѣлися татарскія косточки.
Идетъ тутъ Иванище по чисту полю,
И навстрѣчу ѣдетъ Илья Муромецъ:
„Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
„Ты откуль идешь, откуль бредешь,
„Откуль бредешь, откуль путь держишь?“
—Я иду-бреду отъ города Іеросо́лима,
—Господу Богу помолился,
—Въ Іордань-реченькѣ искупался,
—Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
—А ко Господнему гробу приложился,
—А шелъ я мимо Цареградъ.—
„А все ли въ Цареградѣ по-прежнему?“

---

*) Рыбн. I, № 17 (отъ Никиф. Прохорова, Пудожскаго уѣзда).

[1]) Меженный день—лѣтній, долгій день.

Говоритъ тутъ сильный могучій Иванище:
—Не по старому въ Цареградѣ, не по-прежнему:
—Одолѣли поганые татаровья,
—Наѣхалъ есть поганый Идолище.
—Святые образы поколоты,
—Поколоты, въ черной грязи потоптаны,
—А въ Божьихъ церквахъ коней кормятъ.—
Говоритъ Илья таковы слова:
„Ахъ ты сильный, могучій Иванище!
„За первыя тебя рѣчи я жаловалъ,
„А за этыя за рѣчи тебя бы наказалъ
„По этому по тѣлу по нагому:
„Есть у тя силы съ дву меня,
„А смѣлости-ухватки половинки нѣтъ".
Скоро скидываетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ платья каличьи:
„А на-тко ты моего добра коня,
„Хотя ѣзди, хотя водкóмъ води,
„А только не выѣзжай съ этого съ уловнаго со мѣстечка,
„А разувай лапотцы семи шелковъ".
Скоро Ванюшенька распастался [2])
Скидывалъ лапотцы семи шелковъ;
Тутъ они платьями помѣнялися.
Говоритъ Илья таковы слова:
„А дай-ко мнѣ клюху-посохъ въ сорокъ пудъ".
Сокрутился [3]) каликой перехожею.
Пошелъ онъ скорымъ-скоро,
Пришелъ, прискакалъ въ Цареградъ,
Закричалъ Ильюша во всю голову:
„Ахъ ты царь, Константинъ Боголюбовичъ!
„Дай мнѣ-ка злату милостыню спасеную,
„Полно мнѣ каликой волочитися,
„А пора мнѣ каликѣ душа спасти".
Тутъ-то царскіе терема пошаталися,
Хрустальныя околицы посыпались
Отъ того отъ крику отъ каличьяго:
У татарина сердечушко ужахнулось;
А царь-то Константинъ Боголюбовичъ взрадовается.
Тутъ-то татаринъ воспроговоритъ:
—А и же ты, царь Константинъ Боголюбовичъ!
—Принимай калику перехожую;
—Корми-ка ты калику до-сыта,
—Пои ты калику до-пьяна.—
Взималъ онъ калику перехожую,
Взималъ онъ, самъ взрадовается:
„Не красное солнышко порóспекло,
„Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ порóзсвѣтѣлъ:
„А показался въ Цареградѣ
„Старый казакъ Илья Муромецъ.
„А и же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Отъ бѣды меня повыручи,
„Отъ этой отъ смерти отъ напрасныя!"
Тутъ-то какъ поганое Идолище
Взималъ къ себѣ калику перехожую,
Началъ у калики выспрашивать:
—А и же ты, калика русская,
—Русская калика перехожая!
—Скажи-ка, калика, не утай себя:
—Какой есть у васъ на святой Руси
—Старый казакъ Илья Муромецъ,
—Великъ ли онъ ростомъ собою есть?—
„А волосомъ-ростомъ ровнымъ съ меня:
„Мы съ нимъ были братьица крестовые".
—По многу ли онъ выти [4]) хлѣба ѣстъ,
—По многу ли пьетъ зелена вина?—
„А хлѣба ѣстъ по три колачика крупивчатыхъ,
„А пьетъ зелена вина
„На три пятачика на мѣдныихъ".
—Чортъ же у васъ на Руси, а не богатырь есть!
—Я бы его на ладонь поклалъ,
—А другой-то рукой сверху прижалъ:
—Да тутъ бы съ него блинъ сталъ,
—Да дунулъ бы его во чисто поле.
—А я-то, сильный могучій Идолище,
—Хлѣба ѣмъ по три хлѣба печеныихъ,
—А пью-то вина по три ведра мѣрныихъ,
—А щей хлебаю по той яловицы [5]) по русскія.—

---

[2]) т. е.: распоясался. — [3]) Сокрутиться—одѣться. — [4]) Выть—доля, порція. — [5]) Яловица—корчага.

„У нашего у попа у ростовскаго
„Была какъ корова обжориста,
„Много ѣла-пила тутъ и треснула:
„А тебѣ бы поганому и такъ же быть!“
Тутъ-то поганому не къ лицу пришло,
Этыя рѣчи не слюбилися.
Хватилъ тутъ онъ ножище-кинжалище,
Бросилъ во Илью во Муромца:
Ильюша былъ на ноженьку повертокъ,
Отъ того онъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ ножикъ пріотмахивалъ;
Пролетѣлъ ножикъ въ дверь бѣлодубову,
И выскочила дверь съ ободвериной:
Убило на смерть двѣнадцать татаръ сильныихъ,
А друго двѣнадцать ранило.
Кои татарины ранены,
Тои клянутъ его, проклинаютъ:
„Будь ты трипроклятъ,
„Наше сильное, могучее Идолище!“
Тутъ Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ильюшѣ, высиживать:
Тутъ-то Ильюша подскакивалъ,
Клюхой-то его въ голову поколачивалъ —
Тутъ-то поганое захамкало;
А въ другихъ переправилъ [6]) – повалилося.
Хватилъ онъ поганаго за ноги,
Началъ поганыимъ помахивать,
Этыихъ татаровей осаживать.
Бьетъ Ильюша, выговариваетъ:
„А вотъ, робята, оружье по плечу пришло!
„А крѣпокъ поганый на жилочкахъ,
„Тянется поганый – самъ не рвется!“
Прибилъ онъ поганыихъ всѣхъ въ три часу,
Не оставилъ поганыихъ на сѣмена.
Тутъ царь Константинъ Боголюбовичъ
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
„Ахъ ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
„Живи-тка здѣ воеводою,
„А буду кормить тя до-сыта,
„Поить тебя буду до-пьяна,
„А денегъ давать тебѣ до люби“.
Говоритъ Ильюша таковы слова:
„Благодарствуешь, царь Константинъ Боголюбовичъ!
„Послужилъ я у тя только три часа,
„А выслужилъ слово сладкое, увѣтливое,
„Увѣтливое слово, привѣтливое,
„А хлѣбъ-соль мягкую.
„Служилъ-то я у князя Владиміра,
„Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
„А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
„Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
„А хлѣба-соли мягкія [7]):
„Да нельзя мнѣ здѣ-ка жить:
„Оставленъ оставежь [8]) на дорожкѣ есть“.
Царь Константинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
Другую насыпалъ чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга.
Принималъ тутъ Ильюша со радостію.
Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
„Это мое зарабочее“.
Тутъ-то Ильюша поклонъ держалъ,
Тутъ-то Ильюша распростился съ имъ.
Пошелъ-то Ильюша назадъ домой,
Пришелъ онъ на уловное мѣстечко.
А тутъ-то Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище перетерзано
У того добра коня богатырскаго [9]).
Складывалъ съ себя платье каличіе,
Надѣвалъ опять платьица цвѣтныя;
Оба одѣлись, оба распростилися.
Говоритъ Ильюша таковы слова:
„Впредь ты такъ, Иванище, не дѣлай-ка,
„А выручай отъ бѣды-напасти,
„Не выдавай крещеныхъ поганымъ татаровьямъ!“

---

[6]) въ другой разъ поколотилъ. — [7]) см. ниже № 16. — [8]) т. е.: оставленный на дорогѣ Иванище. — [9]) Сильный Иванище, лишенный смѣлости-ухватки, не сладилъ съ конемъ Ильи Муромца.

16.

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ *).

Какъ пріѣзжалъ-то Илья во славный во городъ во Кіевъ,
Столько отошла обѣдня да воскресенская.
Пріѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра коня осередь двора,
Осередь двора княженецкаго...
Самъ какъ онъ пошелъ во палаты княженецкія,
Со палатъ проходитъ во гридни столовыя.
Крестъ-то онъ кладалъ по-писаному,
Поклонъ онъ велъ по-ученому,
Клонится-то онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Какъ не узналъ его солнышко Владиміръ князь,
Самъ да говорилъ ему таковы слова:
—А и же, маленькій-удаленькій да упаленькій [1])—
—Я не знаю, какъ тебя именемъ зовутъ.
—Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать:
—На нижнемъ конечку есть мѣстечка немножечко:
—Други мѣстечка вси призабавлены [2]),
—Мѣстечка вси позаняты:
—Сидитъ у меня на честномъ пиру
—Что́ князей, что́ бояриновъ,
—Что́ сенаторовъ да думныихъ,
—Что́ вельможъ, купцовъ да богатыихъ,
—Что́ поляницъ да удалыихъ,
—И шестьдесятъ россейскихъ могучихъ богатырей.—
Какъ старому казаку тѣ рѣчи не полюбилися,
Что на нижной конецъ садятъ хлѣба кушати [3]).
Какъ говорилъ старый казакъ таковы слова:
„А и же ты, солнышко Владиміръ князь!
„Самъ ѣшь-кушаешь съ воронами,

---

*) Рыбн. II, № 63 (отъ Андрея Сорокина, сумозерскаго крестьянина Пудожскаго уѣзда).

[1]) Упалый—низкій. — [2]) заняты. — [3]) Въ другихъ варіантахъ:

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскіихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Илюшенькѣ стало зарко...

(Рыбн. I, № 18 и Гильф. № 47, отъ Никифора Прохорова, Пудожскаго у. Тожъ отъ Рябинина Гильф. № 76). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Илья выдаетъ себя за Никиту Заолѣшанина и не узнанъ княземъ Владиміромъ.

„Меня садишь съ воронятами!
„Не хочу я хлѣба кушать съ воронятами!“
Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися,
Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь,
Сревѣлъ какъ будто левъ-то звѣрь:
—А и же вы, россейскіе могучи богатыри!
—Чтобы онъ могъ бы насъ назвать
—Воронами и воронятами!
—Берите подъ руку три богатыря
—И подъ другую три богатыря,
—Ведите его на широкъ дворъ,
—Отрубите ему буйну голову.—
Какъ богатыри да принималися,
Подъ руку три богатыря
И подъ другую три богатыря:
Онъ правой рукой махнулъ—
Ты мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой махнулъ—
Ты мертвы лежатъ.
Тутъ сказалъ опять какъ солнышко Владиміръ князь:
—Берите подъ руку шесть богатырей
—И подъ другую руку шесть богатырей,
—Ведите его на широкъ дворъ,
—Срубите ему буйну голову!—
Какъ подъ руку берутъ шесть богатырей:
Онъ правой рукой махнулъ—
Ты мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой рукой махнулъ—
И тѣ мертвы лежатъ.
Опять говоритъ солнышко Владиміръ князь:
—Берите подъ руки что ни лучшихъ шесть богатырей
—И подъ другу тоже шесть что ни лучшіихъ,
—Позади подьте шесть богатырей,
—Ведите его на широкъ дворъ,
—Срубите ему тамъ буйну голову!—
Сдался вывести онъ на широкъ дворъ:
Какъ тамъ разгорѣлось сердце богатырское,
Воспылала кровь богатырская,
Не могъ сдержать онъ рукъ бѣлыихъ,
Какъ правой рукой махнулъ—
Всѣ богатыри на землѣ лежатъ,
Кои мертвы, ины плаваютъ окоракою,
А лѣвой рукой махнулъ—
Ты мертвы лежатъ.
Какъ тутъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу онъ направливалъ,
Самъ своей стрѣлы приговаривалъ:
„Ты лети, стрѣла, объ окошки княженецкія,
„У окошекъ отстрѣли всѣ маковки позолочены!“
Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ
Пропивать тѣ маковки царскія.
Набралъ онъ голей кабацкіихъ,
Которые бы могли пить да зелено вино,
Какъ пошелъ-то онъ со всѣми на царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ во царевъ кабакъ,
Сталъ какъ онъ съ голями пить зелено вино,
Сталъ пропивать княжецкія маковки.
Голи тутъ да засумлялися:
„Что-то намъ отъ князя да будетъ,
„Что-то намъ отъ князя достанется:
„Пропиваемъ мы его да маковки!“
Увидѣлъ онъ, что голи засумлялися,
Ужъ какъ самъ говоритъ да таковы слова:
„Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
„Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,
„А у меня вы будете предводителями!“
Стали пить и не стали болѣе сумлятися,
Стали Бога молить за удалаго за молодца.

Не садилъ онъ Илью со боярами, садилъ его съ дѣтьми боярскими (указаніе на сословныя различія позднѣйшей, московской поры)—и Илья находитъ, что ему не по силѣ та честь. Добившись подобающей почести,

Не садился онъ на мѣсто на большее,
Садился на мѣсто на середнее,
Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ.

(Рыбн. II, № 63 отъ Андрея Сорокина).

Какъ тамъ солнышко князь стольно-кіевскій
Видитъ бѣду неминучую,
Не знаетъ, кто пріѣхалъ ко городу ко Кіеву:
—Ежели невѣжа поганая—
—Русскому Богу не молился бы,
—И намъ онъ не поклонился бы;
—Какой-нибудь русскій богатырь!—
Какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Никитиничъ:
„А и же, солнышко Владиміръ князь!
„Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
„Одного не знаю—стараго казака Илью Муромца:
„Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
„Что у него на бою смерть не писана".
—Дѣлать намъ нечего всѣмъ городомъ Кіевомъ!
—Видишь, у насъ на широкомъ дворѣ
—Стоитъ добрый конь богатырскій,
—Ни къ чему конь не привязанный;
– У коня стоитъ чудо чудное, диво дивное:
—Какъ стоитъ тутъ у правыя у стремены,
—Стоитъ проклятый Соловей,
—Онъ прикованъ къ богатырскимъ булатнымъ ко стременамъ:
—Такъ кого послать позвать его,
—Позвать его да на почестный пиръ?
—Иль послать смѣлаго Алешу Поповича?—
—Тотъ не умѣетъ какъ позвать его,
—То того посла не дождать будетъ;
—Послать тогда Чурилу Пленкова?—
—Того посла не дождаться будетъ,
—Онъ не умѣетъ, какъ позвать его:
—Съ того только дѣло щапить [1]) съ бабами,
—Межъ бабами и межъ дѣвками;
—А надо послать грамотой востраго,
—На рѣчахъ да разумнаго,
—Съ гостями почестливаго:
—Послать тебя, Добрыня Никитиничъ!
—Поди-ка скажи ему таковы слова:
„А и же, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Послалъ меня солнышко Владиміръ князь,
„Владиміръ князь стольно-кіевскій,
„Какъ просилъ тебя да на почестный пиръ;
„Не узналъ тебя, добра молодца,
„Потому садилъ на нижной конецъ хлѣба кушати;
„А нынь просилъ тебя съ усердія со радости великія,
„Не велѣлъ на старо да гнѣваться".—
Какъ тутъ пошелъ молодой Добрыня Никитиничъ,
Пошелъ самъ онъ и думаетъ:
„Не на смерть ли я иду да на скорую?
„А ежели не послухать солнышка князя Владиміра,
„То не хорошо мнѣ будетъ отъ солнышка князя Владиміра!"
А вѣдь пошелъ да во царевъ кабакъ,
Приходитъ-то онъ на царевъ кабакъ:
Сидитъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
Съ голями кабацкими пьетъ-прохлаждается.
Онъ не знаетъ, отколь зайти:
„Съ переду зайти,—хорошо ль ему прилюбится?
„Да-ко я сзади зайду!"
Какъ сзади зашелъ, захватилъ его,
Захватилъ за плеча за могучія,
Самъ говорилъ да таковы слова:
„А и же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Сдержи ты свои руки бѣлыя,
„Какъ скрѣпи сердце ретивое:
„Какъ посла ни куютъ, ни вѣшаютъ!
„А послалъ меня солнышко Владиміръ князь,
„Онъ тебя не зналъ, добра молодца,
„А потому садилъ тебя на нижной конецъ,
„На нижной конецъ хлѣба кушати;
„А просилъ тебя съ усердія со радости великія,
„Не велѣлъ тебѣ на старо да гнѣваться".
Какъ онъ обернулся, сказалъ ему:

[1]) Щапить—франтить.

„А и же ты, молодой Добрыня Никитиничъ!
„Ты тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ!
„А если бы, Добрыня, съ переду зашелъ,
„Столько бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
„Поди скажи солнышку князю таковы слова:
„Пусть-ко для меня, для молодца,
„Разошлетъ указы строгіе,
„По всему по городу по Кіеву
„И по городу по Чернигову,
„Чтобы отворены были всѣ конторы,
„Кабаки всѣ и пивоварнія,
„На трои на сутки отворены,
„Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
„Кто не пьетъ зелена вина,
„Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
„Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
„Тотъ пилъ бы сладки меды;
„Чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,
„Старый казакъ Илья Муромецъ,
„Ко славному ко городу Кіеву;
„Пусть для меня, для молодца,
„Заведетъ столованье-почестный пиръ.
„Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
„То онъ процарствуетъ только до утрія!“
Какъ тотъ бѣжалъ скорымъ-на́-скоро
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Сказалъ ему да таковы слова:
„А и же, солнышко князь стольно-кіевскій!
„Что старый казакъ да Илья Муромецъ!
„Тебѣ было приказано публиковать указы строгіе,
„По городу по Кіеву, по городу Чернигову,
„Растворить кабаки-конторы, пивоварнія,
„Растворить на трои на сутки,
„Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
„Кто не пьетъ да зелена вина,
„Тотъ бы пилъ пиво пьяное;
„Кто не пьетъ пива пьянаго,
„Тотъ бы пилъ меды сладкіе;
„Чтобы знали, что наѣхалъ старой казакъ,
„Старой казакъ да Илья Муромецъ.
„А ежели князь не сдѣлаетъ по-моему,
„То процарствуетъ царь до утрія“!
Онъ скорымъ-скоро, скоро-на́-скоро
Послалъ указы строгіе
По городу по Кіеву и по городу Чернигову,
Чтобы отворены были всѣ кабаки-конторы и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено вино,
Безданно, безпошлинно,
Знали бы, что наѣхалъ старой казакъ,
Старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному городу Кіеву.
Какъ тутъ забиралъ столованье-почестный пиръ,
Много князей, много бояриновъ,
И вельможъ, купцовъ богатыихъ,
Поляницъ много удалыихъ
И россейскихъ многихъ могучихъ богатырей.
Какъ тутъ въ кабакахъ никто не пьетъ не кушаетъ,
Всѣ ѣдутъ ко солнышку князю Владиміру,
Не для соли не для хлѣба, не для безсчетной золотой казны,
А ѣдутъ-то посмотрѣть удалаго молодца,
Стараго казака Илью Муромца;
Какъ на княженецкій дворъ сбираются,
Тихонько да пробираются во палаты княженецкія.
Такъ тутъ и приходитъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ
Съ голями съ кабацкима,
Какъ идетъ онъ во палаты княженецкія,
Проходитъ туды во гридни столовыя,
Крестъ-то кладетъ онъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Тутъ какъ солнышко Владиміръ князь
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Бралъ стараго казака за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ старымъ казакомъ да Ильей Муромцемъ.
Какъ стали садиться за тѣ столы дубовые,

За скамейки окольнія, за ѣства сахарныя,
Садятъ его на мѣсто на бо́льшее:
Не садился онъ на мѣсто на бо́льшее,
Садился на мѣсто на среднее,
Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ.
Какъ начали ѣсть-кушать, прохлаждатися,
Какъ всѣ на пиру напивалися,
На почестномъ всѣ наѣдалися,
Похвальбами они всѣ похвалялися,
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похвалится:
Инный хвастатъ несчстной золотой казной,
Иной хвастатъ силой удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
Инный хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.

Важный варіантъ былины о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ представляетъ былина, записанная на заводахъ Локтевскомъ и Сузунскомъ (Кир., I, стр. 66):

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ:
Собирались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
И вся поляница удалая.
Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры наѣдатися,
Стали бояры напиватися,
Стали бояры прирасхвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ серебромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
„Полно вамъ, бояры, хвастати!
„Стану я васъ дарити, жаловать,
„Кого буду дарить чистымъ серебромъ,
„Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
„Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ“.
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой еси, батюшка, Владиміръ-князь!
— Всѣхъ ударилъ ты, всѣхъ ужаловалъ:
— Одного только удалаго добраго молодца
— Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
— Что по имени-то Илью Муромца.—
„Ты гой еси, княгиня неразумная!
„Подарю я удала добра молодца
„Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
„Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
„Подарю я его тою шубой соболиною“.
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
„Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
„О кирпищатъ полъ:
„Велитъ ли мнѣ Богъ бивать
„Татарина Бусурманова?“
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшка, Владиміръ князь!
— Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,
— Одному-то удалому молодцу
— Дары тѣ не по любви пришли,
— Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
— Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
— И бьетъ о кирпищатъ полъ,
— А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— „Велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ...“
— Взять было удалаго добра молодца
— Что по имени-то Илью Муромца,
— Повести было его на горы высокія,
— Бросить его въ погреба глубокіе,
— Задернуть рѣшетками желѣзными,
— Завалить чащей, хрящемъ-камнемъ!—
Взяли тутъ удалаго молодца
Скурлаты немилостивые [1]),
Повели на горы на высокія,
Бросили въ погреба глубокіе,
Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чащей, хрящемъ-камнемъ.

---

[1]) Скурлаты—какъ нарицательное имя палача отъ собственнаго имени Малюты Скуратова.

17.

Илья Муромецъ и Калинъ царь *).

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ Владимірѣ,
Наѣзжалъ собака-воръ Калинъ царь
Съ сорока царямы-царевичмы,
Съ сорока королямы-королевичмы.
У всѣхъ силы было набрано,
У всѣхъ было силы заправлено:
У всѣхъ было силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина смѣты нѣтъ.
И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силы по поганыя:
„А и же вы, слуги мои вѣрные!
„Кто знаетъ баять по-русскому,
„Толмачить по-татарскому;
„Кто бы сходилъ во Кіевъ-градъ,
„Снесъ письмо ко князю Владиміру,
„Чтобы отдалъ стольный Кіевъ-градъ
„Безъ бою, безъ драки великія,
„Безъ большого кроволитія"?
И сыскался татаринъ поганыій:
Знаетъ баять по-русскому
И толмачить по-татарскому,
И беретъ письмо у собаки царя Калина.
И садился татаринъ на добра коня,
И поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ ко князю Владиміру;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
И становилъ коня середи двора,
Идетъ въ палаты бѣлокаменны;
И не крестится татаринъ, не кланяется,
Не бьетъ челомъ на четыре стороны,
И князю Владиміру не поклоняется,
А бросилъ письмо на дубовый столъ:
—Разсматривай, Владиміръ князь, писемочко
—От нашего собаки царя Калина.—
И разсматривалъ Владиміръ князь писемочко,
И въ письмѣ писано:
„Отдалъ бы Владиміръ князь Кіевъ градъ,
„Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки великія,
„Безъ большого кроволитія".
И назадъ Владиміръ князь отписывалъ:
—А и же, собака-воръ Калинъ-царь!
—Дай намъ сроку на три году,
—И на три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
—Накурить-то бы намъ зелена вина
—И наварить бы намъ пива пьянаго,
—И было бы срѣтить чѣмъ царя Калина.—
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
И слезно Владиміръ князь расплакался:
„Раздразнилъ какъ я сильныхъ могучихъ богатырей,

*) Рыбн. III, № 35 (отъ слѣпого захожаго калѣки каргопольскаго).

„Всѣ богатыри разъѣхались.
„Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
„И тотъ бы постарался
„Ради дому пресвятыя Богородицы,
„И ради матушки Свято-Русь земли,
„И ради церквей соборныихъ.
„И посадилъ я Илью въ погреба во глубокіе,
„И заморилъ я смертію голодною".
И у князя у Владиміра
Выходила дочь княженецкая [1]),
Красная дѣвица во семнадцать лѣтъ,
И сама говоритъ таково слово:
—Можетъ, живъ старый казакъ Илья Муромецъ,
—Бываетъ, съѣздитъ во Кіевъ градъ да постарается.—
Говоритъ Владиміръ князь стольно-кіевскій:
„А и же ты, дочь моя одинакая!
„Гдѣ живому быть Илью Муромцу?
„Сидитъ въ погребахъ онъ три году".
И знали дѣвицы про Илью Муромца,
И въ каждый день носили ѣствы сахарныя.
—И однако сходимъ-ко, батюшка,
—Во погреба во глубокіе.—
И беретъ Владиміръ князь ключи отъ погреба
И отложаетъ [2]) двери погребны,
И заходитъ Владиміръ князь во погреба глубокіе,
И сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ
И читаетъ книгу онъ евангелью.
Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу:
„А и же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,
„И ради матушки Свято-Русь земли,
„И ради церквей соборныихъ".
И будто Илья Муромецъ не вѣдаетъ:
—А что, Владиміръ князь надъ Русью сдѣлалось?—
Говоритъ Владиміръ князь стольно-кіевскій:
„А и же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Да наѣхалъ къ намъ собака-воръ Калинъ царь
„Съ сорока царями-царевичмы,
„Съ сорока королями-королевичмы,
„У всѣхъ набрано силы по сороку тысячей,
„А у самого царя Калина и смѣты нѣтъ.
„И мнѣ было письмо отъ собаки царя Калина,
„Чтобы отдалъ Владиміръ князь Кіевъ градъ
„Безъ бою, безъ драки великія,
„Безъ большого кроволитія".
„Я на то письмо собакѣ царю Калину отписывалъ:
—Далъ бы намъ сроку на три году,
—На три мѣсяца, и на три дня, и на три часа:
—Накурить бы намъ зелена вина,
—Наварить бы намъ пива пьянаго,
—Чтобъ опотчевать татаровей.—
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
—Я поѣду царя Калина упрашивать. *)—

* * *

И садится старый казакъ Илья Муромецъ
На маленькаго сивушка-бурушка косматаго,
Облатился и обколчужился.
И провожаетъ его Владиміръ князь стольно-кіевскій
Со всѣмъ да со усердіемъ.
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
—А и же ты, Владиміръ князь стольно-кіевскій!
—Заложи-ко ты ворота крѣпко-на-крѣпко,
—Туго на-туго, во стѣны городовыя
—И прикажи засыпать песками рудожелтыма.—

---

*) Далѣе Рыбн., II, № 36 (отъ Трофима Романова Пудожскаго у. Колодозерской волости).

[1]) Въ другихъ варіантахъ—жена, Апраксія.—[2]) т. е. отворяетъ.

И будетъ Илья Муромецъ на горахъ Сорочинскіихъ,
Привязываетъ бурушка косматаго къ сыру дубу,
И пошелъ на луга на зеленые къ собакѣ къ вору Калину,
И даваетъ ему даровья великія:
—А и же ты, собака воръ Калинъ царь!
—Прими у насъ даровья великія
—И дай намъ сроку на три года изъ Кіева выбраться.—
И закричалъ собака воръ Калинъ зычнымъ голосомъ:
—А и же ты, старая собака, сѣдатый песъ!
—Не дамъ тебѣ сроку на три года,
—И не дамъ тебѣ сроку на полтора года,
—И не дамъ тебѣ сроку на три мѣсяца;
—Только тебѣ дамъ сроку на три дня,
—На три дня и на три часа **).—

* * *

И поѣзжаетъ Илья Муромецъ отъ царя Калина
И не могъ силы и счету дать.
Онъ на гору на высокую поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со первой горы опущается,
На вторую поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со второй горы опущается,
На третью гору поднимается,
И смотритъ на всѣ четыре стороны,
И узрѣлъ въ восточной стороны шатеръ бѣлополотняный,
И поѣзжаетъ на востокъ Илья Муромецъ...
И скоро скажется, а по узку дѣло дѣется...
Пріѣзжалъ онъ ко бѣлу шатру:
И тамъ стоитъ шатеръ бѣлополотняный,
И стоятъ тринадцать коней богатырскіихъ,
И зоблютъ [3]) пшену бѣлоярову,
И кони знакомые, кіевскіе,
Отца крестнаго Самсона Самойлова,
И поставилъ онъ своего коня ко бѣлу шатру,
И заходилъ Илья во бѣлой шатеръ.
И сидятъ тридцать богатырей
За дубовымъ столомъ, хлѣба кушаютъ:
Отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ
И двѣнадцать богатырей.
И выстали всѣ на рѣзвы ноги изъ-за дубова стола:
„Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
„Мой крестникъ любезныйй!
„Садись хлѣба-соли кушати
„И бѣлой лебеди рушати“.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
—Ты, батюшка крестный Самсонъ Самойловичь,
—И всѣ двѣнадцать богатырей, крестовые, названые!
—Поѣдемте вы мнѣ на помочь,
—Пособите прогнать царя Калина прочь отъ Кіева,
—Что наѣхалъ воръ-собака Калинъ царь
—Съ сорока царямы-царевичмы,
—Съ сорока королямы-королевичмы:
—У всѣхъ силы по сороку тысячей,
—У самого царя Калина и смѣты нѣтъ.—
И говоритъ отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ:
„А и же ты, любимый крестничекъ,
„Старый казакъ Илья Муромецъ!
„Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
„Не бывать бы мнѣ въ городѣ во Кіевѣ,
„И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра,
„И на княгиню Апраксію не смотривать,
„И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ:
„Онъ слушаетъ князей-бояръ,
„А не почитаетъ богатырей“.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
—Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!

**) Далѣе снова Рыбн., II, № 35.
[3]) Зобать—ѣсть.

—Не ради князя Владиміра
– И княгини Апраксы королевичны,
—Ради дому пресвятыя Богородицы
—И чудотворцевъ кіевскихъ,
—И ради матушки Свято-Русь земли
—Положи ты половину грѣха на меня,
—Поѣдемъ-ко мнѣ на помочь.—
И говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
„Нѣтъ, крестничекъ мой любимыій,
„Великій мой грѣхъ:
„Не поѣду стоять за Кіевъ градъ".
-- Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!
—Положи же весь грѣхъ на меня
—И поѣдемъ ко мнѣ на помочь:
—Пособи же мнѣ прогнать царя Калина.—
И упросилъ Илья Муромецъ
Самсона Самойловича и двѣнадцать богатырей,
И садилися четырнадцать богатырей
На своихъ добрыхъ коней богатырскіихъ,
И мать сыра земля всколыбалася,
И пріѣзжаютъ близъ города Кіева,
Близъ собаки царя Калина,
Раскинули они шатеръ бѣлополотняный:
И хлѣба-соли они покушали,
Легли они спать да опочивъ держать.
Ильѣ Муромцу не спится, мало собится [4]).
И садился Илья на добра коня,
И поѣхалъ противъ царя Калина.
Не ясенъ соколъ на гусей-лебедей напущается,
Илья Муромецъ—на рать силу великую.
И зачалъ Илья по силы поѣзживать,
Зачалъ Илья по силы помахивать:
Куда рукой махнетъ—улица лежитъ,
Отмахнетъ—переулками.
Его добрый конь провѣщился языкомъ человѣческимъ:
„А и же, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Есть у собаки царя Калина
„Выкопано три подкопа глубокіе:
„Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
„Тебя Илью повынесу;
„И въ другой скочу, повыскочу,
„Тебя Илью повынесу;
„И въ третій скочу, повыскочу,
„Наврядъ тебя, Илья, повынести".
И бьетъ коня по тучной бедры:
—Ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
—Развѣ подкоповъ не видывалъ,
—Неужель съ этыхъ ямочекъ не выскочишь?—
Онъ въ подкопъ скочилъ, повыскочилъ;
Въ другой скочилъ, повыскочилъ;
Въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
Не могъ Илью повынести.
Упалъ Илья въ подкопы глубокіе;
Обостали татарове поганые,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Связали ему ручки бѣлыя
И привели къ собакѣ царю Калину.
И говоритъ воръ-собака Калинъ-царь:
„А что же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Я повѣрилъ тебѣ, по старости,
„Почто ты теперече извѣрился?
„Послужи ты мнѣ собакѣ царю Калину:
„Я дамъ тебѣ мѣсто подлѣ себя,
„Или хоть супротивъ себя,
„Третье, гдѣ ты похочешь, тутъ живи;
„Положу на тебя пененизо [5]) великое".
Говоритъ Илья таково слово:
—Какъ была бы у меня одна ручка правая,
—Отрубилъ бы тебѣ голову.—
Говоритъ-то собака воръ Калинъ царь:
„Поведите, татарове, Илью во чисто поле,
„Отрубите Ильѣ буйну голову".
И повели Илью во чисто поле,
Ведутъ мимо церковь соборную,
Возмолился Илья Господу Богу отъ желанія:
—Не выдай, Господи, татаровамъ поганымъ:
—Я буду стоять за вѣру христіанскую.—
И услышалъ Господь его моленье,
Посылаетъ Господь двухъ ангеловъ:

---

[4]) т. е.: не по себѣ. — [5]) Пененизо—взысканіе.

Оборвали съ рукъ поводья шелковые,
Оборвали съ ногъ оковы желѣзныя:
Сталъ Илья на своей волѣ,
Ухватилъ поганаго татарина за рѣзвы ноги,
Началъ татариномъ помахивать.
И бѣжитъ къ нему добрый конь
Со всей сбруей богатырскоей;
Онъ садился на добра коня
И выѣхалъ на мѣсто на высокое.
И беретъ-то онъ себѣ тугой лукъ,
Натягивалъ тетивочку шелковую,
Накладывалъ стрѣлочку каленую,
И самъ онъ стрѣлы приговаривалъ:
—Лети ты, стрѣла, выше лѣсовъ темныихъ,
—Не пади, стрѣла, ни на воду, ни на землю,
—Прямо лети въ бѣлъ шатеръ,
—Гдѣ спятъ свято-русскіе богатыри,
—Пробей-ко ты крышу во бѣлѣ шатрѣ
—И прямо пади въ Самсона богатыря,
—Моего крестнаго батюшка, во бѣлую грудь,
—Проломи ты у него латы колчужныя,
—И пройди-тко ты въ ретиво сердце:
—Что́ онъ спитъ-прохлаждается?—
Летѣла та калена стрѣла
Выше лѣсовъ высокіихъ,
И не пала она ни на воду, ни на землю,
А пала она прямо въ бѣлъ шатеръ,
И пробила крышу шатровую,
И упала прямо въ грудь Самсона богатыря,
И пробила ему латы колчужныя
И ударила ему въ золотъ крестъ.
Тутъ со крѣпка сна Самсонъ пробуждается,
И говоритъ онъ таково слово:
„Ставайте-тко, братцы крестовые!
„Вѣрно моему-то крестничку не собится“.
Тутъ всѣ тринадцать богатырей
Садились на добрыхъ коней и поѣхали—
Мать сыра земля восколыбалася.
Пріѣзжали они къ силы несмѣтноей
Собаки-вора царя Калина,
Тутъ силушку повырубили.
Поѣхалъ собака-воръ Калинъ царь отъ города отъ Кіева,
И говоритъ таково слово:
—Закажу я дѣтямъ и внучатамъ
—Ѣздить къ городу ко Кіеву.—
Тутъ Владиміръ князь съ княгиней Апраксою
Стлали сукна драгоцѣнныя
До той до силы до поганоей,
И полагали они на мису чиста серебра,
На другую мису красна золота,
На третью мису скатна жемчуга,
И брали они лисицъ-куницъ,
Лисицъ-куницъ, черныхъ соболей,
Дарилъ онъ ихъ [6]) и жаловалъ.
И въ то время у богатырей сердца кончились,
Стали ѣсть, пить и веселитися.

[6]) богатырей.



18.

Илья Муромецъ и Сокольникъ *).

Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во-первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Во-вторыхъ Добрынюшка Никитиничъ,
Во-третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да стояло семь братцевъ Збродовичей [1]),
Ребята-то были молодые;
Стоялъ Ѳома Долгополый,
Стояли-то мужики Залѣшане.
Мимо эту заставу крѣпкую
Проѣзжаетъ удалый дородній добрый молодецъ:
Сидитъ на конѣ молодецъ во двѣнадцать лѣтъ;
Подъ нимъ конь какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ;
Молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ.
Проѣзжаетъ-то заставу крѣпкую,
На заставы не приворачиваетъ,
Ихъ-то молодцевъ ничѣмъ зоветъ,
На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ:
Проѣзжалъ заставу крѣпкую.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Кого мнѣ послать за богатыремъ?
„Послать мужиковъ Залѣшаньевъ:
„Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
„Продремлютъ богатыря во чистомъ полѣ;
„Послать Ѳому Долгополаго:
„Ѳома Долгополый—бѣда зѣвать,
„Прозѣваетъ богатыря во чистомъ полѣ;
„Послать семь братьевъ Збродовичей:
„Ребята-то были молодые,
„Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ;
„Послать Алешеньку Поповича:

---

*) Рыбн. I, № 13 (отъ калики Латышова Пудожскаго у.).

[1]) Въ подл.: Грядовичевъ.

„Алеша Поповичъ зарывчатъ былъ,
„Изорветъ силу до богатыря;
„Послать Добрыню Никитича“!
И послалъ Добрыню Никитича!
Скоро Добрыня коня сѣдлалъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю,
Ко матушкѣ Сахатарь-рѣкѣ,
И наѣхалъ его у синя моря:
Ѣздитъ по тихіимъ за́водямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернасту утушку.
Закричалъ Добрыня во всю голову:
„Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
„На нашу заставу не приворачиваешь“?
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
—Ахъ ты, шишига деревенская!
—Не за мной бы тебѣ ѣздить во чисто поле:
—Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ.
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль-траву;
Лежитъ три часа за-мертво,
Просыпается будто отъ крѣпка сна,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ къ заставы крѣпкія.
И выходитъ въ стрѣту [2]) Илья Муромецъ:
„Пособилъ ли ти Богъ побить бога́тыря“?
Соходилъ Добрыня со добра коня,
Бьетъ челомъ—поклоняется:
—Я наѣхалъ у батюшка синя моря—
—Ѣздитъ богатырь по тихіимъ за́водямъ,
—Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ;
—Какъ закричитъ во всю голову:
—Отъ его ли крику богатырскаго
—Тихая заводь сколыбалася,
—Съ пескомъ вода помутилася,
—У меня конь на колѣнки палъ.
—И упадалъ я со добра коня
—На сыру землю въ ковыль-траву,
—Лежалъ цѣло три часа за-мертво,
—Проснулся будто отъ крѣпка сна,
—Скоро садился на добра коня
—И поѣхалъ къ заставы крѣпкія.—
Говоритъ старый таковы слова:
„Не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
„Замѣнитися своей старой, буйной головой“!
Скоро сѣдлалъ добра коня,
Затягивалъ двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Двѣнадцать пряжекъ золота краснаго,
Двѣнадцать шпенечковъ булатніихъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю:
Только видѣли стараго сѣдучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только курево въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ старый во всю голову:
„Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
„На нашу заставу не приворачиваешь“?
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася.
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
—Ахъ ты, старый, сѣдатый пёсъ!
—Не за мной бы ти ѣздить по чисту полю:
—Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У Ильи конь на колѣнки палъ.
И бьетъ коня по крутымъ бедрамъ:
„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья драпь!
„Не слыхалъ ты гаркапья вороньяго“?
Разъѣхалися на копья востры:

[2]) т. е.: навстрѣчу.

У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхалися на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы [3]) кольчужныя.
Скоро они соходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися.
Отмахнулась у Ильи ручка правая,
Подвернулась ножка лѣвая,
Упадалъ Илья на сыру землю.
Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И сталъ смѣятися-ругатися:
—Пора ти старому въ монастырь итти,
—Постричься во старцы, въ игумены;
—А ежели нѣтъ безчетной золотой казны,
—Я тебѣ далъ бы дó люби.—
Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди,
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой какъ пивной котелъ*).

* * *

Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
„А и же ты, удалый добрый молодецъ!
„Ты скажи, скажи, не утай себя,
„Ты коей орды, ты коей земли,
„Ты коего отца, коей матери"?
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
—Ахъ ты, старая собака, сѣдой пёсъ!
—Какъ былъ бы я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
—Не спрашивалъ бы у тебя ни имени, ни изотчины,
—Пласталъ бы тебѣ бѣлую грудь;
—А ты у меня на бѣлой груди:
—Вольно тебѣ насмѣхатися!—
Занесъ Илья свою праву руку,
Занесъ-то ножище-кинжалище:
Рука въ плечѣ застоялася.
Началъ Илья тутъ выспрашивати,
Началъ Илья выговаривати:
„А и же ты, удалый добрый молодецъ!
„Ты скажи, скажи, не утай себя,
„Ты коей орды, ты коей земли,
„Ты коего отца, коей матери"?
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
—Ахъ ты старая собака, сѣдой пёсъ!
—Когда ты началъ допрашивати,
—Скажу тебѣ и порозскажу:
—Есть я изъ-за славнаго синя моря,
—Есть я молодой Сокольникъ Охотничекъ
—Отъ тоя отъ бабы Латыгорки [4]),
—А батюшка, не знаю, кто есть.—
Какъ выскочитъ Илья со черныхъ грудей
Со этого съ Охотничка Сокольничка,
Выскочитъ, самъ испроговоритъ:
„А и же ты, сынъ мой возлюбленный,
„Молодой Охотничекъ Сокольничекъ!
„Почему ты раньше не сказалъ мнѣ?
„Не билъ бы я тебя съ перваго раза"!
Тутъ они сѣли, пили, кушали.
Тутъ Илья и спать-то легъ,
Спать-то легъ во бѣлой шатеръ:
А спитъ, молодецъ, прохлаждается,
Подъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Скоро натянулъ онъ [5]) свой тугой лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую:
Какъ стрѣлилъ-то во Илью скрозь бѣлой шатеръ.
Да тутъ Ильюшѣ не къ суду [6]) пришло:
Былъ-то у него крестъ на бѣлой груди,
Вѣсомъ крестъ въ полтора пуда,—
Стрѣла въ крестѣ застоялася.
Ото сну богатырь пробуждается,

*) Далѣе изъ былины о младомъ Соловниковѣ (видоизмѣненіе былины о Сокольникѣ), имя котораго здѣсь замѣнено именемъ Сокольничка. Рыбн. I, № 14 (отъ Никифора Прохорова, Пудожскаго у., дер. Буракова).

[3]) т. е.: зазубрились о латы. — [4]) Въ текстѣ этого варіанта: Есть я молодой-младой Соловинковъ, отъ тоя отъ матушки Настасьюшки. — [5]) Сокольникъ. — [6]) Судъ — смерть.

На улицу самъ пометается,
Выскакалъ въ тонкiихъ бѣлыхъ чулочикахъ,
Въ тонкой бѣлой рубашечкѣ безъ пояса.
Какъ прибѣгалъ къ Охотничку Сокольничку,
Хватилъ его за желты кудри,
Какъ бросилъ о матушку сыру землю,
Какъ занесъ свою правую руку,
Занесъ тое ножище-кинжалище,—
Тутъ рука въ плечѣ не застоялася:
Пласталъ онъ его груди бѣлыя,
Разсѣкъ онъ его на мелкiя часточки,
Раскидалъ часточки по чисту полю.
Тутъ Сокольничку славу поемъ,
А Ильюшѣ слава не минуется,
Отнынѣ и вѣкъ по́ вѣку.

Бой богатыря съ сыномъ составляетъ предметъ эпической поэзiи у многихъ народовъ. Рустемъ, сильнѣйшiй изъ богатырей Ирана, по волѣ судьбы долженъ былъ вступить въ бой съ сыномъ своимъ Зорабомъ. Кельтское сказанiе, положенное въ основу Макферсонова Картона, представляетъ юнаго героя, рожденнаго подобно Зорабу послѣ отъѣзда отца Клизамора: оба сразились, и старикъ убиваетъ не узнаннаго сына. Три дня оплакивали Картона; на четвертый — умеръ и отецъ, сраженный горемъ. Столь же трагическiй конецъ видимъ въ одномъ сказанiи объ Одиссеѣ (передаваемомъ Телегонiею Эвгаммона). Сынъ Одиссея и Цирцеи губитъ не узнаннаго отца. Въ германскомъ эпосѣ, въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ старикъ Гильдебрандъ чуетъ, что юный воинъ, съ которымъ предстоитъ ему бой, сынъ его: поэтому онъ, какъ Илья въ нашихъ былинахъ, спѣшитъ разспросить врага объ имени. Во французскихъ chansons de geste отецъ, узнавая сына, продолжаетъ сражаться съ нимъ; иногда даже знанiе въ самомъ началѣ не мѣшаетъ бою.

Большая часть русскихъ былинъ отличается тѣмъ, что сынъ (Сокольникъ, Соловникъ, Збутъ Борисъ королевичъ) не обнаруживаетъ ни малѣйшей любви къ отцу, и не только далекъ отъ радости въ ту минуту, когда узнаетъ наконецъ, кто онъ, но напротивъ злоумышляетъ противъ него. Это вполнѣ естественно въ сынѣ бабы Латыгорки, являющемся иной разъ съ „змѣей горынской, прикованной у его стремени", слѣдовательно носящемъ характеръ существа темнаго. Сообразно такому значенiю, въ нѣкоторыхъ варiантахъ и грудь его черная (вмѣсто обычнаго эпитета грудей—„бѣлыя").

Въ нѣкоторыхъ варiантахъ съ Ильею вступаетъ въ бой не сынъ, а дочь, поленица чудовищныхъ размѣровъ. Илья убиваетъ ее также, какъ и сына.

Но не всѣ варiанты нашей былины имѣютъ трагическiй исходъ. Есть и у насъ смягченные пересказы. Таковъ пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова, гдѣ Илья Муромецъ щадитъ Збута:

Не бьетъ онъ его палицей тяжелою,
Не вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса королевича,
Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго...
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичъ
На свои онъ руки богатырскiя,
Положилъ его да на сыру землю...

И когда Збутъ ѣдетъ къ своей государынѣ матушкѣ, мать съ любовью говоритъ ему объ Ильѣ:

„Почто ты напущался на стараго
„Не надобно бы тебѣ съ нимъ дратися,

„Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
„И надо бы тебѣ ему поклонитися
„О праву руку до сырой земли:
„Онъ по роду тебѣ батюшка“.

Смягченіе въ однихъ былинахъ коснулось только отца, а въ другихъ — и сына. Такое нравственное смягченіе высказывается въ одной воронежской былинѣ. Три раза поднимаетъ онъ руку на Илью Муромца, и три раза застаивается у него рука въ плечѣ:

„Не могу я вспороть груди бѣлыя!
„Аль ты въ родствѣ аль во племени?
„Скажи мнѣ про дѣдину“...

Словомъ — онъ чуетъ въ Ильѣ не врага. Узнавъ же въ немъ собственнаго сына, Илья становитъ его на ноги, цѣлуетъ въ уста, и привѣтствуетъ: „Ужъ ты здравствуй, дитя мое милое“! Затѣмъ сѣли оба на коней и поѣхали къ князю Владиміру“ (Кир. VII, прил. № 1).

19.

Три поѣздки Ильи Муромца *).

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
А самъ себѣ старой дивуется:
„Ахъ ты старость, ты старость ты старая,
„А старая старость, глубокая,
„А глубокая старость триста́ годовъ!
„Застала ты стараго во чистомъ полѣ,
„Во чистомъ полѣ застала, чернымъ вороно-
номъ,
„А сѣла ты на мою на буйную голову.
„А молодость моя, молодость молодецкая!
„Улетѣла ты молодость во чисто поле,
„А во чисто поле да яснымъ соколомъ“.
Пріѣхалъ какъ старый ко камешку,
А ко бѣлому каменю ко Латырю.
А у каменя три дороги, три розстани,
А на камени подпись написана:
Въ середнюю розстань ѣхать—убиту быть,
Въ правую розстань ѣхать—богату быть,
Въ лѣвую розстань ѣхать—женату быть.
А и тутъ-то старой раздумался,
Раздумался старой расплакался:
„А на что мнѣ-ка старому женату быть;
„А на что мнѣ-ка старому богату быть?
„А поѣду въ тую розстань прямоѣзжую,
„А въ тую розстань, гдѣ убиту быть“ **).
„А полно мнѣ ѣздить по Святой Руси,
„Убивать головушекъ безповинныихъ,
„Слезить отцовъ-матерей понапрасные“.
Ѣхалъ старъ добрый молодецъ три часу,
А проѣхалъ ровно триста верстъ,
И наѣхалъ сорокъ статниковъ [1])—разбой-
никовъ.
—Здравствуйте, статнички - разбойнички,
—Удалые добры молодцы! —
Говоритъ бо́льшій атаманище статникамъ-
разбойникамъ:
„Убейте стара добра молодца:
„У стара есте добрый конь“.
Стали стараго поколачивать и пощолки-
вать:
Стоитъ старъ добрый молодецъ — не ша-
тается,
Желты кудри у стараго не стряхнутся,
И говоритъ старъ добрый молодецъ ***):
—Вотъ нечего взять да у стараго:
—Платья цвѣтнаго у меня на себѣ нѣтъ,
—Только взять вамъ не взять у стараго:
—Кожанъ на себѣ да въ пятьсотъ рублей,
—Чуденъ крестъ на грудяхъ да въ три ты-
сячи,
—По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
—Косматому бурушку цѣны нѣтъ.—****)

---

*) Гильф. № 197 (отъ Ив. Григ. Захарова на Водлозерѣ). — **) Далѣе Рыбн. III, № 11 (отъ Гаврилы Амосова Пудожскаго у.). — ***) Далѣе Рыбн. III, № 12 (отъ Трофима Романова того же уѣзда). — ****) Далѣе Рыбн. III, № 13 (отъ старика съ Кенозера).

[1]) т. е.: станичниковъ. Въ подл.: „статниковъ-разбойниковъ сорокъ тысячей“.

И говорятъ ему разбойники-станичники:
„Ахъ, ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
„Еще долго ты сталъ разговаривать".
И скочилъ старый со добра коня,
И хватилъ онъ шапку съ буйной головы,
И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнетъ, туды улица,
Назадъ отмахнетъ—переулочки *).
Стали разбойнички ставиться островьямы,
И прибилъ ихъ до единаго,
И не оставилъ на сѣмена.
Тутъ-то старый добрый молодецъ
Поворотъ держитъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись подхиривалъ [2]),
А новую подписывалъ:
—Старая подпись была ложная,
—Что съѣздить во дорожку—убиту быть.
—А съѣздилъ во дорожку—убитъ не бывалъ.—
Тутъ онъ пораздумался:
—Да-ко я поѣду во дорожку, гдѣ женату быть.—
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
А проѣхалъ триста верстъ,
Наѣхалъ во далечѣ, далечѣ во чистомъ полѣ
Чудо чудное, диво дивное —
Деревня великая, а городъ-село малое,
А все стоятъ палатушки царскія и государскія.
И заѣхалъ онъ на широкій дворъ на царскій;
И увидала съ окна прекрасная королевична,
И выходила на широкій дворъ,
Встрѣтала стара добра молодца,
И цѣловала въ уста сахарнія **),
Зоветъ во палаты бѣлокаменныя
Къ себѣ хлѣба-соли она кушати.
Идетъ-то старикъ да усмѣхается:
„Сколько по святой Руси ни бывано,
„Экого ли чуда вѣкъ не видано.
„Ведетъ-то прекрасна королевишна,
„Ведетъ старика да за бѣлы руки,
„Цѣлуе во уста во сахарнія,
„Зоветъ въ палаты бѣлокаменныя
„Къ себѣ хлѣба-соли она кушати" ***).
Приказала нянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрныимъ служаночкамъ
Коня кормить пшеной бѣлояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела въ палату бѣлокаменну, во гридню столовую.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны поклоняется,
А королевичной въ особину.
А она дубовы столики задернула,
А забранины скатерти накрывала,
Хлѣба-соли наставила,
А ѣства были все сахарнія,
А питьица были медвяныя;
Садитъ-то стара добра молодца за дубовый столъ...
Тутъ старый добрый молодецъ
До-сыта онъ наѣдается,
И до-пьяна напивается;
Тутъ выходитъ за стола за дубоваго,
Отдалъ честь-благодарность великую,
За хлѣбъ за соль за столовую.
И говоритъ прекрасная королевична:
„Ай же ты, старъ добрый молодецъ!
„Поди съ пути-дороженьки
„Отдохнуть во ложню во теплую".
И привела ко кроватки тесовыя,
Ко перины пуховыя ****).
И стоитъ старый у кровати, головой качаетъ,
Головой-то качаетъ, приговариваетъ:
—Да я сколько по святой Руси не ѣзживалъ,
—Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
—Видно эта кроватка подложная!
Схватилъ королевну за бѣлы руки
И шибалъ ей ко стѣны кирпичныя:
Обвернулася кроватка тесовая,

---

*) Далѣе опять Рыбн., № 11. — **) Далѣе Гильф. № 266 (отъ Игнатья Третьякова на Кенозерѣ). — ***) Далѣе опять Рыбн. III, № 11. — ****) Далѣе опять Рыбн. III, № 13.

[2]) т. е.: похѣривалъ, уничтожалъ.

Обвалилася королевна во глубокъ погребъ*).
Тутъ старъ добрый молодецъ
Выходитъ изъ палаты на широкъ дворъ,
И говоритъ нянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ:
„Подайте мнѣ ключи злаченые,
„Отомкнуть погребъ глубокій".
Онѣ говорятъ таковы слова:
—Ай же ты, дядюшка незнаемый!
—Мы не знаемъ ни ключей-ларчей окованыихъ—**).
И сыскалъ двери глубокаго погреба:
Песками были призасыпаны,
Колодьями были призавалены.
Колодья ногами распихивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою вальячныя,
И съ крюковъ, замковъ двери вонъ выставливалъ;
Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей, королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
И самъ говоритъ таково слово:
—Вы подьте, цари, по своимъ землямъ,
—А вы, короли, по своимъ ордамъ,
—А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ,
—И молите вы Бога за Илью славнаго Муромца:
—Кабы не я, старый казакъ Илья Муромецъ,
—Положить бы вамъ головы здѣсь у погреба.—
Идетъ душечка красна дѣвушка;
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по-плечъ буйну голову,
Разсѣкъ разрубилъ тѣло женское,
И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на съѣденіе,
А чернымъ воронамъ на пограянье [3]) ***).
Только старый казакъ Илья Муромецъ
Богатырь сынъ Ивановичъ и женатъ бывалъ.
Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Поворотъ держалъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись захиривалъ,
А новую подписывалъ:
—Старая надпись была ложная,
—Что съѣздить въ дорожку—женату быть:
—А съѣздилъ въ дорожку—женатъ не бывалъ.
—А нынь поѣду во дорожку, гдѣ богату быть.—
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
Проѣхалъ ровно триста верстъ ****),
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,
Головой качаетъ да приговариваетъ:
—Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
—Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
—Есть несмѣтное злата-серебра.—
Сходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба *****),
И побралъ ли то много злата много серебра,
Много мелкаго скатного жемчуга;
А и построилъ онъ церквы соборныя,
Устанавливалъ звоны колокольные.
А и тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
Пріѣзжаетъ онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
И прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то его да со добра коня
И заносили во пещеры ты во кіевски ******)
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.

---

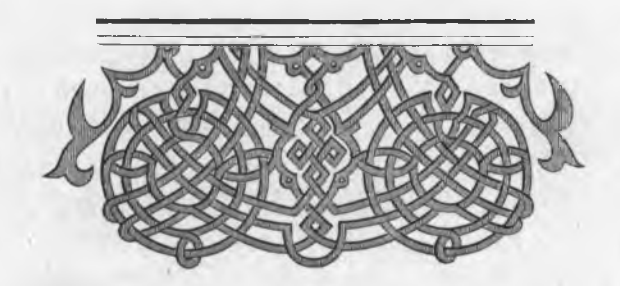
*) Далѣе опять Рыбн. III, № 11.—**) Далѣе опять Рыбн. III, № 13.—***) Далѣе опять Рыбн. III, № 11. ****) Далѣе опять Рыбн. III, № 13. — *****) Далѣе Гильф., № 58 (отъ слѣпца Ивана Фепонова Купецкой волости).—******) Далѣе опять Рыбн. III, № 13.

[3]) Граянье—карканье.

Въ лицѣ являющейся въ „Трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца“ королевны, которая держитъ въ плѣну жертвы своей хитрости, былина выводитъ одну изъ женщинъ демоническихъ. Это—Цирцея русскаго эпоса [4]).

Пѣсня*).

Охъ вы рощи, рощи зеленыя, липушки цвѣтныя!
Кустарнички молодые, орѣшнички густые!
Разростались, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, коло Камы, коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны русски города;
Протекаетъ рѣка Волга коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то восплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣются, на гребцахъ шляпы чернѣются,
На самомъ-то есаулѣ черна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ есаула молодца,
Есаула молодца, Илью Муромца.



*) Кир. I, стр. 90 (отъ старухи Калужской губ., Боровскаго уѣзда).
[4]) Бусл. „Русск. бог. эп.“, гл. V.

БЫЛИНЫ
О
ДОБРЫНѢ НИКИТИЧѢ.

Второй изъ кіевскихъ младшихъ богатырей, вызывающихъ общую симпатію—Добрыня Никитичъ.

Въ противоположность угрюмому Ильѣ Муромцу этотъ богатырь отличается своею задушевностію. Добрыня, какъ показываетъ уже его имя, добръ и прямодушенъ. Чувства его проявляются легко: нерѣдко видимъ его въ слезахъ. Такъ въ былинѣ о Данилѣ Денисьевичѣ (см. ее ниже) онъ „заплакалъ горючими слезами", когда Данила покрылъ себѣ очи ясныя. Не легко дается Дубрынѣ Никитичу разставанье съ родной матушкой. Въ приливѣ чувствъ онъ простодушно огорчается, что не родился со счастіемъ князя Владиміра, съ силою Ильи Муромца и со смѣлостію Алёши Поповича. Будучи самъ богатыремъ сильнымъ и смѣлымъ, онъ готовъ отрицать въ себѣ эти качества, когда на сердце ему падетъ тоска. Въ приливѣ этой тоски онъ тяготится самыми подвигами своими. Храбрость его не подлежитъ сомнѣнію: нерѣдко онъ охотою вызывается на подвиги, когда другіе богатыри на вызовъ князя „большій за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣтъ". Тогда, въ неудержимомъ порывѣ юнаго предпріимчиваго мечтанія, рѣчь его полна повѣстью будущихъ подвиговъ:

„Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ:
Я сослужу службу дальнюю,
Съѣзжу я въ орды немирныя,
Очищу дороги прямоѣзжія...
А и вырублю Чудь бѣлоглазую,
Прекрачу Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чукчи всѣ и Алюторы"...

(Кирша Даниловъ).

И онъ оправдываетъ свои обѣщанія. Не мало враговъ Русской земли истреблено молодымъ Добрынею Никитичемъ и выручено имъ полоновъ русскихъ и нерусскихъ. Но ни удальство, ни сила не исключаютъ въ немъ возможности иногда „пріужахнуться".

Указанныя проявленія чувствъ, порой даже слабостей, сближаютъ нашего богатыря съ героями народнаго эпоса другихъ народовъ: припомнимъ Гектора въ моментъ, когда приближался къ нему Ахиллесъ, сверкающій шлемомъ: „Гекторъ увидѣлъ—и страхъ его обнялъ... отъ Скейскихъ воротъ побѣжалъ устрашенный".

Къ числу наивныхъ проявленій несдержаннаго чувства Добрыни должно отнести и его промахъ на пиру среди князей-бояръ и княжихъ богатырей. Когда на пиру, всѣ понапившись хвастаются,

Умный хвастаетъ родной матушкой,
Глупый хвастаетъ молодой женой,

тогда не вытерпѣлъ Добрыня Никитичъ и привелъ всѣхъ бояръ въ смущеніе:

Во хмелю-то всѣ бояре прирасхвастались:
Еще кто-то бы похвасталъ своей удалью,
Еще кто-то бы похвасталъ своей бодростью,
А Добрынюшка похвасталъ молодой женой.
Что надъ тѣмъ-то всѣ бояре усмѣхнулися,
Со бесѣдушки бояре разъѣзжаются,
Со Добрынею бояре распрощалися,
Надъ Добрынею бояре всѣ смѣялися,
Межъ собой они, бояре, разговоръ вели:
„Еще чѣмъ-то, намъ Добрыня сынъ Никитьевичъ,
„Еще чѣмъ-то ты, Добрынюшка, намъ хвастаешь“!..[1]).

Добрыня Никитичъ отличается прирожденнымъ вѣжествомъ; онъ „грамотой востеръ“, а „на рѣчахъ разуменъ“, „съ гостями почестливъ“; у него „рѣчи привѣтливы“, „рѣчи умильны“: онъ „прельститъ и уговоритъ“. Потому его выбираютъ обыкновенно въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ. Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. По многимъ варіантамъ, Добрыня — племянникъ князя Владиміра. (Быть можетъ, эпосъ первоначально воспѣвалъ въ немъ брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ). Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча, но позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню рязанцемъ, и даютъ ему прозвище „Златой Поясъ“. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ былинъ происхожденіе Добрыни обозначено въ общихъ выраженіяхъ: „онъ—отца-матери хорошаго, роду-племени ученаго“. Наконецъ третье указаніе въ былинахъ приписываетъ ему происхожденіе купеческое.

Добрыня—одинаково съ Алешей Поповичемъ — особенно передъ прочими богатырями имѣетъ въ былинахъ прозвище „молодого“, „молодешенькаго“; на подвиги началъ онъ ѣздить рано, за что́ его журила мать: первый подвигъ совершаетъ онъ въ 12-лѣтнемъ возрастѣ.

Наружность Добрыни такова: у него „желты кудри“ (впрочемъ этотъ эпитетъ кудрей едва ли не постоянный при опредѣленіи волосъ въ русскомъ народномъ эпосѣ); въ мирное время носитъ онъ платье „латинское“, во время подвиговъ—богатырское цвѣтное; на ногахъ сафьянные сапоги. Былины съ особенною обстоятельностію описываютъ сбрую его коня: черкасское сѣдло, двѣнадцать подпругъ, тринадцатая для крѣпости,

Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра мо́лодца съ добра коня не вырутилъ...

Подпруги шелковыя, пряжки красна золота, шпенечки булатные. Любуясь красивымъ всадникомъ, пѣвецъ прибавляетъ:

Тутъ шелкъ не рвется, и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ былинахъ рожденіе Добрыни, подобно рожденію Вольги, сопровождается явленіями необычайными. О воспитаніи Добрыни былины передаютъ, что когда сталъ онъ

---

[1]) Кирѣевскій, II, стр. 61. — [2]) Кир., II, стр. 23 и 24.

на возрастѣ, его буйная головушка на разумѣ, началъ онъ конемъ владѣть. Съ 12 лѣтъ имѣлъ онъ дружину.

Какъ Илья Муромецъ является истребителемъ миѳическаго чудовища Соловья-разбойника, такъ главный подвигъ Добрыни Никитича побѣда надъ Зміемъ. Старые люди издавна уже пророчили, что онъ убьетъ это чудовище.

Прибывъ въ Кіевъ, такъ же, какъ и Илья Муромецъ, вступаетъ Добрыня на службу къ князю Владиміру. Три года онъ здѣсь стольничалъ, три года харешничалъ, три года приворотничалъ (въ другихъ варіантахъ именуются другія должности). На десятый годъ онъ „погулять захотѣлъ". Здѣсь попадаетъ онъ въ бѣду, ослушавшись своей матери. Злая Маришка оборотила его туромъ-золотые рога (или оленемъ или же конемъ), но онъ выученъ матерью (или сестрой).

Былины изображаютъ Добрыню женатымъ. Женился онъ рано. Проживъ съ женой своей, Настасьей Микулишной, три года, собирается онъ на подвиги. При этомъ даетъ онъ женѣ крѣпкій завѣтъ ждать его шесть годовъ. Если по истеченіи ихъ онъ не возвратится, то вольна она выходить за мужъ за кого захочетъ, только не должна она выходить за Алешу Поповича, „за бабьяго пересмѣшничка, за судейскаго перелестничка".

Подвиги Добрыни разнообразны, и жизнь его полна приключеній. Согласно своей подвижной природѣ и ловкости, онъ на ножку вертокъ, гораздъ бороться, плавать, стрѣлять изъ лука, играть въ тавлеи, на гусляхъ играть и пѣть.

Среди другихъ богатырей онъ пользуется почетомъ: на заставѣ богатырской его мѣсто второе послѣ Ильи Муромца, его брата названаго; здѣсь онъ подъ-атаманомъ; когда былъ обернутъ туромъ, то среди туровъ именуется „всѣмъ турамъ атаманомъ-золотые рога".

Илья Муромецъ чуждъ всему, что́ отвлекаетъ его отъ великаго подвига; для него не существовало молодости: въ тиши рокового искупленія созрѣвалъ Илья для своихъ подвиговъ. Онъ вызываетъ почтительное удивленіе своей величавой фигурой. Совсѣмъ иной образъ представляетъ Добрыня, этотъ такъ рано начавшій жить юноша, пережившій такъ много, испытавшій все въ теченіе своей разнообразной жизни, даже самую смерть, отъ которой воскрешенъ помощью мертвой и живой воды [3]). Чувства его разностороннѣе, оттѣнки ихъ тоньше—отъ элегическаго чувства сыновней любви, напоминающаго горькое сѣтованіе выдаваемой замужъ дѣвушки,—до негодованія мужа, оскорбленнаго сватовствомъ за его жену вопреки его завѣта. Добрыня прекрасенъ нравственною красотою иного рода, нежели Илья Муромецъ: мы не удивляемся ему, но сострадаемъ ему, и онъ увлекаетъ насъ, когда является пытливымъ искателемъ борьбы и подвиговъ, подъ-часъ одѣтыхъ сказочною пестротою фантастическихъ приключеній. Фигура Ильи рисуется передъ нами какъ статуя спокойная и величавая; Добрыня представляется намъ какъ бы въ картинѣ, которой искусная рука живописца сообщила игру живыхъ красокъ.

---

[3]) См. ниже сибирскую былину: „Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси" (первую ея половину).



Изъ-за горъ-то было высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то было, лѣсу темнаго
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга рѣка;
Широкая-то Волга подъ Казань прошла,
Пошире, подальше подъ Астрахань;
Мѣсто шла ровно три тысячи,
Рѣкъ и ручеекъ брала и смѣты нѣтъ,
Выпала во море во Каспійское.
И то де Добрынюшкѣ не сказочка,
Теперь старины его нача́лъ пойдетъ *)

20.

Бой Добрыни съ Змѣищемъ Горынчищемъ и женитьба **).

Добрынюшкѣ матушка говорила:
„Что молодъ сталъ ѣздить во чисто поле,
„На тую гору Сорочинскую,
„Топтать-то молодыхъ змѣёнышей,
„Выручать-то полоновъ русскіихъ.
„Не куплись [1]), Добрыня, во Пучаѣ-рѣкѣ;
„Пучай-рѣка есть свирѣпая:
„Середня струйка какъ огонь сѣчетъ".
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлаетъ бурка въ сѣдёлышко черкасское:
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,

*) Рыбн. III, № 16 (отъ старика на Кенозерѣ). — **) Рыбн. III, № 15 (отъ крестьянина Бутылки въ г. Петрозаводскѣ).

) Не купайся.

А на войлочки кладетъ черкасское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцату клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ [2]).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки у подпруговъ все булатные:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ молодыхъ змѣёнышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце нажадѣлося [3]),
Нажадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣкѣ,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
„Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,
„Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
„Что не ѣзди далече во чисто поле
„На тую гору Сорочинскую,
„Не топчи-ко младыихъ змѣёнышевъ,
„Не выручай полоновъ русскіихъ;
„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;
„Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
„Середня струйка какъ огонь сѣчетъ,
„А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
„Она будто лужа дождевая“.
Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,
Какъ въ тую пору, въ то время,
Вѣтру нѣтъ—тучу наднесло,
Тучи нѣтъ—только дождь дождитъ,
Дождя-то нѣтъ—свищетъ молнія,
Молніи нѣтъ—искры сыплются,
Летитъ Змѣище Горынчище,
О двѣнадцати Змѣя хоботахъ.
Хочетъ Змѣя его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
—Теперечь Добрыня въ моихъ рукахъ:
—Захочу, Добрыню теперь потоплю,
—Захочу, Добрыню въ хобота возьму,
—Въ хобота возьму и въ нору снесу,
—Захочу, Добрыню съѣмъ-сожру.
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ,
Нырнетъ на бережокъ на тамошній,
Нырнетъ на бережокъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго *).
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его Змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить **),
Какъ припадаетъ Змѣя къ быстрой рѣкѣ.
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Шибнетъ во Змѣю во проклятую,
Ошибъ Змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ;
Упала Змѣя во ковыль-траву.
На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змѣины груди бѣлыя,
А Змѣя Добрынѣ ему взмолится:
—Ахъ ты эй, Добрынюшка Никитиничъ!
—Мы положимъ заповѣдь великую:
—Чтобы не летать мнѣ на Святую Русь,
—Не носить людей больше русскіихъ,
—Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
—А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,

*) Далѣе Кирша Даниловъ. — **) Далѣе опять Рыбн. III, № 15.
[2]) не выбросилъ. — [3]) возжаждало.

—Не топтать ти молодыхъ змѣенышевъ,
—Не выручать полоновъ русскiихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Какъ спустилъ Змѣю съ подъ колѣнъ своихъ,
Тая Змѣя она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку;
Случилось ей летѣть черезъ Кiевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкiя,—
Припадала Змѣя ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владимiръ стольно-кiвскiй,
По три дня онъ билицъ[4])-волшебницъ скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ докликатися,
Кто бы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.
Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
„Что, солнышко Владимiръ стольно-кiевскiй!
„Накинь-ко эту службу великую
„На того Добрыню на Никитича:
„У того Добрыни у Никитича
„Со Змѣей вѣдь заповѣдь положена;
„Онъ съѣздитъ во далече во чисто поле,
„Онъ доставитъ намъ Забаву Путятичну
„Безъ бою, безъ драки-кроволитiя“.
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
—Что же ты, Добрынюшка Никитиничъ,
—Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
—Знать мѣсто было тамъ не по чину,
—Чарой на пиру тебя прiобнесли,
—Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
„Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
„Чарой на пиру меня не обнесли,
„И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
„А накинулъ службу де великую
„Тотъ солнышко Владимiръ стольно-кiевскiй—
„Что съѣздить во далече, во чисто поле,
„Сходить на ту гору Сорочинскую,
„Сходить во нору во глубокую,
„Достать-то князеву племянницу,
„Молоду Забаву дочь Путятичну“.
Говорила родна его матушка:
—Ложись-ко спать рано съ вечера:
—Утро будетъ оно мудрое,
—Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ ставалъ по утрушку ранёшенько,
Умывался по утрушку бѣлёшенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньице плетку подала:
—Ахъ ты эй, рожоно мое дитятко!
—Возьми-ко плеточку шелковую.
—Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
—На тоя горы Сорочинскiя,
—Потолчешь младыхъ змѣёнышевъ,
—Тыи младые змѣёныши
—Подточатъ они у коня щеточки—
—И бей бурка промежу уши,
—И бей бурка промежу ноги,
—Промежу ноги да межу заднiя:
—Что станетъ твой бурушко поскакивать,
—Змѣёнышевъ отъ ногъ отряхивать,
—Притопчетъ всѣхъ до единаго.—
Какъ будетъ онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
На тыя горы Сорочинскiя,
Потопталъ онъ молодыхъ змѣёнышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскiихъ;
Тыи же младые змѣёныши
Подточили у бурка они щеточки,
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змѣёнышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.

[4]) Бѣлица или билица—чародѣйка.

Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги заднія:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змѣёнышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила Змѣя тутъ проклятая
Изъ тоя норы изъ глубокія,
Говорила Змѣя ему проклятая:
„Ахъ ты эй, Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
„Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
—Ай же ты, Змѣя проклятая!
—Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,
—Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
—Молоду Забаву дочь Путятичну?
—Отдай ее безъ драки-кроволитія!—
Говоритъ ему Змѣя проклятая:
„Не отдамъ я князевой племянницы
„Безъ драки, безъ бою-кроволитія“.
Заводила она бой-драку великую.
Дрался со Змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня Змѣи перебить;
Хочетъ Добрыня отъ Змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласитъ:
—Молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
—Дрался ты съ Змѣей трои сутки,
—Подерись съ Змѣей еще три часу;
—Ты побьешь Змѣю проклятую.—
Дрался онъ съ Змѣей еще три часу,
Онъ убилъ Змѣю-то проклятую,
Тая Змѣя кровью пошла.
Стоялъ у Змѣи онъ трои сутки,
Не могъ онъ крови той переждать;
Хочетъ Добрыня отъ Змѣя отстать,
А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласитъ:
—Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
—Стоялъ ты у Змѣи трои сутки,
—Постой еще у Змѣи три часу;
—Возьми ты копье бурзамецкое,
—Ты бей копьемъ о сыру землю,
—Самъ къ копью приговаривай:
—Разступись-ка, матушка сыра земля!
—На четыре разступись на четверти,
—Пожри-ко всю кровь змѣиную.—
Стоялъ онъ у Змѣи еще три часу,
Бралъ копье бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копью приговаривалъ:
„Разступись-ко, матушка сыра земля,
„На четыре разступись на четверти,
„Пожри-ко всю кровь змѣиную“.
Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на четверти.
Пожрала всю кровь змѣиную.
Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной [5]):
„А и же ты, Забава дочь Путятична!
„За тебя я этакъ странствую.
„Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
„Ко ласкову ко князю ко Владиміру“.
У тоя у Змѣи у проклятыя
Наношено силы сорокъ тысячей,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
„Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
„Всѣ короли, всѣ королевичи!
„А вамъ всѣмъ воля вольная,
„Куда вздумаете, туда пойдете“.
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
Наѣхалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто.
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
„Возьми-ко Забаву дочь Путятичну,
„Отвези-ко ю во Кіевъ городъ,

---

[5]) По другимъ варіантамъ Добрыня освобождаетъ сестру князя Владиміра, Марью Дивовну.

„Ко ласкову князю ко Владиміру".
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ поленицу [6]), женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ былъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ [7]),
Самъ говоритъ таково слово:
„Силы у Добрыни есть по старому,
„А смѣлость у Добрыни не по старому".
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ саженъ двѣнадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Силы у Добрыни есть по старому,
„А смѣлость у Добрыни не по старому".
Онъ догналъ поленицу женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
—Я думала, комарики покусываютъ,
—Ажно [8]) русскій могучій богатырь пощелкиваетъ".
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь,
Ей добрый конь голосомъ человѣческимъ:
„А и ты эй, Настасья дочь Никулична!
„Не могу вести васъ съ богатыремъ:
„Конь у богатыря противъ меня,
„А сила у богатыря супротивъ тебя".
Говорила Настасья дочь Никулична:
—Я повыздыну богатыря изъ карманчика:
—Ежели богатырь онъ старыій,
—Я богатырю голову срублю;
—А ежели богатырь онъ младыій,
—Я богатыря въ полонъ возьму;
—А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
—Я теперь за богатыря замужъ пойду".—
Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,
Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владиміру,
Приняли они по злату вѣнцу.
Тутъ по три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ
Синему морю на тишину,
Вамъ, всѣмъ добрымъ людямъ, на послушанье.

Жена Добрыни Настасья Микулишна—вторая дочь Микулы Селяниновича (о первой—Василисѣ—см. ниже въ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ и о Данилѣ Денисьевичѣ). Настасья—какъ и ея старшая сестра, воинственная дѣва. Въ былинѣ о женитьбѣ Добрыни, рѣзко изображается ея сверхъестественная, титаническая природа.

Настасья Микулишна является затѣмъ въ былинѣ „Добрыня въ отъѣздѣ" (см. ниже № 22), гдѣ уже поставлена въ положеніе обыкновенной женщины; тамъ выдвинуто ея нравственное достоинство—вѣрность отсутствующему мужу, несмотря на полученную вѣсть о его смерти.

---

[6]) богатыршу. — [7]) т. е.: на тонкую дрань. — [8]) А между тѣмъ...

21.

Добрыня и Маринка*).

Благослови ты меня, матушка, по городу погулять,
„По городу по Кіеву,
„По тѣмъ же по широкимъ по улицамъ,
„По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ!“
—Гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
—По городу по Кіеву,
—По тѣмъ же по широкимъ по улицамъ,
—По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ;
—Только не ѣзди въ тоё улицу гулять,
—Въ тоё улицу гулять въ Андреевскую [1]):
—Въ той улицѣ Маришка живетъ,
—Еретница она, кореньщица;
—У Маришки дворъ на семи верстахъ,
—Загороженъ дворъ все желѣзнымъ тыномъ,
—На всякой тыниночкѣ по маковкѣ,
—По той ли по молодецкой по головушкѣ;
—То гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
—По городу по Кіеву,
—По тѣмъ ли же широкимъ по улицамъ,
—По тѣмъ ли же по мелкимъ переулочкамъ.—
Молодецкое сердечко разгоралося,
Воинска у него кровь раскипалася,
То поѣхалъ добрый молодецъ въ тоё улицу гулять,
Въ тоё улицу гулять, во Андревскую **).
У злодѣйки Маринки ненавистницы
Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатыя,
И поставлены колоды бѣлодубовы,
Наличники положены серебряные,
И на каждомъ окошечкѣ голубь со голубушкою ***).
Какъ снималъ Добрыня съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковенькую,
Онъ и хочетъ убить двухъ голубей.
Его лѣвая нога поскользнулася,
А правая рука промахнулася;
Не попалъ онъ въ двухъ голубей,
А попалъ ко Маришкѣ во теремъ,
Во окошечко во косящатое,
Во оконенку стекольчатую,
Убилъ у Маришки друга милаго Змѣя лютаго ****).
Въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,

*) Кир. II, стр. 43 (доставлено Языковымъ изъ Сызрани). — **) Далѣе Рыбн., III, № 19 (отъ Трофима Романова Пудожскаго у.) — ***) Далѣе Кир. II, стр. 42 (отъ Языкова Симбирской губ. изъ с. Станичнаго). — ****) Далѣе Кирша Даниловъ.

[1]) Чаще здѣсь упоминаются „переулочки Игнатьевскіи“.

Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
—Сколь жарко дрова разгораются
—Со тѣми слѣды молодецкими,
—Разгоралось бы сердце молодецкое
—Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!—
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому:
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается *).
Поутру вставаетъ онъ ранёшенько,
Да и проситъ онъ прощенія у матушки:
—Ты свѣтъ государыня моя матушка!
—А и дай-ко мнѣ проценьицо женитися
—А на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской.—
Говорила ли Добрынѣ родна матушка:
„Ужъ ты младый Добрынюшка Микитинъ сынъ!
„Хоть у князя ты женись, хоть у боярина,
„Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
„Вездѣ дамъ тебѣ прощеніе женитися,
„А не дамъ тебѣ проценьица женитися
„А на той Мариночкѣ Игнатьевской“.
Да и матушки Добрынюшка не слушаетъ,
А садился ли Добрыня на добра коня,
Да поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
Да во тѣ ли переулки во Маринкины.
Сходилъ туто Добрыня со добра коня,
Становилъ онъ тутъ коня да ко точеному столбу,
Ко тому ли-то кольцу золоченому,
Заходилъ ли то Добрыня во высокъ теремъ.
А и та Мариночка Игнатьевска
Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
Говорила ли Добрынѣ таково слово:
—Ужъ ты младый Добрынюшка Микитинъ сынъ!
—Теперь какъ я захочу, такъ тобой поворочу:
—Обвернуть тебя туромъ да златорогіимъ,
—Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть;
—Обвернуть тебя какъ жабой подколодною,
—А отъ жабы подколодной повороту нѣтъ.—
А и тутъ Мариночка сдобрилася,
Обвернула-то туромъ златорогіимъ,
Да спустила-то тура да во чисто поле.
А провѣдала Добрынюшкина матушка,
Пріѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
Говорила ли Маринкѣ таково слово:
„Ужъ ты ой Мариночка Игнатьевска!
„А ты много отравила князей-бояръ,
„А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
„Отравила ты девять богатырей,
„Отравила ты Добрыню во десятые:
„Оберни-тко ты Добрыню добрымъ молодцемъ,
„Я тя за Добрынюшку замужъ возьму.
„Не обвернешь ты какъ Добрыни добрымъ молодцемъ,
„Обверну тебя сорочкой-вѣщицею [2])“.
Да и тутъ Маринка перепалася [3]),
Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцемъ.
А и та ли-то Добрынюшкина матушка
Обвернула-то Мариночку сорочкою;
Да и той ли-то сорочкой вѣщицею,
Да спустила-то сорочку во чисто поле,
Съ-подъ гуменьица сорочекъ всѣхъ повыгонила,
Изъ чиста поля сорочекъ всѣхъ повытащила.

---

*) Далѣе Гильф. № 227 (отъ Петра Андр. Воинова на Свинозерѣ, у Кенозера).
[2]) Вѣщица—вѣщая. — [3]) испугалася.

Въ другихъ варіантахъ Добрыню выручаетъ не мать, а сестра его. Такъ по шенкурскому варіанту, записанному Харитоновымъ и полученному отъ Даля (Кир. II, стр. 46):

То заслышала Добрынина большая сестра,
Молода Катерина дочь Никитишна;
Обернулась Катерина перепелочкой,
Полетѣла Катерина во чисто поле,
Ко той Маринкѣ ко Игнатьевой:
„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
„Ты отдай-ко мнѣ Добрынюшку Никитича,
„Ты отдай-ко мнѣ мого родного брателка.
„Не отдашь мнѣ-ко Добрынюшку Никитича,—
„Оберну я тебя сукой долгохвостою"...
Обернулась Маринка перепелочкой,
Полетѣла Маринка во чисто поле,
Садилася Маринка на сырой дубъ,
Говорила Маринка таковы рѣчи:
— Ужъ вы гой есте, девять гнѣдыхъ туровъ,
— Ужъ вы гой есте, девять молодыхъ князей,
— Вы сбирайтесь, туры, всѣ сюда!—
Прибѣгали къ ней всѣ девять туровъ,
Говоритъ она таково слово:
— Еще нѣтъ ли съ вами Добрынюшки?—
Отвѣчаютъ ей девять туровъ:
„Съ нами нѣтъ Добрынюшки Никитича".
Говоритъ Маринка дочь Игнатьева:
— Ужъ ты гой еси, десятый туръ!
— Прибѣгай ко мнѣ со черныхъ грязей,
— Прибѣгай ко мнѣ изъ болотныхъ водъ!—
Треплется Добрыня Никитичъ младъ:
Нога за ногу у горя заплетается.
Садилась Маринка дочь Игнатьева
Садилась къ Добрынѣ на правый рогъ:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичъ младъ!
— Ты не будешь ли меня ни бить, ни мучити,
—Оберну тебя, Добрыня, добрымъ мо́лодцемъ!—
Возговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
„Я не буду тебя ни бить, ни мучити,
„Поучу только тебя наученьицемъ,
„Небольшимъ наученьицемъ—по женскому,
„Поучу тебя, Маринка, какъ мужья женъ учатъ".
Отвернула она Добрыню въ добра мо́лодца.

По варіанту Кирши Данилова слѣдуетъ мщеніе Добрыни:

Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву...
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говорилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„А и гой еси ты, моя молодая жена,
„Молода Марина Игнатьевна!
„У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
„Нѣту Спасова образа,
„Некому у тя помолитися,
„Не за что стѣнамъ поклонитися.
„А и чай моя острая сабля заржавѣла?"
А и сталъ Добрыня жену свою учить:
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ...
А второе ученье—ноги отсѣкъ....
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь...
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„А и эта голова мнѣ не надобная,
„И этотъ языкъ не надобенъ:
„Зналъ онъ дѣла еретическія".

22.

Добрыня въ отъѣздѣ *).

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ
Своей государынѣ родной матушкѣ:
„Ахъ ты эй, государыня родна матушка!
„Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спорóдила?
„Спорóдила бы, государыня родна матушка,
„Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
„Завернула въ тонкій въ льняной во рукавичекъ,
„Спустила бы меня въ сине море:
„Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
„Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
„Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
„Не пролилъ бы крови я напрасныя,
„Не слезилъ Добрыня отцовъ-матерей;
„Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
„Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ".
Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:
—Я бы рада тебя, дитятко, спородити
—Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
—Силой въ Святогора богатыря,
—Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
—Красотой бы я въ Осипа прекраснаго,
—Я походкою бы тебя щепливою [1])
—Во того Чурилу во Пленковича,
—Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
—Сколько тыя статьи есть [2]), а другихъ Богъ не далъ,
—Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле.
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнёхонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья [3])
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
—Когда Добрынюшка домой будетъ,
—Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Когда у меня ты стала спрашивать,
„Тогда я стану тебѣ сказывать:
„Сожидай Добрынюшку по три году;

*) Рыбн., I, № 25 (Олонецкой губ.).

[1]) мелкою, щегольскою. — [2]) что въ тебѣ есть—тѣмъ будь доволенъ. — [3]) Семья—жена.

„Если въ три году не буду, жди друго три;
„А какъ сполнится времени шесть годовъ,
„Да не буду я домой изъ чиста поля,
„Поминай меня Добрынюшку убитаго,
„А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
„Хоть вдовой живи, хоть за-мужъ пойди,
„Хоть за князя пойди, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А только не ходи за моего брата за названаго,
„За смѣлаго за Алешу за Поповича“.
Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ—
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Жалёшенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
По своемъ рожономъ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталъ солнышко Владимiръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой вѣкъ свой коротати?
„Поди за-мужъ хоть за князя, хоть за боярина,
„Хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
—Я исполнила заповѣдь мужнюю,
—Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ:
—Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
—Я исполню заповѣдь свою женскую:
—Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
—Такъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
—Да успѣю я и въ ту пору за-мужъ пойти.—
Опять день за днемъ, будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ—
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко Владимiръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой свой вѣкъ коротати?
„Поди за-мужъ хоть за князя, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.
Не пошла за-мужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла за-мужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третiй день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царяграда,
А у Добрыни конь потыкается:
„Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
„Зачѣмъ сегодня потыкаешься?“
Испровѣщется ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
—Ты эй, хозяинъ мой любимый!
—Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
—Твоя молода Настасья дочь Никулична за-мужъ пошла

—За смѣлаго Алешу за Поповича;
—Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
—Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
—Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья межъ ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ—черезъ стѣну городовую
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому подворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
„Ты здравствуешь, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!“
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
„Пречестна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
„Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
„Насъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ“.
Испроговоритъ имъ честна вдова:
—Ахъ ты эй, удалый добрый молодецъ!
—Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
—Въ палаты идешь бездокладочно?
—Какъ бы было живо мое чадо милое,
—Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
—Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
—За твои поступки неумильные.—
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Не напрасно ли вы согрѣшаете?
„А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
„Добрыня поѣхалъ ко Царюграду,
„А я поѣхалъ ко Кіеву;
„Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
„Спросить про его милу семью,
„Про молоду Настасью Никуличну:
„Гдѣ же есть она Настасья Никулична?“
—Добрынина родима семья за-мужъ пошла,
—Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
—Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
—А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
—Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
—Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
—Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
—Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
—Буйна голова испроломана,
—Могучи плечи испрострѣлены,
—Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
—Я жалёшенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Наказывалъ братецъ мнѣ названый:
„Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
„Ты возьми мое платье скоморошеское,
„И гуселки возьми мои яровчаты [4]),
„Въ новой горенкѣ всѣ на столикѣ“.
Принесла она платье скоморошеское
И гуселки ему яровчаты.
Накрутился [5]) молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ въ княженецкій дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

---

[4]) т. е.: яворчатыя, изъ дерева явора. — [5]) одѣлся.

Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
„Со своей княгиней со Апраксіей!“
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
„Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
„И тепереча идетъ скоморошиной:
„Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
„Скоро проходилъ въ палаты княженецкія“.
—Ахъ ты эй, удалая скоморошина!
—Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
—На княженецкій дворъ безобсылочно,
—Во палаты идешь бездокладочно,
—Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
—У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
—Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется [6]):
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошеское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій,
—Что ваше мѣсто скоморошеское
—На той на печкѣ на муравленой,
—На муравленой печкѣ—на запечкѣ.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учалъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать:
Играетъ-то въ Царѣградѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ [7]),
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Что не быть это удалой скоморошины,
„А кому ни надо быть русскому,
„Быть удалому доброму молодцу!“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Ахъ ты эй, удалой скоморошина!
—Опущайся изъ печки изъ запечки,
—Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
—Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
—За твою игру за веселую
—Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
—Перво мѣсто сядь подли меня,
—Друго мѣсто супротивъ меня,
—А третье мѣсто, куда самъ захошь,
—Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку
Супротивъ княжны порученыя [8]).
Говоритъ удала скоморошина:
„Что солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Благослови мнѣ налить чару зелена вина,
„Поднесть эту чару кому я знаю,
„Кому я знаю, еще пожалую“.
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
„Молода Настасья дочь Пикулична!
„Прими сіе чару единой рукой,
„Да выпей-ко чару единыимъ духомъ:
„Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
„А не пьешь до дна, не видаешь добра“.
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единыимъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,

---

[6]) не вслушивается.—[7]) Играетъ напѣвъ цареградскій, а содержаніе беретъ въ Кіевѣ.—[8]) т. е. невѣсты.

Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
—Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
—Не тотъ мой мужъ, который подли меня,
—А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
—Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
—Подноситъ мнѣ чару зелена вина.—
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
—Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
—Въ той вины прости меня, въ глупости,
—Что не по твоему наказу де я сдѣлала,
—Я за смѣлаго Алешеньку за-мужъ пошла.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Что не дивую я разуму-то женскому,
„Что волосъ долгъ, да умъ коротокъ:
„Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
„Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ,—
„А дивую я солнышку Владиміру
„Съ молодой княгиней со Апраксіей:
„Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
„А княгиня Апраксія свахою,
„Они у живого мужа жену просватали!"
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ [9]):
—Прости, прости, братецъ мой названый,
—Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
—Подлѣ молодой Настасьи Никуличной.—
„Въ той вины, братецъ, тебя Богъ просститъ—
„Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
„А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
„Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
„Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
„Такъ когда государыня родна матушка
„Жалёшенько съ по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
„Скорбила свое лицо бѣлое:
„Съ этой вины тебѣ не прощу!"
Ухватилъ Алешку за желты кудри [**]),
Кинетъ о кирпиченъ полъ
И хочетъ переправить второй-отъ разъ;
Какъ скочилъ казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики за могутныя за молодецкія:
—А и же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
—Не убей ты смертію напрасною
—Меньшаго братца Алешу Поповича!—
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарнія
И повелъ ю во-въ высокъ теремъ.
Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна [10]):
Красное солнышко поро́спекло,
И свѣтелъ мѣсяцъ поро́зсвѣтилъ.

[**]) Далѣе Рыбн., № 26 (отъ Кузьмы Романова Олонецк. губ.).
[9]) Въ другихъ былинахъ: Леонтьевичъ. — [10]) въ подл.: Офимья Александровна.

23.

Добрыня Никитичъ и Илья Муромецъ *).

Особенность этой былины состоитъ въ томъ, что въ ней не упоминается о Кіевѣ. Добрыня здѣсь является исключительно Рязанцемъ, а Илья исключительно Муромцемъ. Былина эта не принадлежитъ циклу Владиміра.

Жилъ-былъ торговый гость
Никитушка Романовичъ.
Живучись-то Никитушка преставился.
Оставалась у Никиты любима́ семья,
Любима́ семья, молода жена,
Еще оставалось чадо милое,
Еще милое чадышко любимое,
На имя—Добрынюшка Никитичъ.
Сталъ-то Добрынюшка на возрастѣ,
Какъ ясной соколъ на возлетѣ.
Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ скрутой [1]) съ носка спущать [2]).
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ,
Дошла эта слава до славнаго города Мурома,
До стара́ казака́ до Ильи до Муромца.
Собирался осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ осударь Илья Муромецъ ко славному городу ко Рязани,
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
Досель Рязань городъ слободой слыла,
Нонче Рязань слыветъ городомъ.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
Во славной городъ во Рязань.
Ѣдетъ осударь по Рязани,
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
„Скажите про Добрынинъ про широкій дворъ“.
Доводили тутъ малы ребяточки
До Добрынина широка двора.
Сидитъ осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,

---

*) Ефименко (записано въ дер. Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, Архангельской губ.).
[1]) обманомъ (?); въ подл.: съ крутой. — [2]) давать подножку.

Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
Отпирала Добрынюшкина матушка
Окошечко немножечко,
Говорила съ осударемъ потихошеньку:
„Ужъ ты здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
—Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь?—
Говоритъ вдова благочестивая:
„Я была у васъ въ Муромѣ,
„Я видѣла тебя изъ молодечества.
„Еще знать молодца по поступкѣ,
„Еще знать сокола по полету.“
Говоритъ: „Добро жаловать ко мнѣ,
Хлѣба-соли ѣсть“.
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
—У тея гдѣ чадо милое?—
Говоритъ вдова благочестивая:
„Уѣхалъ у меня чадо милое
„На тѣ ли на тихи вешни заводи
„Стрѣлять гусей и сѣрыхъ уточекъ
„И пернастыхъ малыхъ утятокъ“.
Немного богатырь наговорилъ,
Поѣхалъ изъ города, выѣхалъ на шеломя окатисто.
Смотритъ осударь Илья Муромецъ,
Смотритъ по чисту полю,
Завидѣлъ во чистомъ полѣ—
Богатырь потѣшается:
Высоко онъ мечетъ палицу по поднебесью,
На бѣленьки ручки подхватываетъ.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ,
Пріѣхалъ ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то зычитъ кричнымъ голосомъ:
„Тебѣ полно богатырь потѣшатися:
„Намъ пора съ тобой потягатися!“
Снимаетъ Добрынюшка съ права плеча ясна сокола,
Посылаетъ ко матери ко родимыя:
„Скажи-тко, ясный соколъ: наѣхалъ на меня богатырь“.
Разъѣхались богатыри по чисту полю,
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми—
Они другъ друга не ранили.
Разъѣхались братаны во второй наконъ;
Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися—
Другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались братаны во третей наконъ,
Копьями они ударились—
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье за подбрудное:
По колѣнъ-то въ сыру землю втопталися.
По Добрынюшкину было по счастьицу
У осударя права ножка подвернулася,
Лѣва ручка оскользнулася.
Мастеръ былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ осударь на бѣлы груди,
Вымаетъ изъ цынгалища булатенъ ножъ.
Самъ сидитъ-то Добрыня прираздумался;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
—Ты коего города, коей земли?
—Какъ тя молодца именемъ зовутъ?“—
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Кабы былъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
„Не спросилъ я у тя ни про родину,
„Споролъ бы у тебя бѣлы груди“.
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконъ:
—Ты коего города, коей земли?
—Какъ тя молодца именемъ зовутъ?—
Говорилъ осударь Илья Муромецъ:
„Кабы сидѣлъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
„Споролъ бы я у тебя бѣлы груди,
„Посмотрѣлъ бы я у тебя ретива сердца“.
Говорилъ Добрыня во третей наконъ:
—Ты коего города, коей земли?
—Тебя какъ молодца именемъ зовутъ?—
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Я изъ славнаго города изъ Мурома,
„Старый казакъ Илья Муромецъ“.
Соскочетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручку за правую,
Подымаетъ осударя на рѣзвы ноги,

Падатъ осударю во рѣзвы ноги:
—Прости меня въ таковой винѣ!—
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Тебя Богъ проститъ, Добрынюшка Никитичъ"!
Ужъ тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
„Ты будь, Добрынюшка, малый братъ,
„А я осударь старшій братъ".

Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной,
Въѣхали въ городъ во Рязань,
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкій дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,
Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

БЫЛИНЫ

ОБЪ

АЛЕШѢ ПОПОВИЧѢ.

Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ хановъ. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими церквами и крестами.

Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ „стараго попа соборнаго", сыномъ котораго былъ знаменитый богатырь Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно въ невыгодномъ свѣтѣ сравнительно съ другими богатырями, то это слѣдуетъ приписать той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго рода, и о которыхъ народъ имѣетъ не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія, видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ. Когда онъ, выѣхавши изъ Ростова съ Екимомъ Ивановичемъ, увидѣлъ на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣлъ самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его „въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ" [1]).

Не привлекателенъ нравственный образъ этого богатыря. Обладая чертами общими всѣмъ богатырямъ, даже въ особенности отмѣченный эпитетомъ „смѣлаго", Алеша Поповичъ соединяетъ въ себѣ болѣе отрицательныя свойства. При первомъ же знакомствѣ съ Ильею Муромцемъ онъ ссорится съ нимъ: когда князь Владиміръ, убѣдившись въ томъ, что Соловей-разбойникъ дѣйствительно побѣжденъ Ильею, жалуетъ Илью почетнымъ мѣстомъ за пиромъ княжескимъ, „за досаду Алешѣ Поповичу показалося"; взялъ онъ булатный ножъ и кинулъ его въ Илью Муромца. Алеша жаденъ. Въ одной былинѣ Илья Муромецъ уговариваетъ его не пить слишкомъ зелена вина, не ѣсть сладка кушанья; въ другой—онъ высказываетъ, что знаетъ за Алешей порокъ—„хвататься за чужую чашу". Онъ склоненъ на безсовѣстные поступки. Когда Михаилъ Касьяновъ (въ былинѣ „Сорокъ каликъ со каликою") навлекъ на себя гнѣвъ княгини Апраксіи, Алеша Поповичъ по ея порученію зашиваетъ въ его сумку чашу и потомъ, нагнавъ его, обыскиваетъ и обличаетъ въ мнимой кражѣ оклеветаннаго калику.

---

[1]) Бусл. „Русск. богат." эпосъ, гл. VIII.

Алеша и корыстолюбивъ. У него, по характеристикѣ Ильи Муромца въ былинѣ о заставѣ богатырской (см. выше № 12)—глаза завидущіе и руки загребущія. Онъ одинъ изъ всѣхъ богатырей, снявъ голову съ врага своего, снимаетъ съ него платье цвѣтное на сто тысячъ и надѣваетъ на себя. Подобный грабежъ съ убитаго вовсе не въ обычаѣ кіевскихъ богатырей [2]).

Въ самыхъ подвигахъ своихъ Алеша отличается непривлекательными пріемами. Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Едва пустился онъ на богатырскіе подвиги, какъ уже поднимается на хитрости. Перерядился онъ въ платье калики съ тѣмъ, чтобы убить Тугарина врасплохъ—и ему удается зашибить его замертво. Окончательно убиваетъ его онъ въ другой разъ—и опять нечестно. Рѣшено было драться одинъ на одинъ. Тугаринъ явился одинъ согласно условію, но Алеша, чтобы заставить его обернуться назадъ, прибѣгаетъ ко лжи, спрашивая, зачѣмъ же онъ привелъ съ собою подмогу—и пользуется оплошностью Тугарина, чтобы умертвить его.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ, которыми не прочь похвалиться. Онъ позволялъ себѣ смѣяться надъ чужими женами, молодыми вдовами и красными дѣвицами. Ильѣ Муромцу пришлось однажды взять подъ защиту дочь гостиную отъ этого „бабьяго пересмѣшника“ (см. выше № 13).

Особенно обезславился Алеша Поповичъ своими продѣлками въ семействѣ Добрыни Никитича. Лживымъ извѣстіемъ о смерти Добрыни онъ нарушилъ семейное благоденствіе этого дома. Подобно одному изъ жениховъ Пенелопы, былъ онъ посрамленъ возвратившимся изъ долгой отлучки мужемъ. Добрыня еще простилъ бы ему ложь, если бы она не огорчила его матери. Въ гнѣвѣ ухватилъ онъ Алешку за желты кудри и, по одному пересказу, бросивъ о кирпичатъ полъ, пнулъ его подъ лавку. Нѣкоторые пересказы казнятъ лжеца общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Алеша на чужую дальнюю сторону [3]).

„Зарывчатый“, нетерпѣливый въ битвѣ и въ словахъ, Алеша вызываетъ со стороны другихъ богатырей просьбу унять сердце или потерпѣть малёшенько, не говорить чего нельзя. Въ былинѣ о томъ, съ какихъ поръ перевелись витязи на св. Руси, онъ губитъ всѣхъ товарищей своей дерзостію, когда вызвалъ на бой „силу не здѣшнюю“. Но будучи захваченъ въ обманѣ, не прочь извернуться, прикинувшись смиреннымъ: такъ проситъ онъ прощенія у Добрыни въ томъ, что „только посидѣлъ подлѣ его жены“.

Онъ эсауломъ на заставѣ богатырской. Богатырскую славу стяжалъ онъ главнымъ подвигомъ своимъ—убіеніемъ Тугарина Змѣевича.

Таковъ третій изъ главныхъ младшихъ богатырей кіевскаго цикла.

Въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ дѣйствуетъ другой богатырь—Екимъ Ивановичъ. Это страшная сила, но смирная и безотвѣтная, всегда находящаяся въ услугахъ у другихъ богатырей. Онъ сильнѣе Алеши Поповича, но какъ будто самъ этого не знаетъ; безъ крайности онъ самъ собой въ дѣло не пускается, а спрашиваетъ у Алеши, какъ онъ велитъ. Алешѣ Поповичу онъ очень выгоденъ: этотъ пользуется Екимомъ, какъ вѣрнымъ мечемъ, который не подумаетъ присвоить себѣ своихъ подвиговъ. Екимъ—работникъ, и не только въ дѣлѣ военномъ: онъ заботится и о коняхъ, пускаетъ ихъ въ лугъ, поитъ; онъ полезенъ Алешѣ, когда нужно прочитать что-нибудь и т. п. [4]).

---

[2]) См. Ор. Миллеръ, „Илья Муром.“, стр. 444. — [3]) Бусл. „Русск. бог. эпосъ“, гл. VIII. — [4]) К. Аксаковъ. I, 350.

24.

Пріѣздъ Алеши Поповича въ Кіевъ *).

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ,
У того попа ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
По имени Алешенька младъ.
И сталъ Алешенька конемъ владѣть,
И сталъ Алешенька мечемъ владѣть,
Приходилъ Алешенька ко своему родителю,
Ко тому попу ростовскому.
И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И проситъ у него благословеньица
Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко синю морю
На тѣ же тихи заводьи
Стрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей,
Пестрыхъ пушистыхъ сѣрыхъ утицей,
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли во остріе ножовое.
И просилъ онъ себѣ у родного батюшки
У того ли попа ростовскаго
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.
И далъ ему ростовскій попъ
Своему чаду милому
Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ.
И пошелъ же Алешенька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыихъ,
Надѣвали они на коней сѣдѣлышки черкальскія,
И затягивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривали:
„Ужъ ты конь, ты конь, лошадь добрая!
„Не оставь ты, конь, во чистомъ полѣ
„Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
„Чернымъ воронамъ на возграянье,
„А сильнымъ поляницамъ на восхваленье".
Надѣвали на коня узду тесмяную
И сами коню приговариваютъ:
„Ты не для-ради басы—ради крѣпости,
„А не для-ради поѣздки богатырскія,
„Для-ради выслуги молодецкія".
Надѣвалъ Алешенька латы кольчужныя
И нагрудничекъ булатный,
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во-первыхъ копье долгомѣрное,
Во-вторыхъ саблю острую,
Во-третьихъ палицу боевую,
Въ налушничекъ тугой лукъ

*) У Ефименка, стр. 25.

Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленыихъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія;
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.
У рѣкъ молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до розстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіевъ-градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
Третья дорожечка ко синю морю,
Ко тому ко камушку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ же тихи вешни заводьи.
И говоритъ тутъ Алеша младъ:
„Ужъ ты гой еси, дружина добрая,
„Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ:
„Во Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ,
„Аль къ тому морю синему"?
И говоритъ дружина хоробрая:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
„Есть во Черниговѣ вина заморскія,
„Вина заморскія да заборчивыя,
„По стаканчику выпьемъ по другому хочется,
„А по третьему выпьешь—душа горитъ;
„Есть тамъ калачницы хорошія,
„По калачику съѣдимъ—по другому хочется,
„По другому съѣдимъ—по третьему душа горитъ...
„Такъ загуляешься,
„И пойдетъ про насъ славушка не малая,
„Ото востока слава до запада
„До того города до Ростовскаго,
„До того же попа до ростовскаго,
„До твоего батюшки родителя.
„Поѣдемъ-ко, мы, Алешенька, въ Кіевъ градъ
„Божьимъ церквамъ помолитися,
„Честнымъ монастырямъ поклонитися".
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Случилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная.
Изъ той орды да великія
По имени Василій Прекрасный
И страшно грозно поднимается,
Нехорошими словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святыя церкви въ огонь спустить,
А силу кіевску съ собою взять,
А князя Владиміра повѣсить,
Евпраксію Никитишну въ замужъ взять.
И говоритъ-то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, дружинушка хоробрая!
„Не поѣдемъ-ко мы теперича во Кіевъ градъ,
„А напустимся на рать-силу великую,
„На того ли Василья Прекраснаго,
„И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
„Выслуга наша не забыдется;
„А пройдетъ про насъ слава великая,
„Про выслугу нашу богатырскую,
„И узнатъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Не дошедши старикъ намъ поклонится".
И попускалъ онъ съ дружинушкой хороброю
На ту силу-рать великую,
На того Василія Прекраснаго,
И прибилъ тое силу-рать великую.
Кое сами, кое кони топчутъ.
И разбѣжалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракитовымъ—
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.
И спросилъ-то ихъ Владиміръ князь:
„И откуль таки вы, добры молодцы,
„И коими дорогами, какимъ путемъ?

—Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею.—
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ.
И садились тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Къ тому ли городу Ростовскому,
Къ тому ли попу ростовскому.
Прошла славушка не малая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешеньки Поповича.
И самъ же старый да удивляется:
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали добры молодцы ко старому
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Садится старъ да на добра коня,
Пріѣзжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Къ тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли ко колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княженевскому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
И заходитъ въ свѣтлу гридню,
И приходитъ старый—Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется,
Челомъ бьетъ ниже пояса:
„Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-кіевскій!
„Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
„Поздравляемъ васъ съ побѣдою не малою.
„Залетали ль сюды добры молодцы,
„По имени Алешенька Поповичъ младъ
„Со своей дружинушкой хороброю“?
Отвѣчаетъ ему князь стольно-кіевскій:
—Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ монастырямъ,
—Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
—И уѣхали они во далече чисто поле.—
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
„Собериткося, князь Владиміръ, почестенъ пиръ,
„Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
„Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
„И употчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
„Зеленымъ виномъ да медомъ сладкіимъ,
„И подариткося Алешу подарочкомъ великіимъ.—
„И прошла ужъ славушка не малая
„Про того Алешеньку Поповича
„До той орды до великія,
„До той Литвы до поганыя,
„До того Батея Батеевича“.
—Да кого же намъ послать за Алешенькой,
—Да попросить его на почестенъ пиръ?
—И послать намъ Добрынюшку Никитича.—
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
Не дошедши Добрынюшка низко кланялся:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Поѣдемкося во крашенъ Кіевъ градъ
„Ко ласкову князю ко Владиміру
„Хлѣба-соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить,
„И хочетъ тебя князь пожаловать“.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
„На пріѣздѣ гостя не употчевалъ—
„На отъѣздѣ гостя не употчевать“.
Говоритъ тутъ Добрынюшка во второй наконъ:
„Поѣдемъ, Алешенька, во крашенъ Кіевъ градъ
„Хлѣба-соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
„И подаритъ тебя князь подарочкомъ хорошимъ.

„Да еще звалъ тебя старой казакъ
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
„Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
„Да звалъ тебя Василій Касимеровъ,
„Да звалъ тебя Потапюшко хроменькій,
„Да звалъ тебя Михайлушко Игнатьевичъ".
Тогда садился Алеша на добра коня.
Со той дружинушкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кіеву.
И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовыя,
Мимо тое башенки наугольныя
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколъ съ воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ
У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго;
А оставили коней неприказаныхъ, непривязаныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старой казакъ
Со княземъ со Владиміромъ, со княгинюшкой Апраксіею;
По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ,
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ,
На груди у Апраксіи камень—и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешенькѣ Поповичу:
„Ужъ многолѣтно здравствуй, ясенъ соколъ,
„А по имени Алешенька Поповичъ младъ!
„Побѣдилъ ты не мало силы нонь
„И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
„Отъ того ли Василія Прекраснаго;
„Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать—
„Пожаловать намъ сёла съ приселками,
„А города съ пригородками!
„И тебѣ будетъ казна не затворена,
„И пожалуйкося ты къ намъ на почестенъ пиръ".
И брала Алешеньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовыя,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
За напитки разноливчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Слуги вѣрные, наливайтеткось зелена вина
—А не малую чарочку—въ полтора ведра;
—Наливайтеткось еще меду сладкаго,
—Наливайтеткось еще пива пьянаго,
—А всего четыре ведра съ половиною.—
И принимаетъ Алешенька одною рукой
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны,
И выпивалъ Алешенька чары до суха,
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.
И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшіимъ,
А середніимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ-третьихъ Алешенька Поповичъ младъ,
И стали Алешеньку тутъ жаловать...



25.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ *).

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили-гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали—
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Возговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ Екимъ Ивиновичъ,
„Въ грамотѣ поученой человѣкъ!
„Посмотри на каменю подписи,
„Что на каменю подписано?“
И скочилъ Екимъ съ добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога во Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
—А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ!
—Которой дорогой изволишь ѣхать?—
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю Владиміру.“
Втапоры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ:
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней;

*) Кирша Даниловъ XIX).

Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ-то добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ;
Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано-ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алёша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ-рѣку:
И приказалъ ему Алёша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико [1]) унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго.
Говорилъ калика таково слово:
—Гой вы еси, удалы добры молодцы!
—Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
—Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
—Промежъ плечей косая сажень,
—Промежу глазъ калена стрѣла;
—Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
—Изъ хайлища пламень пышетъ,
—Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.—
Привязался Алёша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ, калика перехожая!
„Дай мнѣ платье каличее,
„Возьми мое богатырское:
„Лапотки свои семи шелковъ,
„Подковырены чистыимъ сéребромъ,
„Личико унизано краснымъ золотомъ,
„Шубу свою соболиную, долгополую,
„Шляпу сорочинскую земли греческой,
„Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
„Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго“.
Даетъ свое платье калика Алёшѣ Поповичу не отказываючи,
А на себя надѣвалъ то платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Поповичъ едва живъ идетъ;
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
—Гой еси, калика перехожая!
—А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
—Про млада Алешу Поповича?
—А и я бы Алёшу копьемъ закололъ,
—Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.—
Говоритъ тутъ Алёша каликою:
„А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
„Поѣзжай поближе ко мнѣ,
„Не слышу я, что ты говоришь.“
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алёша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
—Гой еси ты, калика перехожая!
—Не ты ли Алёша Поповичъ младъ?

[1]) Личико—передокъ лаптей.

—Только ты Алеша Поповичъ младъ,
—Семъ побратуемся съ тобой!—
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову;
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себѣ,
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкасскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя,
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говоритъ каликѣ перехожему:
—По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
—Что убилъ своего братца родимаго!—
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковый Владиміръ князь:
—Гой вы еси, добры молодцы!
—Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
—А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
—По изотчеству мочно пожаловати.—
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
„Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго“.
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
—Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
—По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
—Въ другое мѣсто богатырское,
—Въ дубову скамью противъ меня,
—Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.—
Не садился Алеша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатный брусъ.
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое,
И подлѣ его сидѣла княгиня Апраксѣвна [2]).
Тутъ повары были догадливы,
Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,

2) Итакъ Тугаринъ ожилъ. Это въ пѣсняхъ сплошь и рядомъ.—Въ старинныя палаты кн. Владиміра, на пиръ его, всѣмъ открытый, могъ явиться всякій — тѣмъ болѣе богатырь. слѣдовательно и Тугаринъ (К. Аксаковъ).

Стали тутъ пить-ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра;
И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковый сударь Владимiръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесаный?
„Нечестно у князя за столомъ сидитъ...
„А у моего сударя батюшки
„Была собачища старая,
„Насилу по подстолью таскалася,
„И костью та собака подавилася:
„Взялъ ее за хвостъ подъ гору махнулъ;
„Отъ меня Тугарину то же будетъ!"
Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ ѣства сахарныя,
И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушала княгиня лебедь бѣлую...
Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую;
Говоритъ Алеша на полатномъ брусу:
„Гой еси, ласковый осударь Владимiръ князь!
„Что у тебя за болванъ сидитъ,
„Что за дуракъ неотесаный?
„Нечестно за столомъ сидитъ,
„Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ,
„По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ
„И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
„У моего сударя батюшки,
„Ѳедора попа ростовскаго,
„Была коровища старая.
„Насилу по двору таскалася:
„Забилася на поварню къ поварамъ,
„Выпила чанъ браги прѣсныя,
„Отъ того она лопнула,—
„Взялъ за хвостъ—подъ гору махнулъ:
„Отъ меня Тугарину то же будетъ"!
Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича:
Алеша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
—Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?—
„Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
„Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;
„Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„А бьюсь о своей буйной головѣ."
Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ:
Тутъ же случилися гости купеческіе,—
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ:
А за Алешу подписывалъ Владыка Черниговскій.
Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать...
Втапоры Алеша... съ товарищи вонъ пошелъ.
Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафатъ рѣкѣ;
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже, тучу грозную,
„А и тучи-то съ градомъ дождя!"

Алешины молитвы доходили ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
—Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
—Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
—Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу,
—Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?—
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
„Бился ты со мною о великъ закладъ:
„Биться-драться единъ на единъ,
„А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
„На меня Алешу Поповича“.
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ [3]),
И пала глава на сыру землю какъ пивной котелъ.
Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня
И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣеевича,
И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Кіевъ на княженецкій дворъ,
Бросилъ середи двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы,
Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.
Сколько время покушавши,
Говорилъ Владиміръ князь:
—Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
—Часъ [4]) ты мнѣ свѣтъ далъ!
—Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
—Служи мнѣ князю Владиміру,
—До люби тебя пожалую.—
Втапоры Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою...
То старина, то и дѣянье.



[3]) У Чулкова („Русск. сказки“, 3-е изд. 1820, I, стр. 122), гдѣ имя Алеши замѣнено именемъ Добрыни:
Упалъ онъ собака на сыру землю.
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ.

[4]) т. е.: часомъ, за одинъ часъ.

26.

Ставръ Годиновичъ и Василиса Микулишна *).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра
Заводился пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Онъ хвастаетъ городомъ Кіевомъ;
Русскіе могучіе богатыри,
Тыи ль поленицы удалыя хвастали силою,
Силушкой своей богатырскою:
Гости-купцы торговые
Хвастали оны товарамы заморскима
Куницамы, лисицамы сибирскима;
Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ;
Умный хвасталъ отцомъ-матерью,
Безумный похвасталъ молодой женой,
И всѣ-то на пиру добра молодца безчестили;
Олешенька Поповичъ похвасталъ золотой казной,
Золотой казной безсчетноей:
„Есть-то у Олешеньки золота казна — не тóщится,
„Малы денежки не держатся."
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Сидитъ-то онъ—ничѣмъ не хвастаетъ **).
Испроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
—Ты чтó сидишь—самъ да не хвастаешь!
—Аль нѣтъ у тебя села со приселками,
—Аль нѣтъ городовъ съ пригородками,
—Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней,
—Аль не славна твоя родна матушка,
—Аль не хороша твоя молода жена?—
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
„Хотя есть у меня села съ приселками,
„Хотя есть города съ пригородками:
„Да то мнѣ молодцу не похвальба;
„Хоть славна моя родна матушка:
„Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
„Хоть хороша моя молода жена:
„Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба ***);
„Молода жена Василиса Микулична—
„Во лбѣ-то у ней свѣтелъ мѣсяцъ,
„На головѣ волосы—звѣзды частыя,
„Брови у ней черна соболя,
„Очи у ней ясна сокола ****);

*) Рыбн., II, № 21 (отъ Щеголенкова, Кижскаго погоста, Петрозав. у.). — **) Далѣе Рыбн. II, № 20 (Кижск. вол.). — ***) Далѣе опять № 21. — ****) Далѣе снова № 20.

„Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ повыманитъ,
„Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ."
Всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Засадимъ-ка Ставра въ погреба глубокіе,
„Такъ пущай-ка Ставрова молода жена
„Насъ князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
„Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ,
„А Ставра она изъ погреба повыручитъ!"
А былъ у Ставра тутъ свой человѣкъ,
Садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю Ляховицкую
Къ той Василисѣ Микуличной:
—Ахъ ты эй, Василиса дочь Микулична!
—Сидишь ты—пьешь да проклаждаешься,
—Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
—Какъ твой Ставеръ да сынъ Годиновичъ
—Посаженъ въ погреба глубокіе;
—Похвасталъ онъ тобой, молодой женой,
—Что князей-бояръ всѣхъ повыманишь,
—А солнышка Владиміра съ ума сведешь.—
Говоритъ Василиса Микулична:
„Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;
„Мнѣ-ка силой выручать Ставра—не выручить;
„Я могу ли, нѣтъ Ставра повыручить
„Своею догадочкою женскою!" *)
Обрубила Василиса волосы по казачьему,
Сѣдлала она коня богатырскаго,
Она ѣхала ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю ко Владиміру.
Не доѣдучи до града до Кіева,
Пораздернула она хорошъ-бѣлъ шатеръ,
Оставила дружину у бѣла шатра,
Сама поѣхала ко солнышку Владиміру **).
Бьетъ челомъ, поклоняется:
„Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
„Съ молодой княгиней со Опраксіей!"
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
—Ты коей орды, ты коей земли,
—Какъ тебя именемъ зовутъ,
—Нарекаютъ тебя по отечеству?—
Отвѣчалъ удалый-добрый молодецъ:
„Что я есть изъ земли Ляховицкія,
„Того короля сынъ Ляховицкаго,
„Молодой Василій Микуличъ де:
„Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
„На твоей любимыя на дочери".
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Я схожу, со дочерью подумаю.—
Приходилъ онъ ко дочери возлюбленной:
—Ахъ ты эй же, дочь моя возлюбленна!
—Пріѣхалъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,
—Того короля сынъ Ляховицкаго,
—Молодой Василій Микуличъ де,
—Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
—На тебѣ любимыя на дочери;
—Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
„Ты эй, государь родной батюшко!
„Что у тебя теперь на разумѣ:
„Выдаешь дѣвушку самъ за женщину!
„Рѣчь поговоря—все по женскому,
„Перестки [1]) тоненьки—все по женскому,
„Гдѣ жуковинья [2]) были—тутъ мѣсто знать".
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Я схожу посла да поотвѣдаю.
Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,
Молоду Василью Микуличу:
—Ужъ ты, молодой Василій сынъ Микуличъ де!
—Не угодно ли съ пути со дороженьки
—Сходить во парную во баенку?—

*) Далѣе снова № 21. — **) Далѣе снова № 20.
[1]) Перестки—персты, пальцы. — [2]) Жуковинья—перстни.

Говорилъ Василій Микуличъ де:
„Это съ дороги не худо бы!“
Стопили ему парну баенку.
Покуда Владиміръ снаряжается,
Посолъ той поры во баенкѣ испарился.
Съ байны идетъ—ему честь отдаетъ:
„Благодарствуй на парной на баенкѣ!“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Что же меня въ баенку не подождалъ?
—Я бы въ байну пришелъ—тебѣ жару поддалъ,
—Я бы жару поддалъ и тебя обдалъ?—
Говорилъ Василій Микуличъ де:
„Что ваше дѣло домашнее,
„Домашнее дѣло, княженецкое;
„А наше дѣло посольское,
„Недосугъ-то долго намъ чваниться,
„Во баенкѣ долго намъ париться;
„Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
„На твоей любимыя на дочери“.
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Я схожу, съ дочерью подумаю.—
Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
—Ты эй же, дочь моя возлюбленна!
—Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія
—Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
—На тебѣ, любимыя на дочери;
—Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говоритъ какъ дочь ему возлюбленна:
„Ты эй, государь мой родной батюшка!
„Что у тебя теперь на разумѣ:
„Выдаешь дѣвчину за женщину!
„Рѣчь поговоря—все по женскому,
„Перестки тоненьки—все по женскому,
„Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать“.
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Я схожу посла да поотвѣдаю.— *)
—Пошлемъ его во чисто поле
—Стрѣлять да изъ туга лука,
—Стрѣлкою каленою за триста саженъ,
—Попасть во ножнично острице [3]),
—Чтобы раскололася стрѣлочка на-двое,
—И были половиночки ровныя.—
Говорятъ ему таковыя слова:
„Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
„Не угодно ли тебѣ, послу,
„Пострѣлять съ нашими стрѣльцами
„Во чистомъ полѣ изъ туга лука
„Стрѣлкою каленою за триста саженъ,
„Попасть во ножнично острице“?
Она говоритъ да таковы слова:
„У меня съ за маленко [4]) было хожено,
„Съ за маленько было стрѣляно;
„Горитъ душа, мнѣ-ка хочется
„Съ вашими стрѣльцами пострѣлятися,
„Пострѣлятися во чистомъ полѣ.“
Шла она со стрѣльцами во чисто поле.
Стали стрѣлять стрѣльцы да княженецкіе;
Первой стрѣлецъ стрѣлилъ—да не дострѣлилъ,
Другой стрѣлецъ стрѣлилъ—да перестрѣлилъ,
Третій стрѣлецъ стрѣлилъ—онъ не попалъ теперь;
Какъ она натянула свой тугій лукъ,
Клала свою калену стрѣлу,
Стрѣляла за триста саженъ,
Попала въ ножнично острице:
Раскололась та стрѣлочка на-двое;
Кинули половинки на вѣсы на казенные—
Половинки были ровныя.
И тутъ не могли посла повывѣдать **).
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Я схожу-пойду, съ дочерью подумаю.
Приходитъ ко дочери возлюбленной:
—А и же ты, дочь моя возлюбленна!
—Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
—Молодой Василій Микуличъ де,
—Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
—На тебѣ, любимыя на дочери;
—Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
„Что у тебя, батюшка, на разумѣ:

*) Далѣе Рыбн. II, № 9 (отъ Андрея Сорокина съ Сумозера). — **) Далѣе снова № 20.
[3]) т. е.: ножевое остріе. — [4]) т. е.: съ-измала, съ малолѣтства.

„Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
„Рѣчь поговоря—все по женскому,
„Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать.“
Говоритъ Владимiръ стольно-кiевскiй:
—Я схожу посла поотвѣдаю.—
Онъ приходитъ къ Василью Микуличу,
Самъ говоритъ таково слово:
—Молодой Василiй Микуличъ де!
—Не угодно ли тебѣ съ моими боярами потѣшиться,
—На широкомъ дворѣ поборотися?—
Какъ вышли они на широкiй дворъ,
Какъ молодой Василiй Микуличъ де
Того схватилъ въ руку, того въ другую,
Третьяго склеснетъ [5]) въ середочку,
По-трою заразъ онъ на зень [6]) ложилъ,
Которыхъ положитъ — тыи съ мѣста не стаютъ.
Говорилъ Владимiръ стольно-кiевскiй:
—Ты, молодой Василiй Микуличъ де!
—Укроти-ко свое сердце богатырское,
—Оставь людей хоть намъ на сѐмена!—
Говорилъ Василiй Микуличъ де:
„Я прiѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
„На твоей любимыя на дочери;
„Буде съ чести не дашь, — возьму не̂ съ чести,
„А не съ чести возьму—тебѣ бокъ набью!“
Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
Сталъ онъ дочь свою просватывать.
Пиръ идетъ у нихъ по третiй день,
Сегодня имъ итти къ Божiей церкви:
Закручинился Василiй, запечалился.
Говорилъ Владимiръ стольно-кiевскiй:
—Что же ты, Василiй, не веселъ есть?—
Говоритъ Василiй Микуличъ де:
„Что буде на разумѣ не весело:
„Либо батюшко мой померъ есть,
„Либо матушка моя померла.
„Нѣтъ ли у тебя загусельничковъ,
„Поиграть во гуселышка яровчаты?“
Какъ повыпустили они загусельщиковъ,
Всѣ они играютъ—все не весело.
„Нѣтъ ли у тя молодыхъ затюремщичковъ?“
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Всѣ они играютъ—все не весело.
Говоритъ Василiй Микуличъ де:
„Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
„Что посаженъ нашъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
„У тебя во погреба глубокiе:
„Онъ гораздъ играть на гусёлышки яровчаты“.
Говорилъ Владимiръ стольно-кiевскiй:
—Мнѣ повыпустить Ставра—
—Мнѣ не видѣть Ставра:
—А не выпустить Ставра—
—Такъ разгнѣвить посла!—
А не смѣтъ посла онъ поразгнѣвати:
Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
Онъ сталъ играть на гуселышка яровчаты—
Развеселился Василiй Микуличъ де,
Самъ говорилъ таково слово:
„Солнышко Владимiръ стольно-кiевскiй!
„Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
„Посмотрѣть дружинушки хоробрыя?“...
Говорилъ Владимiръ стольно-кiевскiй:
—Мнѣ спустить Ставра—не видать Ставра,
—Не спустить Ставра—разгнѣвить посла!—
А не смѣетъ онъ посла да поразгнѣвати:
Онъ спустилъ Ставра съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
Прiѣхали они ко бѣлу шатру,
Зашелъ Василiй въ хорошъ-бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя платье молодецкое,
Одѣлъ на себя платье женское,
Самъ говорилъ таково слово:
„Теперича, Ставеръ, меня знаешь ли?“
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
—Молода Василиса дочь Микуличпа!
—Уѣдемъ мы во землю Политовскую!—
Говоритъ Василиса дочь Микулична:
„Не есть хвала добру молодцу

[5]) т. е.: сдавитъ. — [6]) т. е.: на земь, на землю.

„Тебѣ воровски изъ Кіева уѣхати:
„Пойдемъ-ко свадьбы доигрывать!“
Пріѣхали ко солнышку Владиміру,
Сѣли за столы за дубовые,
Говорилъ Василій Микуличъ де:
„Солнышко Владиміръ, стольно-кіевскій!
„За что былъ замыченъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
„У тебя во погреба глубокіе?“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
—Похвасталъ онъ своей молодой женой,
—Что князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
—Меня, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ.—
„А и ты эй, Владиміръ стольно-кіевскій!
„А нынче что́ у тебя теперь на разумѣ:
„Выдаешь дѣвчину самъ за женщину,
„За меня Василису за Микуличну?“
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Самъ говоритъ таково слово:
—Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
—За твою великую за похвальбу
—Торгуй во нашемъ городѣ во Кіевѣ,
—Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безпошлинно!
Поѣхали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ высшей, идеальной натуры женской. Эти благородные женскіе типы были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться вліянію ни суроваго аскетизма, ни восточныхъ обычаевъ татарскихъ: когда дѣвицъ еще не запирали въ терема, и когда крестьянское сословіе въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи не далеко отставало отъ князей и бояръ. Эти типы сберeглись народной поэзіей [7]).

Къ такимъ женскимъ типамъ принадлежитъ старшая дочь чуднаго пахаря Микулы Селяниновича (см. выше № 2) Василиса Микулишна. Она замужемъ за Ставромъ бояриномъ. Дочь Микулы, превзошедши и хитростью-мудростью, и подвигами самихъ богатырей, спасаетъ своего мужа изъ неволи. (О дочери Микулы того же имени см. ниже въ замѣткѣ къ былинѣ о Данилѣ Денисьевичѣ).

---

7) См. Бусл. „Русск. бог. эп.“, гл. V.

27.

Былина о Савишнѣ *).

Въ этой былинѣ—единственной, гдѣ Ильѣ приписывается жена,—является женскій образъ поленицы, замѣстительницы своего мужа во главѣ рати при защитѣ Кіева отъ врага. Савишна своей помощью мужу чрезъ переодѣваніе напоминаетъ Василису Никуличну въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ.

Такъ какъ былины нигдѣ не представляютъ Илью женатымъ, то несомнѣнно, что Савишна смѣшена здѣсь съ женою какого-нибудь другого богатыря, но главное дѣйствіе этой героини настолько отступаетъ отъ сюжета былинъ, гдѣ является переодѣтая жена Ставра, что былину о Савишнѣ нельзя считать видоизмѣненіемъ которой-нибудь изъ нихъ. Помѣщаемъ ее какъ особый женскій эпическій образъ. Илья Муромецъ, или тотъ богатырь, который имъ замѣненъ, здѣсь самъ не дѣйствуетъ.

Какъ было-то, къ князю ко Володиміру
Князья-бо́яре собиралися,
Собирались, низко кланялись.
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Владиміръ князь:
„Князья-бо́яре вы мои вѣрные,
„А и головы у васъ разумныя!
„Изберите вы молодца изъ-промежъ себя,
„А я дамъ ему рать мою сильную:
„А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
„А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
„Берегчи князя со княгинею“.
Князья-бо́яре слово слушали,
Слово выслушавъ, поклонилися,
Стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
—Гой еси ты, ласковъ Володиміръ князь!
—Мы всѣ съ тобой, со княгинею,
—За тебя мы положимъ наши головы,
—А рать поведетъ Илья Муромецъ:
—Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
—Коней спѣлыихъ, сабли острыя,
—Стрѣлы мѣткія со туга лука.—
На томъ дѣло порѣшилося.
Слали гонца къ Ильѣ Муромцу:
—Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
—На того ли ворога Загорскаго,
—На Тугарина на Бѣлевича.—
Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не случилося:
Полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ.
Звѣря лютаго на копье ловилъ,

---

*) Кир. I, стр. 56 (записано Д. П. Соловьевымъ на Сузунскомъ заводѣ).

Соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во дворѣ была токмо Савишна,
Молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
Грозенъ наказъ княженецкой-атъ—
Молодое сердце надорвалося:
„Добро“, молвитъ, „ты, гонецъ, назадъ бѣги,
„А Илья за тобой не замѣшкаетъ“.
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня сѣдлать добраго,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло—только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володиміру.
Какъ завидѣли князья-бояре богатырскій скокъ,
Какъ заслышали князья-бояре богатырскій свистъ,
Не дивилися долго скоку, посвисту,
Высылали спѣшно всю рать могучую,
Сами къ ласкову князю воротилися:
—Пошла де рать съ Ильей Муромцемъ,
—А Тугарину де съ нимъ не сдобровать.—
Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтились.
У Тугарина рать—туча черная,
Княженецкая рать—молонья свѣтлая;
Какъ сошлися—не взвидѣлись.
А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Уѣзжалъ онъ въ свои улусы Загорскіе,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ,
Служилъ службу царскую, государскую.

28.

Сухманъ богатырь*).

У ласкова у князя у Владиміра
Было пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бо́яръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Безумный хвастаетъ золотой казной,
А умный хвастаетъ старой матерью,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тымъ за столомъ за дубовымъ
Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантье-
вичъ:
Ничѣмъ-то онъ молодецъ не хвастаетъ.
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыма кудерками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„А и же ты, Сухмантій Одихматьевичъ!
„Что́ же ты ничѣмъ не хвастаешь,
„Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Бѣлыя лебеди не рушаешь?
„Али чара ти шла не рядобная [1]),
„Или мѣсто было не по отчинѣ,
„Али пьяница надсмѣялся ти?“
Воспрого́воритъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
—Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
—Чара-то мнѣ-ка шла рядобная,
—А и мѣсто было по отчинѣ,
—Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.
—Похвастать не похвастать доброму мо-
лодцу:
—Привезу тебѣ лебедь бѣлую,
—Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
—Не ранену лебедку, не кровавлену.—
Тогда Сухмантій Одихмантьевичъ
Скоро вставаетъ на рѣзвы ноги,
Приходитъ изъ гридни изъ столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Взимаетъ палицу воинскую,
Взимаетъ для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище,
Садился Сухмантій на добра коня,
Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,
Ко тоя ко тихія ко заводи.
Какъ пріѣхалъ ко первыя тихія заводи:
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утёныши.
Ѣхалъ ко другія ко тихія ко заводи:

*) Рыбн. I, № 6 (отъ лодочника Пудожскаго уѣзда).
[1]) т. е.: не по ряду.

У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утёныши.
Ѣхалъ ко третія ко тихія ко заводи:
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утёныши.
Тутъ-то Сухмантій пораздумался:
—Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
—Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
—Поѣхать мнѣ—живу не бывать;
—А поѣду я ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ!—
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ:
Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по старому,
Не по старому текетъ, не по прежнему,
А вода съ пескомъ помутилася.
Сталъ Сухмантьюшка выспрашивати:
—Что же ты, матушка Нѣпра рѣка,
—Что же ты текешь не по старому,
—Не по старому текешь, не по прежнему,
—А вода съ пескомъ помутилася?—
Испроговоритъ матушка Нѣпра рѣка:
„Какъ же мнѣ течи было по старому,
„По старому течи, по прежнему,
„Какъ за мной за матушкой Нѣпрой рѣкой
„Стоитъ сила татарская невѣрная,
„Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ?
„Мостятъ они мосты калиновы:
„Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:
„Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась“.
Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:
—Не честь-хвала мнѣ молодецкая,
—Не отвѣдать силы татарскія,
—Татарскія силы невѣрныя.—
Направилъ своего добра коня
Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:
Его добрый конь перескочилъ.
Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивалъ дубъ со кореньями,
За вершинку бралъ, а съ комля [2]) сокъ бѣжалъ.
И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой;
Напустилъ онъ своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началъ татаръ поколачивати;
Махнетъ Сухмантьюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ татаръ поганыихъ.
Бѣжало три татарина поганыихъ,
Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Ко той ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ;
Пустили три татарина поганыихъ
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его въ бока во бѣлыя:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
Сорвалъ въ раны кровавыя листочики маковы,
А трехъ татаровей поганыихъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
Садился Сухмантій на добра коня,
Припустилъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому двору княжецкому.
Привязалъ коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Самъ бѣжалъ въ гридню во столовую.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій
По гриднѣ столовыя похаживаетъ.
Желтыма кудеркамы потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„А и же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую,
„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
„Не ранену лебедку, не кровавлену?“
Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичъ:
—Солнышко, князь стольно-кіевскій!

[2]) т. е.: съ корня.

—Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
—А за той за матушкой Нѣпрой рѣкой
—Стояла сила татарская невѣрная,
—Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ:
—Шла же эта сила во Кіевъ градъ,
—Мостила мосточки калиновы:
—Они днемъ мосты мостятъ,
—А матушка Нѣпра рѣка ночью повы
роетъ;
—Напустилъ я своего добра коня
—На тую на силу на татарскую,
—Побилъ всѣхъ татаръ поганыихъ.—
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Приказалъ своимъ слугамъ вѣрныимъ
Взять Сухмантья за бѣлы руки,
Посадить молодца въ глубокъ погребъ;
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Нѣпру рѣку
Провѣдать заработки Сухмантьевы.
Сѣдлалъ Добрыня добра коня
И поѣхалъ молодецъ во чисто поле.
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
И видитъ Добрынюшка Никитинецъ:
Побита сила татарская;
И видитъ дубиночку-вязиночку,
У тоя рѣки разбитую на лозиночки.
Привозитъ дубиночку въ Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Самъ говоритъ таково слово:
—Правдой хвасталъ Сухманъ Одихманте-
вичъ:
—За той за матушкой Нѣпрой рѣкой
—Есть сила татарская побитая,
—Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ;
—И привезъ я дубиночку Сухмантьеву,
—На лозиночки дубиночка облочкана [3])—
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„А и же, слуги мои вѣрные!
„Скоро идите во глубокъ ногребъ,
„Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
„Приводите ко мнѣ на ясны очи:
„Буду его молодца жаловать-миловать
„За его услугу за великую,
„Городами его съ пригородками,
„Али селамы съ приселками,
„Аль безсчетной золотой казной до́ люби".
Приходятъ его слуги вѣрные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
„А и же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Выходи со погреба глубокаго:
„Хочетъ тебя солнышко жаловать,
„Хочетъ тебя солнышко миловать
„За твою услугу великую".
Выходилъ Сухмантій съ погреба глубо-
каго,
Выходилъ на далече-далече чисто поле,
И говорилъ молодецъ таковы слова:
„Не умѣлъ меня солнышко миловать,
„Не умѣлъ меня солнышко жаловать:
„А теперь не видать меня во ясны очи!"
Выдергивалъ листочки маковые
Съ тыихъ съ ранъ со кровавыихъ,
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки Сухманъ-рѣка
„Отъ моя отъ крови отъ горючія,
„Отъ горючія крови отъ напрасныя!"

О происхожденіи рѣкъ отъ крови богатырей см. выше стр. 21.

---

[3]) т. е.: разщеплена.

29.

Данило Ловчанинъ съ женою *).

У князя было у Владиміра,
У кеивскаго солнышка Сеславича
Выло пированьице почестное,
Честно и хвально, больно радышно
На многи князья и бо́яра,
На сильныхъ могучихъ бога́тырей.
Въ по́лсыта бояра наѣдалися,
Въ по́лпьяна бояра напивалися:
Промежъ себя бояра похвалялися:
Сильн-атъ хвалится силою,
Богатой хвалится богатествомъ;
Купцы-тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояре-то хвалятся помѣстьями,
Они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
Тутъ возго́воритъ самъ Володиміръ князь:
„Охъ ты гой еси, Данилушка Денисьевичъ!
„Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
„Али нечѣмъ тѣ похвалитися?
„Али нѣту у тея золотой казны?
„Али нѣту у тея молодой жены?
„Али нѣту у тея платья свѣтнаго“?
Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
—Ужъ ты батюшка нашъ Владиміръ князь!
—Есть у меня золота казна,
—Еще есть у меня и молода жена,
—Еще есть у меня и платье свѣтное;
—Нѣ́што такъ я это призадумался.—
Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
„Охъ вы гой есте, мои князья-бояра!
„Ужъ вы всѣ у меня переженены,
„Только я одинъ холо́стъ хожу;
„Вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
„Вы хорошую и пригожую;
„Чтобъ лицомъ красна и умомъ сверстна,
„Чтобъ умѣла русскую грамоту
„И четью-пѣтью церковному,
„Чтобы было кого назвать вамъ матушкой,
„Ввеличать бы государыней“.
Изъ-за лѣвой было изъ-за сторонушки
Тутъ возговоритъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
—Ужъ ты, батюшка Володиміръ князь!
—Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ,
—Много видалъ я королевишенъ,
—Много видалъ и изъ ума пыталъ:
—Котора лицомъ красна—умомъ не сверстна,
—Котора умомъ сверстна—лицомъ не красна.
—Не нахаживалъ я такой красавицы,
—Не видывалъ я этакой пригожицы,—

---

*) Кир. III, стр. 32 (записано св. Ѳаворскимъ въ с. Павловѣ Нижегор. губ.).

—У того ли у Данилы у Денисьича,
—Еще та ли Василиса Никулишна:
—И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
—И русскую умѣетъ больно грамоту,
—И четью-пѣтью горазда церковному;
—Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
—Величать намъ государыней!—
Это слово больно князю не показалося,
Володиміру словечко не полюбилося.
Тутъ возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
„Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано—
„Отъ живого мужа жену отнять“!
Приказалъ Мишатычку казнить-вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ приметливъ [1]) былъ,
На иную на сторонку перекинулся:
—Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
—Погоди меня скоро казнить-вѣшати,
—Прикажи, государь, слово молвити.—
Приказалъ ему Володиміръ слово молвити:
—Мы Данилушку пошлемъ во чисто́ поле,
—Во тѣ ли луга Леванидовы,
—Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
—Велимъ пытать птичку бѣлогорлицу,
—Принести ее къ обѣду княженецкому;
—Что еще убить ему льва лютаго,
—Принести его къ обѣду княженецкому.—
Это слово князю больно показалося,
Володиміру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старо́й казакъ,
Старо́й казакъ Илья Муромецъ:
„Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
„Изведешь ты яснаго сокола—
„Не пымать тебѣ бѣлой лебеди!“
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ на золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.
Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На дворъ-атъ въѣзжаетъ безопасышно,
Во палатушку входитъ безобсылышно.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
„Ты, невѣжа, ты невѣжа, неотецкій сынъ!
„Для чего ты, невѣжа, этакъ дѣлаешь:
„Ты на дворъ-атъ въѣзжаешь безопасышно,
„Въ полатушку входишь безобсылышно?“
Отвѣтъ держитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
—Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
—Не своей я волей къ вамъ въ гости зашелъ,
—Прислалъ меня самъ батюшка Володиміръ князь
—Со тѣми ярлыками скорописными.—
Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошелъ.
Стала Василиса ярлычки пересматривать:
Заливалася она горючьми слезми.
Скидавала съ себя платье свѣтное,
Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка сново Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
Возго́воритъ ему таково слово:
„Ты надеженька, надёжа, мой сердечный другъ,
„Да ужъ мо́лодой Данила Денисьевичъ!
„Что останное [2]) намъ съ тобой свиданьицо!
„Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку двору“.
Тутъ возго́воритъ Данила Денисьевичъ:
—Охъ ты гой еси, Василисушка Никулична!
—Погуляемъ-ко въ остатки по чисту полю,
—Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебёдушекъ!—
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возго́воритъ Данила свѣтъ Денисьевичъ:
—Внеси-ка мнѣ мало́й колчанъ калёныхъ стрѣлъ;

[1]) т. е.: переметливъ (умѣлъ переметнуться въ другую сторону). — [2]) т. е.: послѣднее.

Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
Возго́воритъ Данилушка Денисьевичъ:
—Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
—Чего ради ты, невѣжа, ослушаешься?
Аль не чаешь надъ собою бо́льшаго?—
Василисушка на это не прогнѣвалась
И возго́воритъ ему таково слово:
„Ты надёженька, мой сердечный другъ,
„Да ужъ мо́лодой Данилушка Денисьевичъ!
„Лишняя стрѣлочка теѣ приго́дится:
„Пойдетъ она не по князѣ, не по баринѣ,
„А по своемъ братѣ бога́тырѣ".
Поѣхалъ Данила во чисто поле,
Что во тѣ луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремячему,
И къ колодезю пріѣхалъ ко студеному.
Беретъ Данила трубыньку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кееву.
Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не чёрныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми́ слезми,
Возго́воритъ онъ таково слово:
—Знать, гораздо я князю сталъ непонадобенъ,
—Знать, Владиміру не слуга я былъ!—
Беретъ Данила саблю бое́вую,
Прирубилъ Денисьичъ силу русскую.
Погодя того времячко манёшенько,
Беретъ Данила трубочку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кеиву.
Не два слона въ чистымъ полѣ слонятся,
Не два сыры дуба шатаются:
Слонятся-шатаются два бога́тыря
На того ли на Данилу на Денисьича,
Его родной братъ Никита Денисьевичъ
И названый братъ Добрыня Никитовичъ.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми:
—Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣвался,
—Володиміръ князь на уда́лаго осе́рдился!—
Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичъ:
—Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано—
—Братъ на брата съ боёмъ идетъ?—
Беретъ Данила востро́ копье,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру́ землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Спорол сеѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ сеѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два бога́тыря,
Заплакали объ немъ горючьми слезми.
Поплакамши, назадъ воротилися.
Сказали князю Володиміру: „Не стало Данилы,
„Что того ли уда́лаго Денисьича!"
Тутъ сбираетъ Володиміръ поѣздъ-атъ,
Садился въ колёсычку во зо́лоту,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Пріѣхали ко двору ко Данилину;
Восходятъ во теремъ Василисинъ-а́тъ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во саха́рныя уста.
Возго́воритъ Василиса Никулишна:
„Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
„Не цѣлуй меня въ уста во кро́вавы
„Безъ мого друга Данилы Денисьича".
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
—Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
—Наряжайся ты въ платье свѣтное,
—Въ платье свѣтное подвѣнечное.—
Наряжалась она въ платье свѣтное,
Взяла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали ко городу ко Кеиву.
Поверсталися супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
„Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь!
„Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ.
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ".
Посылалъ онъ съ ней двухъ бога́тырей.
Подходила Василиса ко милу́ дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
„Охъ вы гой естя, мои вы два бога́тыря!
„Вы подите, скажите князю Володиміру:

„Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
„По чисту полю со милымъ дружкомъ,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ“.
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя;
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володиміру:
„Ужъ ты, батюшка Володиміръ князь!
„Не стало нашей матушки Василисы Никуличны.
„Передъ смертью она намъ промолвила:
—„Охъ вы гей естя, мои вы два богатыря!
—„Вы подите, скажите князю Володиміру,
—„Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
—„По чисту полю со милымъ дружкомъ,
—„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ“.—
Пріѣхалъ Володиміръ во Кеивъ градъ,
Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его въ головку, во темячко:
—Правду сказалъ ты, старой казакъ,
—Старой казакъ Илья Муромецъ!—
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котелъ.

Женскій идеальный типъ, который мы видѣли выше въ женѣ боярина Ставра—Василисѣ Микулишнѣ (см. стр. 100), здѣсь повторяется въ доблестной женѣ Данилы Денисьевича, носящей то же имя и украшенной добродѣтелью женской вѣрности.





30.

Данило Игнатьевичъ и Михайла Даниловичъ *).

Какъ во славномъ-то во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Заводилось пированьице—почéстенъ пиръ.
А и всѣ на пиру да напивалися,
А и всѣ на честнóмъ да наѣдалися,
Да и всѣ на честномъ вѣдь прирасхвастались.
А иной-же-то хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-отъ-то вѣдь хвасталъ золотой казной,
А новóй-отъ-то [1]) хвасталъ добрымъ конемъ,
Да другой-то хвасталъ силою могучею;
Только глупой-отъ вѣдь хвасталъ молодой женой.
И сидитъ мóлодецъ, да онъ не пьетъ, не ѣстъ,
А не пьетъ да онъ не ѣстъ, да онъ не кушаетъ,
И ничѣмъ же мóлодецъ да вѣдь не хвастаетъ,
И повѣсилъ молодéцъ да буйну голову,
Еще нá имя—Данила свѣтъ Игнатьевичъ.
Еще эфто князю Владиміру не показалося.
По сéреду [2]) кирпичному онъ запохаживалъ,
Да онъ бѣлыма руками заразваживалъ,
Да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
„А что же ты, Данилушка Игнатьевичъ,
„А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаешь,
„И ничѣмъ же ты, Данило, вѣдь не хвастаешь“?
Втогды сталъ тутъ Данило на рѣзвы́ ноги,
Втогды кланялся Владиміръ до сырой земли.
—Еще чѣмъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, вѣдь хвастати?
—Ни двора-то у меня широкóго не было,

*) Кир. III, стр. 41 (отъ нименгскаго крестьянина Ивана Пахомова).
[1]) Новой—иной. — [2]) Сéредъ—полъ.

—Золотой у меня казны вѣдь не лучилося,
—А и сила-то была вѣдь во мнѣ ровная [3]).
—Вѣдь служилъ я у тобя да пятьдесятъ годовъ,
—Да убилъ я тобѣ вѣдь пятьдесятъ царевъ,
—А мелкой силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
—Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
—Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
—Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
—Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
„Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко—
„Еще некому дѣлать вѣдь защиты всему Кіеву".
И во второй разъ просилъ Данилушко Игнатьевичъ:
—Да спусти же ты, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
—Да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
—Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичъ:
—А и будетъ тѣ ограда бѣлокаменна,
—Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
—Есть вѣдь у меня да сынъ Михайлушко.—
И втогда спустилъ его Владиміръ въ монастырь пречестные,
Да во тыи-то спустилъ въ кельи низкія.
А узнали тутова цари невѣрные,
Что во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри.
Приходитъ втогда туда невѣрный царь,
Приносилъ вѣдь онъ книгу настольную,
Еще требуетъ, собака, поединщины.
Выходилъ Владиміръ князь да на балхонъ высокіе,
Да смотрѣлъ Владиміръ князь да во всѣ стороны:
У собаки вѣдь силы-то въ чистомъ полѣ
Будто облако ходячее нагонено.
И втогда Владиміръ князь зачалъ почестенъ пиръ,
Что на всѣ князи, на всѣ бояра,
Да на всѣ и поленицы-то удалые,
Еще и на весь-то народъ да православные.
Дакъ и всѣ вѣдь на пиру-то напивалися,
Да и всѣ вѣдь на честно́мъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владиміръ князь въ первой наконъ [4]):
„Ужъ вы ой еси, князи мои бояра,
„Да вы ой еси, паленицы мои да удалые,
„Еще весь-то вы народъ да православные!
„А и кто бы то вѣдь съѣздилъ да во чисто поле,
„Да пересчитывать силы невѣрныя?"
А и въ тую пору было, въ то время
Большой вѣдь хоронится за средняго,
Еще средній-отъ хоронится за младшаго,
А отъ младшаго Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ же вѣдь Владиміръ во второй наконъ,
Да говорилъ вѣдь онъ и въ третей наконъ.
А и въ тую то пору было, въ то время
Выходилъ тутъ дороднiй доброй молодецъ
Изъ-за того онъ стола вѣдь бѣлодубова,
Еще на имя Михайло да Даниловичъ.
Понизёшеньку онъ Владиміру поклоняется,
По-малешеньку ко Владиміру подвигается:
—Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто поле,
—Пересчитывать-то вѣдь силы невѣрныя.—
А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
„Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!
„А и ростомъ-то вѣдь ты же есь малешенекъ,
„Да и разумомъ-то ты же есь глупёшенекъ;
„Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,

[3]) Ровный—средній. — [4]) т. е.: въ первый разъ.

„Потеряшь, братъ ты Михайло, свою голову“.
А и то вѣдь Михайлу да не показалося.
Еще скоро онъ пошелъ по сéреды [5]) кирпичныя,
Широко отворялъ онъ двери нá пяту,
Запиралъ онъ тыи двери крѣпко-нá-крѣпко,
А двери-ты на щепочки всѣ разсыпалися,
Да и двери-ты вѣдь тѣ да покололися,
И вся эта палата зашаталася,
Да одва эта палата не разрушилась.
Еще скоро онъ пошелъ да на широкій дворъ,
Да скоря того пошелъ онъ къ свóей матери.
Да и взялъ у ей благословенье полное
Пересчитывать силы невѣрныя.
Да сѣдлалъ, да онъ уздалъ да лошадь добрую,
И поѣхалъ нашъ Михайло во чистó поле,
Во чистó поле поѣхалъ—онъ раздумался:
„Что я не съѣздилъ къ свóему родителю,
„Да не взялъ отъ его благословенья то да полнаго
„Пересчитывать да силы невѣрныя“.
Поворачивалъ добрá коня ко монáстырю пречéстному,
Да ко тѣмъ ли да ко кельямъ низкіимъ.
А въ тýю пору мать сырá земля да зазыбалася,
Старо старчищо Данилищо засовалося:
—А не мой ли тутъ пріѣхалъ да Михайлушко?
—А куда, Михайло, ѣдешь, куда путь держишь?—
„Ѣду вѣдь я, бачко, да во чистó поле,
„Пересчитывать-то вѣдь силы невѣрныя“.
Отвѣтъ держалъ старо старчищо Данилищо:
—Этая-то должность не твоя бы есть,
—Не спустилъ бы я тобя да во чистó поле.
—И тáя заповѣдь положена тяжелая,
—Да и зáстава [6]) положена великая.
—Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ;
—А и разумомъ-то ты вѣдь есь глупёшенекъ,
—Да и ростомъ-то вѣдь есь малёшенекъ,
—Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!—
А и то вѣдь какъ Михайлу да не показалося.
Скоро поворачивалъ добрá коня въ чистó поле:
Старо старчищо Данилищо тутъ опомнился,
Да скричалъ старой вѣдь гласомъ громкіимъ:
—Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
—Да возьми-тко отъ меня благословенье полное;
—Какъ поѣдешь ты, Михайло, во чистó поле,
—Выѣдешь ты на шеломя [7]) на окатисто,
—А по-русскому, на гору да на высокую,
—Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
—Еще требуй-ко ты бурушка косматаго:
—„Ай, который же служилъ ты мойму батюшкѣ,
—„Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку“!
—Прибѣжитъ тутъ конь да вѣдь косматые,
—Стоитъ онъ на горы́ да на высокія;
—Да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локóтъ,
—И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,
—Да во сторону копай да ты во восточную:
—А и тутова сбруя да вѣдь богатырская.—
Втогда выѣхалъ Михайло не шеломя окатисто,
Да кричалъ Михайло во всю голову,
Еще требовалъ онъ бурушка косматаго:
„Ай, который же служилъ ты мойму батюшкѣ,

[5]) Середъ—полъ. — [6]) т. е.: застой, защита, оборона. — [7]) Шеломя—холмъ.

„Послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку"!
Прибѣжалъ ту конь, да конь косматые,
Да отмѣрилъ тутъ Михайло какъ вѣдь пять локо́тъ,
Да во сторону копалъ да онъ во всточную,
Да копалъ тутъ Михайло мать сыру землю,
Да во сторону копалъ землю во всточную.
Копалъ Михайло, копалъ да и выкопалъ:
Тутъ лежала сбруя богатырская.
Принималъ Михайло саблю вострую,
Бралъ въ бѣлы руки́ палицу боевую,
Да поѣхалъ Михайло во чисто поле.
Забречала его палица боевая,
Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчищо Данилищо на зеленый лугъ,
Да просилъ онъ Спаса съ Богородицей:
—Ты, Спаса всемилостлива Богородица!
—Да прими-тко ты моленье пустынное,
—Да прими-тко ты моленье скоро-на-скоро,
—Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
—Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя,
—Еще дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву.—
Только въ тую было пору, въ то время
Добрый конь у Михайла провѣщился:
„Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
„Не заѣзжай-ко се, Михайло, въ силу въ ма́тику [8]):
„А и копаютъ тамъ уланове три погреба,
„А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
„И становятъ тутъ у погребъ копья вострыя.
„Еще первой-отъ я погребъ дакъ пере́скочу,
„Вѣдь и дру́гой-отъ я погреба де пере́скочу,
„А третьего мнѣ-ка погреба не пере́скочить".
И бьетъ Михайло тутъ коня по тучнымъ бедрамъ:
„Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
„Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малаго?"
Да началъ коня приправливать во силу да въ матику:
Первой-то погребъ его конь пере́скочилъ,
Да и дру́гой-отъ онъ погребъ вѣдь пере́скочилъ,
А третьего-то онъ погреба не пере́скочилъ;
И упалъ ногами онъ да заднима,
Уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погре́бъ,
Только не́ палъ тотъ на копья вострые.
Набиралися уланове поганые,
Да вязали вѣдь его за руки бѣлыя,
Да тѣма петля́ми вѣдь шелковыма
И ковали, ковали да во желѣза тяжелыя,
Вѣдь рѣзвы ноги́ ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.
Только молится Михайло Спасу съ Богородицей:
„Ты не дай-ко се меня поганымъ на пору́ганье.
„Буду я служить да съ вѣку до́ вѣку
„Да за тую я за вѣру за крещеную,
„Да за церкви я служить буду да за Божія"!
А втогда вѣдь у Михайлы Даниловича
Съ двое, съ трое силы-то прибыло,
Разорвалъ онъ петли-ты шелковыя,
Да сломалъ желѣза онъ тяжелыя,
Ухватилъ онъ вѣдь ослядь [9]) телѣжную,
Да и завелъ вѣдь онъ о́слядью помахивать.
Какъ впередъ-то онъ махнетъ—такъ туто улица,
А назадъ-ту отмахнетъ—дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
Прибѣгала со всей со сбруей богатырскою:
И садился тутъ Михайло на добра́ коня,
Заводилъ онъ силы пересчитывать,
Пересчитывать тутъ силы съ крайчику,
Да полонить тѣ силы тутъ да съ края на́ край.
И поѣхалъ онъ къ царищу ко Уланищу,
И отсѣкъ царищу онъ да буйну голову,
Насадилъ онъ тую голову на ко́пье вострое.

---

[8]) т. е.: къ середину. — [9]) Ослядь—лѣсина и грядка телѣжныхъ пялъ (кузова).

Самъ о́нъ головы-то удивляется:
Вѣдь ушища-то у царища—быдто блюдища,
А глазища-то у царища—быдто чаши пивныя,
А носищо-то у царища—быдто палица боёвая.
Дакъ и ѣдетъ втогды Михайло по чисту́ полю.
И ходитъ туто старо старчищо Данилищо
Да со той ли со клюкою со желѣзною,
Еще тая-то клюка до сорока пудовъ,
Приметыватъ тулова-то [10]) человѣческа,
А старикъ-отъ самъ вѣдь приговариватъ:
—Ой же вы еси, уланове поганые,
—А убили у меня вы сына Михайлушка!—
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близъ его,
Да кричалъ ему онъ гласомъ громкіимъ:
„Что ты еще, старой, туто дѣлаешь?"
А отвѣтъ держалъ старо старчище Данилищо:
—Ой же ты, улановинъ поганые!
—Да подвинься-ко сюда да ко мнѣ старому,
—Дакъ разсѣку я тя клюкой и съ конемъ на-двое.—
А скричалъ Михайло гласомъ громкіимъ:
Еще громкіимъ онъ гласомъ да робечьіимъ:
„Стой-ко се ты, монахъ, да удержи клюку,
„Приздыни-тко [11]) ты свой колпакъ шелковые,
„Втогда да увидишь, кого надобѣть!"
Приздынулъ монахъ колпакъ шелковые;
Подъѣзжалъ втогда Михайло близъ его;
Тутъ во-первыхъ опозналъ своего бурушка,
Во-вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка:
—Ты куда, Михайло, ѣдешь, куда путь держи́шь?—
„Ѣду я, бачко, вѣдь во Кіевъ градъ.
„Былъ же я вѣдь, бачко, во несчастіи:
„Пересчитывалъ я силы вѣдь поганыя,
„Въ глубоки́ погре́бы падалъ — убитъ не былъ:
„Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
„Вѣдь послѣдовали къ Спасу многомилостливу!
„Да поди-тко ты, бачка, во монастырь пречéстные,
„Да моли-тко ты, моли Богу по-прежнему,
„А самъ-отъ я поѣду вѣдь во Кіевъ градъ".
Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами—
Чере́зъ стѣну́ заѣхалъ онъ городо́вую.
Черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную.
И вязалъ коня къ кольцу онъ золоченому.
Выходилъ втогда Владиміръ со Опраксіей,
И дивились головы-то тутъ улановой.
Дакъ втогда ужъ вотъ завелся тамъ почестенъ пиръ,
Что на всѣ князи пируха на бо́яра,
Да на всѣ и poлени́цы-ты удалыя.

Въ народныхъ эпическихъ произведеніяхъ нерѣдко являются герои, которые по пролитіи многой крови удаляются въ монастырь: таковы въ западно-европейскомъ эпосѣ Вальтеръ Аквитанскій, Геймиръ, Вильгемъ Оранжскій и др. Черта эта бралась изъ дѣйствительности. Русская жизнь особенно отличалась примѣрами постриженія послѣ бранныхъ подвиговъ. Въ эпосѣ такому постригшемуся воину обыкновенно приходится снова тряхнуть своею силою. Русскій богатырь Данилищо выведенъ также изъ своего монастырскаго затишья и готовъ снова окровавить руки, но дѣло не доходитъ до того, чѣмъ Данило и отличается отъ сходныхъ съ нимъ эпическихъ лицъ. Сынъ, передавая ему свои похожденія, приписываетъ счастливый ихъ исходъ молитвамъ отца, котораго посылаетъ опять въ честный монастырь молиться Богу по-прежнему; самъ же отправляется въ Кіевъ съ доброй вѣстью къ князю Владиміру [12]).

---

[10]) т. е.: переворачиваетъ тѣла (туловища) убитыхъ. — [11]) приподними. — [12]) См. О. Миллеръ. „Илья Муром.", стр. 694 и 697.

31.

Василій Игнатьевичъ[1]) *).

Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ-чудно́,
И видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ-дивно́:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красна дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ—а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева
И встрѣтили турицу, родну матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
„Здравствуй, турица, родна матушка!"
—Здравствуте, туры, малы дѣточки!
—Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?—
„Шли мы бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
„Мимо ту мимо стѣнку городовую,
„Мимо тѣ башни городовыя,
„И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
„И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
„И по той по стѣнѣ городовыя
„Ходитъ-гуляетъ душа красна дѣвица,
„Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
„Сколько ни читаетъ—вдвое плачетъ".
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
—Ужъ вы, глупые туры, златорогіе!
—Ничего вы, дѣточки, не знаете:
—Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
—А плакала стѣна мать городовая
—По той ли по вѣрѣ христіанскія:
—Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельё,
—Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ,
—И съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
—И съ зятемъ Тараканникомъ и съ Каранниковымъ,
—И съ думнымъ дьякомъ, воромъ-выдумщикомъ.—
У Батыги было силы набрано,
Набрано было силы, заправлено,
И было силы сорокъ тысячей;
И у сына Батыги Батыговича
Было силы тоже сорокъ тысячей:
И у зятя Тараканника Коранникова
Было силы тоже сорокъ тысячей;
И у думнаго дьяка вора-выдумщика
Было силы тоже сорокъ тысячей.
И не вешняя вода облеелѣла [2])

*) Рыбн. II, № 11 (отъ старика-калики Каргопольскаго у.).
[1]) или Казимировичъ. — [2]) т. е.: обливала.

Обступила кругомъ сила поганая:
Соколу кругомъ летѣть
Будетъ на меженній [3]) день.
И пишетъ Батыга князю со угрозою:
„Ты старый пёсъ, ты Владиміръ князь!
„Дай-ко мнѣ изъ Кіева поединщика,
„А не то дай-ко мнѣ ты Кіевъ градъ
„Безъ бою безъ драки великія,
„Безъ самаго большого кровопролитія“.
Закручинился князь, запечалился
Той тоской-печалью великою;
Богатыревъ-то во городѣ не случилося:
Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые на пески,
А Добрыня Никитовичъ на Воргановыхъ горахъ,
А Самсонъ былъ богатырь—тотъ въ дальнихъ городахъ,
А Алеша Поповичъ за синимъ моремъ гулялъ,
Никакого богатыря не пригодилося.
Газсказали князю голи кабацкія:
„Ты солнышко нашъ, Владиміръ князь!
„У насъ есть-то Василій сынъ Игнатьевичъ,
„И можетъ съ Батыгой поправиться;
„И пропилъ Васильюшко житье-бытье,
„Все житье-бытье и богачество,
„Теперь нечѣмъ Василью опохмелиться,
„И лежитъ нынѣ Василій въ кабакѣ на печи“.
И солнышко нашъ Владиміръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ
И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печи.
И соходитъ Васильюшко съ печки долой,
Съ лица зашелъ, поклонился князю:
„Солнышко нашъ Владиміръ князь!
„Ты не знаешь кручины моей великія‘
„У тебя есть кручина великая,
„А у меня горе-печаль еще больше твоей:
„Что трещитъ-то болитъ у меня буйная голова,
„И дрожитъ у меня жилье подколѣнное,
„Теперь нечѣмъ мнѣ, Василью, опохмелиться;
„Опохмель-ко меня чарою опохмельною,
„Тогда я со Батыгой поправлюся“.
И Владиміръ-князь столён-кіевскій
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Зеленаго вина полтора ведра,
Другую наливаетъ пива пьянаго,
Третью рюму меду сладкаго.
И составили питье въ одно мѣсто,
Становилося питья полъ-пята [4]) ведра,
И принимаетъ Василій единой рукой,
И выпиваетъ Василій на единый здохъ.
И заскочилъ-то Василій за стѣнку городовую,
И натягиваетъ Василій свой тугій лукъ,
И накладываетъ Василій калену стрѣлу,
И стрѣляетъ Василій ко Батыгѣ въ шатеръ:
И убилъ три головки, кои лучшенькія,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тараканника Каранникова
И убилъ думнаго дьяка-выдумщика.
И пишетъ Батыга князю со угрозою:
„Ты старый песъ, ты Владиміръ князь!
„Ты подай-ко мнѣ изъ Кіева виноватаго,
„У меня кто убилъ ровно три головы“.
И тотъ ли Василій сынъ Игнатьевичъ
Пошелъ по конюшнямъ кленовымъ,
Выбиралъ себѣ жеребчика неѣзженаго,
И садился на жеребчика неѣзженаго,
И пріѣзжаетъ Василій ко Батыгѣ на лицо.
И прощается [5]) Василій ко первой большой винѣ:
„Прости меня, Батыга, въ первой большой винѣ:
„Я убилъ три головки, кои лучшенькія,
„Опохмель-ко меня чарою похмельною,
„Пособлю я тебѣ взять славенъ Кіевъ градъ“.
На тѣ рѣчи Батыга понадѣялся,
Наливаетъ ему чару полтора ведра вина,
И другую наливалъ пива пьянаго,
И третью наливалъ меду сладкаго,

---

[3]) См. стр. 44, вып. 1. — [4]) т. е.: $4\frac{1}{2}$. — [5]) т. е.: просить прощенія.

И составили тутъ питье въ одно мѣсто,
И становилося питья полъ-пята ведра вина.
И принимается Василій единой рукой,
Выпиваетъ Василій на единый здохъ,
И говоритъ тутъ Батыгѣ таково слово:
„А и же ты, Батыга сынъ Сергѣевичъ!
„Дай-ко ты мнѣ силы сотенъ тысячей,
„Я пойду-подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ".
На тѣ рѣчи Батыга обнадѣялся,
Давалъ ему силы сорокъ тысячей.
И отъѣхалъ Василій прочь отъ Кіева,
И прибилъ-пригубилъ всѣхъ до единаго.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорѣло у Василья ретиво сердце,
И прибилъ-пригубилъ до единаго,
Да оставилъ Батыгѣ на сѣмена.
И уѣзжаетъ Батыга прочь отъ Кіева
Съ тою ли со клятвою великою:
„Не дай Богъ бывать болѣ подъ Кіевомъ,
„Ни мнѣ-то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
„Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ!"

* * *

Сильные могучіе богатыри во Кіевѣ;
Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ во Новѣградѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю-морю подошли;
Щелье-каменье въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подолы Олонецкіе...

„Въ этой грубой формѣ — въ лицѣ представителя той кабацкой голи, о которой такъ заботится Илья Муромецъ (см. стр. 24), народъ по-своему возвеличилъ свою годность при самомъ безпутствѣ: Васька-пьяница выручаетъ въ лихую годину родную землю" [6]).

---

[6]) О. Миллеръ. „Илья Мур.", стр. 692.

32.

Михайло Потыкъ*).

А и старый казакъ онъ Илья Муромецъ
А говоритъ Ильюша таково слово:
„Да а и же мои братьица крестовыи,
„Крестовыи то братьица названыи,
„А молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
„Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
„А ѣдь-ко ты, Добрыня, за синё море,
„Кори-тко ты языки [1]) тамъ невѣрныи,
„Прибавляй земельки Святорусскіи.
„А ты-то ѣдь еще, Михайлушка,
„Ко тыи ко корбы́ [2]) ко темныи,
„Ко тыи ко грязи́ ко черныи,
„Кори ты тамъ языки все невѣрныи,
„Прибавляй земельки Святорусскіи.
„А я-то вѣдь старикъ да постарше васъ,
„Поѣду я во далече еще во чистó поле,
„Корить-то я язы́ки тамъ невѣрныи,
„Стану прибавлять земельки Святорусскіи“.
Какъ тутъ-то мóлодцы да поразъѣхались:
Добрынюшка уѣхалъ за сине море,
Михайла онъ уѣхалъ ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,
Къ царю онъ къ Вахрамею къ Вахрамееву.
Ильюшенька уѣхалъ во чистó поле,
Корить-то тамъ языки все невѣрныи
А прибавлять земельки Святорусскіи.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тоё на дáлече на чистó поле,
Раздернулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатеръ,
А бѣлъ шатеръ еще бѣлополотняный.
Тутъ-то онъ Михайлушка раздумался:
—Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
—Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
—А томному молодцу мнѣ голодному;
—А лучше молодецъ я поѣмъ-попью.—
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лёгъ.
Какъ у того царя Вахрамея Вахрамеева
А была-жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья Лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходитъ что на выходы высокіи,
А смотритъ какъ во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё:
Углядѣла-усмотрѣла во чистóмъ поли,
Стоитъ-то тамъ шатеръ бѣлополотняный,

---

*) Гильф. № 52 (отъ Никифора Прохорова въ Пудогѣ).
[1]) Покоряй народы. — [2]) Корба—лѣсъ.

Стоитъ тамъ шатеръ еще смахнется,
Стоитъ шатеръ тамъ еще размахнется,
Стоитъ шатеръ еще вѣдь ужъ сойдется,
Стоитъ шатеръ тамъ еще разойдется.
Какъ смотритъ эта Марья Лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:
„А это есте здѣ да русскій богатырь же".
Какъ бросила тутъ трубоньку подзорнюю,
Приходитъ тутъ ко родному ко батюшку:
„Да а и же ты да мой родной батюшко,
„А царь ты Вахрамей Вахрамеевичъ!
„А далъ ты мнѣ прощенья-благословлень-
ица
„Летать-то мнѣ по тихіимъ заводямъ,
„А по тымъ по зеленыимъ по затрясьямъ [3]),
„А бѣлой лебедью три году.
„А тамъ я налеталась-нагулялася,
„Еще вѣдь я наволевалася [4])
„По тыимъ по тихіимъ по заводямъ,
„А по тымъ по зелёныимъ по затрясьямъ,
„А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
„А друго ты еще мнѣ-ка три году
„Ходить-гулять-то во далечемъ мнѣ во чи-
стомъ поли,
„А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой".
Какъ онъ опять на то ей отвѣтъ держить:
—Да ахъ же ты да Марья Лебедь бѣлая,
—А и же ты да дочка-то царская мудрё-
ная!
—Когда плавала по тихіимъ по заводямъ,
—По тымъ по зеленыимъ по затрясьямъ,
—А бѣлой ты лебедушкой три году,
—Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
—А друго-то еще три да три году,
— А тожно [5]) тутъ я тебя замужъ отдамъ. —
Какъ тутъ она еще поворотилася,
Батюшку она да поклонилася.
Какъ батюшко да даваетъ ей нянекъ-ма-
мокъ тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этыхъ вѣрныихъ служано-
чекъ.
Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка
Во далечо она во чисто поле,
Скорымъ-скоро, скоро да скорёшенько,
Не могутъ за ней тамъ гнаться няньки
ты,
Не могутъ за ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эты всѣ да оставаются.
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
„Да а и же вы мои ли вы нянюшки!
„А вы назадъ теперь воротитесь-ко,
„Не нагоняться вамъ со мной красной дѣ-
вушкой".
Какъ нянюшки вѣдь ей поклонилися,
Назадъ оны обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья Лебедь бѣлая
Выходитъ тутъ она ко бѣлу шатру.
Какъ у того шатра бѣлополотняна,
Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю [6]) добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьемъ-то мять [7])
Въ матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ ото сну богатырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чуло-
чикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на всѣ стороны,
А никого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
—Да а и ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
—А что же ржешь ты да копьёмъ-то мнешь
—А во тую во матушку сыру землю,
—Треложишь ты россійскаго богатыря?—
Какъ взглянетъ на другую шатра еще
другу сторону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ она ему воспроговоритъ:
„А и же ты удалой доброй молодецъ!
„Не знаю я тебя да ни имени,
„Не знаю я тебя ни изотчины.
„А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
„Король ли ты да королевичъ есть?
„Столько знаю да ты русской-то богатырь
здѣсь.

3) т. е.: по трясинамъ. — 4) т. е.: волей пользовалась. — 5) Тожно—тогда. — 6) её. — 7) Копье—копыто.

„А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
„А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашіи,
„Не вашей-то вѣдь вѣры есть, — поганая.
„А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
„Ты возьми, сади на добра́ коня,
„А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
„А проведи во вѣру во крещеную,
„А тожно ты возьми-тко меня за себя́ замужъ“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайло сынъ Ивановъ былъ
Садилъ онъ-то къ себѣ на добра́ коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ;
А приводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли оны тутъ златы вѣнцы,
Какъ писали оны заповѣдь великую:
Который-то у ихъ да наперёдъ умретъ,
Тому итти въ матушку сыру землю на три году
Со тымъ со тѣломъ со мертвыимъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей наживать.

По варіанту у Кирши Данилова встрѣча Потока съ Лебедью передана такъ: На пиру князь Владиміръ послалъ Потока настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ къ его столу княженецкому.

Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ—
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
Онъ будетъ у моря синяго,
По его по счастки великія
Привалила птица къ круту берегу.
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго
Посмотрѣть на тихія заводи—
И увидѣлъ бѣлую лебедушку.
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.
Вынимаѣтъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука.
А и чуть было спустить калену стрѣлу—
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
„А и ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
„Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
„Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ“.
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулась душой красной дѣвицей.
А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Воткнулъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Схватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривала:
„А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
„Хотя ты на мнѣ и женишься,
„А кто изъ насъ прежде умретъ,
„Второму за нимъ живому во гробъ итти“.

***

Да тутъ затымъ князь тотъ стольно-кіевскій
Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всѣхъ могучихъ богатырёвъ.
Какъ всѣ-то о́ны на́ пиръ собираются,
А всѣ тутъ на пиру наѣдаются,
А всѣ тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ оны тамъ пьянёшеньки,
А стали всѣ оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пиръ, братцы, при весели.

Какъ тутъ-то вѣдь не ясные соколы
Во чистóмъ полѣ еще разлеталися,
Такъ русійскіе могучіе богáтыри
Въ одно вмѣсто съѣзжалися
А на тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чистá поля,
Хвастаетъ Ильюшенка, спроговóритъ:
—А былъ-то я еще во чистóмъ полѣ,
—Корилъ-то я языки все невѣрные,
—А прибавлялъ земельки Святорусскія.—
Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
„А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
„Корилъ тамъ я языки все невѣрные,
„А прибавлялъ земельки Святорусскія".
Какъ ино что Михайлушка да чѣмъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло, думу думаетъ:
—Какъ я, у меня нунчу у молодца
—Получена стольки́ есть молода жена.
—Безумной-отъ сынъ хвастатъ молодой женой,
—А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой.—
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
—Какъ былъ-то я у корбы [8]) у темныя
—А у тыи у грязи я у черныя,
—А у того царя я Вахрамея Вахрамеева,
—Корилъ-то я языкушки невѣрные,
—А прибавлялъ земельки Святорусскія.
—Еще-то я съ царемъ тамъ во дру́гіихъ
—Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
—А въ дóроги тавлеи золоченыя;
—Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
—Безсчетной-то еще-то золотой казны,
—А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ,
—Повёзъ-то я казну да во Кіевъ градъ;
—Какъ отвозилъ я ю на чистó поле,
—Какъ оси-ты телѣжныя желѣзны подломилися,
—Копалъ-то тутъ я погребы глубокіе,
—Спустилъ казну въ пóгребы глубокіе.—

На ту пору еще на то времячко
Изъ Кіева тутъ дань поспросилася
Къ царю тутъ къ Вахрамею къ Вахрамееву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы что за нунѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, всѣ бóяра;
А тотъ ли этотъ князь стольно-кіевской
Какъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
„Да а и же вы, бояра вы мои всѣ кіевски,
„Русійски все могучіе богатыри!
„Когда нунь у Михайлушка казна еще
„Повыиграна съ царя съ Вахрамея Вахрамеева,
„Такъ нунечку еще да топеречку
„Изъ Кіева нунь дань поспросилася
„Царю тутъ Вахрамею Вахрамееву—
„Пошлемъ-то мы его да туды-ка-ва
„Отдать назадъ безсчетна золота казна,
„А за двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы что за нунѣшній".
Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу на Пóтыка
Всѣ князи тутъ бояра кіевски,
Всѣ русійскіе могучіе богáтыри.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы [8]) ко темныя
А ко тыи ко грязи ко черныя,
Къ царю онъ къ Вахрамею Вахрамееву.
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю онъ къ Вахрамею Вахрамееву,
А заѣзжалъ на его да на широкъ дворъ,
А становилъ онъ добрá коня вѣдь середь широка дворá,
Ко тому столбу ко точеному,
А привязалъ къ кольцу къ золоченому.
Насыпалъ коню онъ пшены бѣлояровой,
Самъ онъ шелъ вѣдь тутъ по новымъ сѣнямъ,
А заходитъ въ палату во царскую
Къ царю онъ къ Вахрамею Вахрамееву.

[8]) т. е.: лѣсу.

Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ державъ,
Клонится Михайло на всѣ стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамею въ особину:
—Здравствуй, царь ты Вахрамей Вахрамеевичъ!—
„Ахъ здравствуй-ко удалый доброй молодецъ!
„Не знаю я тебѣ да ни имени,
„Не знаю я тебѣ ни изотчины.
„А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
„Ли король, ли ты королевичъ есть,
„Али съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
„Аль грозной есть посолъ ляховитскій,
„Аль старой казакъ ты Илья Муромецъ?“
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
—Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
—А не король-то я, не королевичъ есть,
—Не изъ тиха́ Дону́ не донской казакъ,
—Не грозной я посолъ ляховитскій былъ,
—Не старой я казакъ Илья Муромецъ.
—А есть-то я изъ города изъ Кіева
—Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ.—
„Зачѣмъ же ты, Михайло, заѣзжалъ сюда?“
—Зашелъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
—А царь ты Вахрамей Вахрамеевичъ,
—А я слыхалъ—скажутъ ты охочь играть
—Да въ доски-ты шахматны,
—А въ до́роги тавлеи золоченыя,
—А я-то вѣдь еще ужъ такъ же бы.
—Поиграемъ-ко въ доски мы шахматны,
—Въ до́роги тавлеи золоченыя.
—Да ахъ же ты царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
—Насыпь-ко ты да безсчетной золотой казны
—А сорокъ телѣгъ да ордынскіихъ.—
Какъ онъ тутъ Михайлушко спрого́воритъ:
—Ахъ ты царь же Вахрамей Вахрамеевичъ!
—А бью я о головкѣ молодецкія,
—Какъ я тебѣ буду служить да слугою вѣрною
—А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
—За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ.—
Какъ этотъ-то царь Вахрамей Вахрамеевъ былъ
Охочь играть во доски ты шахматы
А въ до́роги тавлеи золоченыя,
Всякаго-то вѣдь онъ да по́игралъ.
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ мнѣ молодца да повыиграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали оны по дощечкѣ ходить-гулять.
А тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не до́ступилъ,
А другой какъ ступилъ — самъ приза́ступилъ,
А третій что ступилъ—его по́игралъ,
А выигралъ безчетну золоту казну
А сорокъ-то телѣгъ—тыхъ ордынскіихъ.
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
—Да ахъ ты царь Вахрамей Вахрамеевичъ!
—Топеречку еще было нунечку
—Дань изъ города изъ Кіева спросилася.
—Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ
—Какъ эта безсчетна золота казна,
—А за двѣнадцать годъ за прошлые что годы что за нунѣшній,
—Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотилася.—
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамею Вахрамееву
А стало зарко есть, раззадорило,
Стало жаль безсчетной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
„А молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
„Насыплю я безсчетной золотой казны
„А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
„А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
„А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ“.
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкія,
Наставили тутъ доску-ту шахматню,

Какъ начали оны тутъ ходить-гулять
По тыи дощечки по шахматной,
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій-то ступилъ, его и по́игралъ,
Какъ выигралъ безчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамей Вахрамеевичъ
Воспроговоритъ опять онъ таково слово:
„Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
„Во тыи во дощечки во шахматни.
„Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ
„А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
„А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
„А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
„А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлые что годы что за нунѣшній,
„А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
„А ты бей-ко о головки молодецкіи,
„Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
„А будь ты мнѣ служить да до смерти-то“.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головкѣ молодецкія,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощечку тутъ шахматню.
А и тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ — самъ приза́ступилъ,
А третій какъ ступилъ — его и по́игралъ,
Выигралъ безчетну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времячко
А налеталъ тутъ голубь на окошечко,
Садился-то тутъ голубь со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затымъ выговаривать
А тымъ а тымъ языкомъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играшь, молодецъ, да прохлаждаешься,
— А надъ собой невзгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена
— А тая-то вѣдь Лебедь бѣлая преставилась. —
Скочилъ тутъ какъ Михайло на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ.
А во палаты тутъ да во царскія,
А терема всѣ тутъ пошаталися,
Хрустальныя оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра всѣ мертвы лежатъ,
А царь тотъ Вахрамей Вахрамеевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ раскоракою.
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ахъ молодой Михаило По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Оставь ты мнѣ бояръ хоть на сѐмена,
„Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ“.
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамей Вахрамеевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчетну золоту казну
— Во стольній-отъ городъ да во Кіевъ-градъ. —
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Сѣдлаетъ, самъ выговариваетъ:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А нёсъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунь домой меня во три́ часу. —
Приправливалъ Михайлушка добра́ коня,
Пошелъ онъ поскакалъ его добрый конь
Рѣки-ты, озёра перескакивать,
А темной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ.
Пришелъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришелъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три часу.
Разсѣдлывалъ коня тутъ разуздывалъ,
А насыпа́лъ пшены бѣлояровой,

А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіе,
Закричалъ Михайло во всю голову:
—Да а и же мои братьица крестовые,
—Крестовые вы братьица названые,
—А и старый казакъ ты Илья Муромецъ,
—А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
—А подьте-тко вы къ брату крестовому
—А на тую на думушку великую.—
Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то оны удалы снаряжалися,
Приходятъ оны къ брату крестовому,
Къ мо́лоду Михайлы да къ По́тыку:
„А и же братъ крестовый нашъ названый!
„А ты чего кричишь, насъ треложишь ты,
„Русійскихъ могучихъ насъ богатыревъ?"
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
—Да а и же мои братьица крестовые,
—Крестовые вы братьица названые!
—Стройте вы колоду бѣлоду́бову,
—Итти-то мнѣ во матушку во сыру землю
—А со тыимъ со тѣломъ со мёртвымъ,
—Итти-то мнѣ туды да на три году,—
—Чтобы можно класть-то хлѣба-соли, воды да туды-ка-ва,
—Чтобы было тамъ мнѣ на три году запасу-то.—
Какъ этыи тутъ братьица крестовые
Скоры́мъ-скоро́, скоро́ да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлоду́бову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ трои-ты клёща-ты,
А трои прутья еще да желѣзные,
А трои еще прутья оловянные,
А третьи напослѣдъ еще мѣдные.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлодубову
А со тыимъ со тѣломъ со мертвымъ,
Какъ братьица крестовы тутъ названые
Да на́били оны обручи желѣзные
На тую колоду бѣлоду́бову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую во субботу въ христовскую,
Какъ тутъ эты старый казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А братья что крестовые названые,
Копали погребъ тутъ оны глубокій,
Спустили ихъ во матушку во сыру́ землю,
Зарыли-то ихъ во желты пески.
Какъ тамъ была змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подземелью,
Приходитъ къ той колоды бѣлодубовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дёрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Дру́гой-отъ разъ еще она и дернула
А со тыи колоды бѣлодубовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ клещи желѣзныя.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Третій еще разъ она дернула,
Остатній-то рядъ она сдернула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказалися,
Да тутъ тая змѣя зрадова́лася:
„А буду-то я нуньчу сытая,
„Сытая змѣя не голодная.
„Одно есть тѣло да мертвое,
„Друга жива головка человѣческа".
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю [9]) во клёщи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзные,
А почалъ бить поганую ю въ одноконечную [10]).
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу воду да въ три году".
Какъ бьет то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

---

[9]) т. е.: её. — [10]) т. е.: безъ перерыва.

„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А я принесу я ти живу воду да въ двагоду".
—Да нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу-то я тебѣ живу воду́ въ одинъ-то годъ".
А расхлысталъ онъ прутья-то желѣзные
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянные,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу тебѣ живу воду́ я въ полъ-году".
—А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу́ воду́ въ три мѣсяца".
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу воду́ въ два мѣсяца".
—А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А расхлысталъ онъ прутья оловянные,
Хватилъ-то онъ прутья да мѣдные,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу воду́ а въ мѣсяцъ то".
—А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу я ти живу воду́ въ недѣлю-то".
—А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать!—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„А принесу я ти живу воду́ въ три-то дня".
—А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Принесу я ти живу воду́ въ два-то дня".
– А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
„А принесу живу воду́ въ одинъ-то день".
—А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
„Принесу я ти живу воду́ въ три́ часу".
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Какъ этую змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себѣ змѣёнышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣей со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзе́мелью.

Принесла она живу воду въ три часу.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ
былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
А какъ раздернулъ-то змѣёныша на-двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ одно́ мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
Какъ сросся-то змѣёнышъ, сталъ по-старому;
А въ другiихъ помазалъ—шевелился онъ,
А въ третьiихъ-то збрызнулъ—побѣжалъ-то какъ.
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
—А и ты змѣя да поганая!
—Клади же ты да заповѣдь великую,
—Чтобы ти не́ ходить по подземелью,
—А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мертвыихъ,—
Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подземелью
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мертвыихъ,
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ
былъ
Збрызнулъ эту Марью Лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздрогнула.
Какъ другой разъ збрызнулъ — она сидя сѣла-то,
А въ въ третьiихъ-то онъ збрызнулъ - она повыстала
А далъ воды-то въ ротъ – она заговорила-то:
—Ахъ, молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
—А долго-то я нунечну спала-то.—
„Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
„А ты вѣдь да Марья Лебедь бѣлая“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка раздумался,
А какъ бы имъ повыйти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, думалъ онъ,
И закричалъ Михайло во всю голову.
Какъ этое дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки христосскiя.
Какъ ино вѣдь народъ еще прiуслухались:
А что это за чудо за диво есть,
Мертвые въ земли закричали всѣ.
Какъ этыи тугъ братьица крестовые,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто оны сходилися,
Сами тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
—А видно нашъ есть братецъ былъ крестовый,
—А стало душно-то ему во матушкѣ сырой землѣ
—А со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ,
—А онъ кричитъ вѣдь тамъ — громкимъ голосомъ.—
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныя,
Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
Разрыли какъ оны тутъ желты пески,
Ажно тамъ оны да обы живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть.

* * *

Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всей орды, по всей земли, по всей да селенныя,
Какъ есть-то есте Марья Лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрёна она дочка безсмертная.
Какъ на эту на славушку великую
Прiѣзжаетъ туть этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ
А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кiевъ градъ.
Какъ на ту пору было на то времячко
Богатырей тутъ дома не случилося,
Столько тутъ дома да случился
Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушко сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далече еще во чисто́ поле
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три́ часу.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то легъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ прохлаждается,
А надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ,
Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А въ тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
„Да а и же ты да Марья Лебедь бѣлая!
„А ты поди-ко, Марья, за меня заму́жъ,
„А за царя ты за Ивана за Окульева“.
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
„А ты поди сюда за меня заму́жъ,
„А будешь слыть за мной ты царицею,
„А за Михайломъ будешь слыть не царицею.
„А будешь-станешь слыть портомойница
„У стольнаго у князя у Владиміра“.
Какъ тутъ она еще да подумала:
—А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
—А лучше буде слыть мнѣ царицею
—А за ты́мъ за Иваномъ Окульевымъ.—
Какъ ино тутъ она еще на то укидалася,
Позвалась, пошла за его замужъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло, прохлаждается,
А ничего Михайлушка не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь была любима́ семья,
А еще она Марья Лебедь бѣлая,
Заму́жъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Какъ тутъ-то его братьица пріѣхали
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
„Да а и же мои братьица крестовые,
„Крестовые вы братьица названые!
„А гдѣ-то есть моя молода жена,
„А тоя-та вѣдь Марья Лебедь бѣлая?“
Какъ тутъ ему оны воспрого́ворятъ:
—Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
—Твоя-то тамъ есте молода жена
—Она была вѣдь нунечку заму́жъ пошла
—А за царя-то за Ивана за Окульева.—
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
„А и же мои братьица крестовые!
„Поѣдемте мы, братьица крестовые!
„Поѣдемте мы, братьица, за имъ слѣдъ съ угоною“.
Говорятъ ему таково слово:
—Да а и же ты нашъ братецъ крестовый былъ!
—Не честь-то намъ хвала мо́лодцамъ
—А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
—Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тобя,
—Такъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною.—
—А ѣдь-ко ты единъ добрый молодецъ,
—А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай.
—А застанешь ты вѣдь ихъ на чисто́мъ полѣ,
—А отсѣки ты тамъ царю да головушку.—
Поѣхалъ тутъ Михайло слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чисто́мъ полѣ.
Какъ этая тутъ Марья Лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку По́тыка
Какъ тутъ скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныихъ.
Подходитъ тутъ къ Михайлы да къ По́тыку:

„Ахъ мо́лодъ-то ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Меня сило́мъ везётъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
„Какъ выпей-ко ты чару зелена вина
„Со тоски досады со великія“.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
А по другой да тутъ душа горитъ,
Другую-то онъ выпилъ, да вѣдь третью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ до-пьяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья Лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А отсѣки Михайлы ты головушку“.
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
—Да ахъ же ты да Марья Лебедь бѣлая!
—Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
—А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
—А лучше онъ проспится-протверезится,
—Такъ буду я бить его силою,
—Силою я войскомъ великіимъ,
—А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала.—
Какъ тутъ она еще да скорымъ-скоро́
Приказала-то слугамъ она вѣрныимъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ей тутъ да вѣрные
Копали оны яму глубокую.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайлу во сыру землю,
А приказала-то зарыть его въ песочки желтые.
Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чисто́мъ полѣ.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовые,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ.
А старый казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Самы какъ говорятъ промежу собой:
„А нѣтъ жива́-то-братца же крестоваго.
„Крестоваго-то братца названаго,
„Молода Михайлушки По́тыка.“
Садились тутъ оны на добрыхъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ оны по чисту полю,
Михайлинъ еще конь напередъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьемъ то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эты братьица крестовые:
„А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ
„А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ“.
Какъ тутъ-то вѣдь оны да скорымъ-скоро́
Копали эту яму глубокую,
А онъ-то тамъ проспался, прохмелился, протверезился.
Скочилъ-то тутъ Михайло на рѣзвы ноги,
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
—А и же мои братьица крестовые!
—А гдѣ-то есте Марія Лебедь бѣлая?—
Говорятъ тутъ братья таково слово:
„А тая-то вѣдь Марья Лебедь бѣлая
„Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
„А за прекраснаго царя да за Окульева.
„Поѣдемте мы, братьица, съ угоною.—
Какъ говорятъ оны тутъ таково слово:
„Не честь-то намъ хвала молодецкая
„А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
„А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
„Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чисто́мъ полѣ,
„А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
„А отсѣки царю ты буйну голову,
„Возьми къ себѣ ты Марью Лебедь бѣлую“.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется,
Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
Засталъ-то ихъ опять на чисто́мъ полѣ,
А у тыхъ ро́зстанокъ у крестовскіихъ,
А у того креста Леванидова—

Увидла тая Марья Лебедь бѣлая
Молода Михайлу тутъ По́тыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
—А и же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
—А не отсѣкъ Михайлы буйной го́ловы,
—А отсѣкетъ Михайло ти головушку.—
Какъ тутъ она опять скорымъ-скоро́
А налила питей еще сонныихъ,
Подноситъ-то Михайлушки По́тыку,
Подноситъ-то, сама уговариватъ:
—А какъ меже́нный[11]) день не можетъ живъ-то быть,
—Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
—А такъ я безъ тобя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
—А не могу-то я ни ѣсть, ни пить,
—Ни ѣсть, ни пить, не могу больше жива быть
—А безъ тебя, молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
—А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
—А выпей-ко ты чару зелена вина.—
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ—по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ—самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья Лебедь бѣлая
А говоритъ-промолвитъ таково слово:
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
—А отсѣки Михайлы буйну голову,
—Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися.—
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
„Ай же ты Марья Лебедь бѣлая!
„А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
„А пусть-ко онъ проспится, прохмелится, протверезится,
„А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
„А рать-то я вѣдь силушкой великою".
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
—Прибьетъ-то вѣдь силу-ту великую.—
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья Лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ бросила Михайлу чере́зъ плечо,
А бросила, сама выговариватъ:
—А гдѣ-то былъ уда́лой добрый молодецъ,
—А стань-то бѣлъ горючій камешокъ,
—А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли три́ году,
—А черезъ три́ году поди-ко онъ скрозь матушку скрозь сыру землю.—
Поѣхали оны тутъ впередъ опять,
А пріѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовые,
Старый казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Молода Михайлы По́тыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежу собой:
„А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
„Молода Михайлу По́тыка Иванова".
Какъ справились оны тутъ каликамы,
Идутъ оны путёмъ да дорожкою,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
—А здравствуйте-тко, братцы добры молодцы,
—А старый казакъ ты Илья Муромецъ,
—А молодой Добрынюшка Микитиничъ!—
А онъ-то ихъ знаетъ, да оны не знаютъ кто:
„А здравствуй-ко ты еще дѣдушко".
—А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
—А возьмите-ко вы, братцы, во товарищи,
—Во товарищи вы возьмите въ атаманы вы.—
Какъ тутъ-то оны вѣдь думу думаютъ,
Самы то говорятъ промежу собой:
„Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,

[11]) Меженный — долгій, лѣтній.

„А гдѣ ему да гнаться за намы-то“....
„А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарища“.
Пошелъ рядомъ съ има́ тутъ дѣдушко,
Пошелъ рядомъ, еще напередъ-то ихъ.
А стали оны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду его держать-то,
Какъ тутъ пришли въ землю въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамеевной.
Какъ стали тутъ оны да рядомъ еще
Закричали тутъ оны во всю голову:
—Ахъ же ты да Марья Лебедь бѣлая,
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
—А дайте намъ злату еще мило́стыню спасеную.—
Какъ тутъ-то въ земли Сарацинскія
Теремы́ во царствѣ пошаталися,
Хрустальнія оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по поясу бросалася
А этая-то Марья Лебедь бѣлая
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотритъ, что сама воспрого́воритъ:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А это не калики, есте русскіе бога́тыри:
„Старый казакъ Илья Муромецъ
„А молодой Добрынюшка Микитичъ онъ,
„А третій я не знаю какой-то е.
„Возьми каликъ къ себѣ, ты корми-пои“.
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны
А во тую палату во царскую,
Кормили-то поили каликъ оны досыти,
А до́сыти кормили ихъ да до́пьяна,
А на́дали имъ злата тутъ, се́ребра,
Насыпали-то имъ да по по́дсумку.
Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы.
Къ стольному ко городу ко Кіеву,
А о́тошли отъ царства ровно три версты,
Забыли оны братца что крестоваго,
А молода Михайлу По́тыка Иванова.
Какъ отошли оны, затымъ вспомнили:
—Зачѣмъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
– Забыли-то мы братца-то крестоваго,
—Молода Михайлу По́тыка Иванова.—
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Самы́ тутъ говорятъ таково слово:
—А и же ты да Марья Лебедь бѣлая!
—Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
—А молода Михайлушку По́тыка?—
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчать-то имъ таково слово:
„А вашъ-то есте братецъ крестовый—
„Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскіихъ,
„А у того креста Леванидова,
„А бѣлыимъ горючіимъ камешкомъ“.
Какъ тутъ оны поклонились воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
—А и же вы да братья все крестовые!
—Прошли да вы что братца есть крестоваго,
—А мо́лода Михайлу По́тыка Иванова.—
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводитъ этыхъ братьицовъ крестовыихъ
Ко тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
„А скидыва́йте-ко вы, братцы, съ плечь по́дсумки,
„А кладьте вы еще на сыру землю,
„А высыпайте вы да злато-се́ребро,
„А сыпьте-тко все вы въ одно мѣсто“.
Какъ высыпа́ли злато они се́ребро
А со тыихъ со тыхъ да со по́дсумковъ,
А сыпали оны тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ тутъ старичокъ живота дѣлить,
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
—А и же ты да дѣдушко древній былъ!
—А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,

—А на четыре-то части не ровно́-то бы?—
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
„А кто-то этотъ здынетъ да камешокъ,
„А кинетъ камень чере́зъ плечо,
„Тому двѣ кучи да злата-се́ребра“.
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А приздыну́ть тотъ камешекъ горючій.
Скочилъ то тутъ Добрынюшка Микитинъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здыну́лъ его,
Здыну́лъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не могъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здыну́лъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то онъ камешокъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку приговаривалъ:
„А гдѣ-то былъ горючій бѣлый камешокъ,
„А стань-ко тутъ уда́лый добрый молодецъ,
„А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
„Подлегчись-ко, Михайлушка, легки́мъ-легко!“
Взималъ-то онъ да кинулъ чере́зъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрого́воритъ:
„А и же вы бога́тыри русскіе!
„А я-то есть Микола Можайскій,
„А я вамъ пособляю за вѣру-отечество,
„А я-то вамъ есть русскіимъ бога́тырямъ“.
Да столько оны видли старичка тутъ бы.
Какъ строили оны тутъ часовенку
Тому оны Миколы Можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:
—Ахъ же мои братьица крестовые!
—А гдѣ-то есть моя молода жена,
—А тая-то вѣдь Марья Лебедь бѣлая?—
Какъ говорятъ оны таково слово:
„Твоя-та еще есть молода жена
„Заму́жъ пошла за царя за Ивана за Окульева“.
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
—Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною.—
Какъ говорятъ оны таково слово:
„Не честь-то намъ хвала молодецкая
„Итти за чужой-то женой вѣдь за бабьею.
„Какъ мы-то за тобой, добрый молодецъ,
„Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угонею.
„Подитко-ты одинъ, добрый молодецъ,
„А ничего не слѣдуй-ка, не спрашивай,
„А отсѣки царю ты буйну голову,
„Тутъ возьми ты Марью Лебедь бѣлую“.
Какъ скоро шелъ Михайла онъ По́тыкъ-тотъ
А приходилъ въ землю Сарацинскую;
Идетъ-то онъ къ палаты ко царскія.
Увидла тая Марья Лебедь бѣлая,
Какъ налила питей она сонныихъ
А тую эту чару зелена́ вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
—А не отсѣкъ Михайлы буйной головы,
—А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ.—
Какъ тутъ она подходитъ близёшенько,
А клонится Михайлы понизёшенько:
—Ахъ ты молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
—Сило́мъ увезъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
—Какъ нунечку еще было теперечку
—Межённый[12]) день не можетъ живъ-то быть
—А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
—А такъ я безъ тебя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,

[12]) См. стр. 129.

—А не могу-то я да вѣдь жива быть,
—А жива быть, не могу-то ѣсть, ни пить,
—Топерь твои уста были печальнія,
—А ты-то вѣдь въ великой во кручинушкѣ,
—А выпей-ко съ тоски ты со досадушки
—А нунечку какъ чару зелена вина.—
Какъ выпилъ-то онъ чару—по другой душа горитъ,
А другу выпилъ—еще третью слѣдъ—
Напился тутъ Михайлушка до-пьяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья Лебедь бѣлая
А говоритъ-промолвитъ таково слово:
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
—А отсѣки Михайлы буйну голову.—
А говоритъ-то царь таково слово:
„Да а и же ты да Марья Лебедь бѣлая!
„Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
„А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
„А лучше пусть проспится, прохмелится, протверезится,
„А буду бить его я вѣдь войскомъ тымъ
„А силушкой своей я великою.
„Какъ я его побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
„По всей орды еще да селенныи“.
Какъ тутъ-то эта Марья Лебедь бѣлая
Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ она да вѣдь пять гвоздовъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пазухи,
Стащила что къ стѣны-то городовыи,
Распялила Михайлу она на стѣну,
Забила ему въ ногу да гвоздь она,
А въ другую забила другой она,
А въ руку-то забила она, въ другу такъ,
А пятой-отъ гвоздь она обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣло лицо,
Облился-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А было-то сестрица да родная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣны къ городовыи,
А смотритъ—тутъ задернута черная завѣса,
Завѣшанъ тутъ Михайлушко Потыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь завѣсы отдернула,
А смотритъ на Михайлушку Потыка.
Какъ тутъ онъ прохмелился добрый молодецъ,
Какъ тутъ ему она воспроговоритъ:
—Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
—Возьмешь ли ты меня за себя замужъ?
—А я бы-то тебя да избавила
—А отъ тыи отъ смерти безнапрасныи.—
„Да а и же ты Настасья Окульевна!
„А я тебя возьму за себя замужъ“.
А клалъ-то онъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скорымъ-скоро бѣжала въ кузницу,
Взимала она клещи тамъ желѣзныя,
Отдирала отъ стѣны городовыи
А молода Михайлушку Потыка.
Взимала тамъ она съ тюрьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣку городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка Потыкъ тотъ,
А утащила тутъ Михайлышку Потыка
Въ особый-то покой да въ потайный.
Какъ взяла она надобей здравыихъ,
Скорымъ-скоро излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говоритъ таково слово:
—А и же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
—А набъ-то тебѣ латы и кальчуги нунь,
—А набъ-то тебѣ сабля-та вострая,
—А палица еще богатырская,
—А набъ-то тебѣ да добра коня?—
„А и же ты Настасья Окульевна!
„А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь“.
Какъ тутъ она да скорымъ-скоро-скорешенько
Приходитъ да къ родному братцу-то;
—А и же ты мой братецъ родимый,
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
—А я-то красна дѣвушка нездрава е.
—Ночесь мнѣ во снѣ-видѣньи казалось ли,
—Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра коня,

—А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
—А палицу еще богатырскую,
—Саблю да во-третьiихъ вострую,
—Да здрава-то бы стала красна дѣвушка.—
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Даваетъ въ третьiихъ саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась-обладилась,
Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отѣзжала тутъ она на чисто́ поле,
Говорила-то Михайлушкѣ По́тыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай[13]) еще:
—Приди-ко ты, Михайла, на чисто́ поле,
—А дамъ я тебѣ тутъ добра коня,
—А дамъ я тебѣ латы-кольчуги всѣ,
—А палицу еще богатырскую,
—А саблю еще дамъ я ти вострую.—
А отходилъ Михайла на чисто́ поле,
А прiѣзжатъ Настасья-то Окульевна
На тоё на то на чисто́ поле
А ко тому Михайлушкѣ къ По́тыку,
А подаватъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскiи,
А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился[14]) тутъ Михайлушка бога́тыремъ.

Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скорымъ-скоро́,
Приходитъ-то ко ро́дному братцу-то:
—Благодаримте тебя, братецъ мой родимый!
—А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добра́ коня,
—А палицу ты мнѣ богатырскую,
—А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
—А съѣздила я вѣдь прогуляласи,
—Стала здрава я вѣдь нуньчу красна дѣвушка.—
Сама она подвыстала на печку тутъ.

Какъ ѣдетъ молодой По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоёмъ на томъ добро́мъ конѣ·
Увидла тая Марья Лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжалъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тыи палаты ко царскiи;
Какъ говоритъ-то Марья Лебедь бѣлая:
—Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
—Сгубила насъ сестра твоя ро́дная,
—А та эта Настасья Окульевна.—
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущалася.
Какъ тая эта Марья Лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А нашла она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушкѣ По́тыку:
—Ахъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
—Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку
—Не можетъ-то меже́нный день а жить-то быть,
—А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
—А такъ я безъ тобя, а мо́лодой Михайла сынъ Ивановичъ,
—Не могу-то я вѣдь жи́ва быть,
—Ни ѣсть, ни пить, ни жи́ва быть.
—Какъ теперь твои уста нунь печальнiя,
—Печальнiя уста да кручиннiя,
—А выпей-ко ты чару зелена́ вина
—Со тыи тоски со досадушки,
—А со досады съ той со великiи.—
А проситъ-то она во слезахъ его,
А во тыхъ во слезахъ во великiихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка По́тыкъ онъ
Занёсъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толнула она его подъ руку,—
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

[13]) т. е.: тайно. — [14]) т. е.: одѣлся.

Напередъ отсѣкъ-то Марьѣ буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву,—
А только-то вѣдь имъ тутъ славы поютъ,—
А придалъ-то онъ имъ да горькую смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,
А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замужъ;
Пошли они во церковь во Божію,
Какъ приняли они тутъ златы вѣнцы,
Придался тутъ Михайлушка на царство-то,
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежняго.

Пóтокъ, или Пóтыкъ, въ противоположность другимъ богатырямъ, происхожденія неизвѣстнаго. Словно безродный молодецъ, появляется онъ среди богатырей. О его прошломъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Онъ въ непрестанномъ движеніи. Его отряжаютъ въ дальнюю сторону; только что онъ воротится, какъ снова уѣзжаетъ куда-нибудь. Отъ Лиходѣя Лиходѣева мчится онъ къ Налету Налетову [15]); только сѣлъ съ Налетомъ за шахматы, какъ пришла вѣсть, которая его отзываетъ назадъ въ Кіевъ; и только что зажилъ съ женой Лбедью, какъ она обмерла, и Потыкъ долженъ съ нею лѣзть въ могилу. И могила его не успокоила; онъ освобождается изъ нея—и ужъ на горахъ Сорочинскихъ противъ сорока царей-царевичей; воротился—а жена его похищена Вахрамеемъ Вахрамеевымъ; его сажаютъ въ погребъ—онъ изъ погреба, его въ камень—онъ живой изъ-подъ камня, и опять въ Кіевѣ. Онъ и въ Подольѣ, и въ Волынѣ, и въ темной Ордѣ, и въ Турціи, и у Бухаря заморскаго, и въ землѣ Политовской [16]).

Не будучи самъ настоящимъ каликою и оставаясь богатыремъ, но богатыремъ по преимуществу бродячимъ, Потокъ является и во главѣ каликъ перехожихъ (см. былину „Сорокъ каликъ со каликою“) подъ именемъ Ѳомы или Касьяна.

Образъ Потока болѣе всѣхъ другихъ богатырей окруженъ явленіями баснословными. Былины о немъ расплываются въ сказочныхъ подробностяхъ. Онъ окруженъ и баснословными существами: жена его, Лебедь—оборотень; въ могилѣ онъ заставляетъ служить себѣ змѣю [15]).

Въ лицѣ жены Потока Марьи Лебеди бѣлой, народная былина выводитъ еще одинъ изъ типовъ демонической вѣщей женщины (сравни съ королевишной въ „Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца“ № 19, и Марину въ былинѣ о Добрынѣ, № 21). По другимъ варіантамъ она носитъ имя Марьи Подоленки Лиходѣевны. Тотъ же образъ часто является въ народныхъ русскихъ сказкахъ, напр. у Аѳанасьева въ VI ч. (стр. 289), гдѣ дорисовывается полнѣе „лебедь-птица, красная дѣвица, Лебедь Страховна“, у которой „сквозь перьевъ тѣло виднѣлось, сквозь тѣла косточки казались, сквозь костей въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается“. Называется она и „Еленою прекрасною“, „Василисою прекрасною“, „Василисою премудрою“.

---

[15]) или Вахрамею Вахрамееву. — [16]) См. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Приложеніе къ 4 выпуску, стр. XXXVII.

33.

Сорокъ каликъ [1]) со каликою *).

Подъ именемъ Касьяна Михайлова (или Михаила Касьянова, или Ѳомы Ивановича) здѣсь разумѣется Потокъ Михайло Ивановичъ.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:
„А иттить намъ, братцы, дорога не ближняя,
„Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
„Святой святынѣ помолитися,
„Господню гробу приложитися,
„Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
„Нетлѣнной ризой утеретися:
„Итти селами и деревнями,
„Городами тѣми съ пригородками;
„А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена **):
—Еще кто изъ насъ изъ сорока каликъ
—Котора калика заворуется,
—Котора калика заплутуется,
—Котора калика обзарится на бабицу,
—Отвести того дородна добра молодца,
—Отвести далеко во чисто поле,
—Копать ему ямище глубокое,
—Зарывать его во сыру землю,
—Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ... ***)
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана
Бѣлыя рученьки исприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Податаманье—братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичъ.
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.
А идутъ недѣлю уже споряду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ.
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья [2]),
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь
Ѣздитъ онъ за охотою,

*) Кирша Даниловъ (XXIII). — **) Далѣе Кир. III, стр. 81 (Шенкурскаго уѣзда). — ***) Далѣе снова Кирша Даниловъ.

[1]) Калики перехожіе—странники. — [2]) Раменье—лѣсъ.

Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Пригодилося ему ѣхати по близости.
Завидѣли его калики перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали,
А Спиря сталъ поспиривать,
Сёма сталъ пересёмывать.
Едва пробудится Владиміръ князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой вы еси, калики перехожіе!
„Хлѣбы съ нами завозные,
„А и денегъ со мною не годилося,
„А и ѣзжу я князь за охотою,
„За зайцами и за лисицами,
„За соболи и за куницами,
„И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
„Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
„Изволите вы итти въ Кіевъ градъ
„Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Честна роду дочь, королевична
„Напоитъ-накормитъ васъ добрыхъ молодцевъ,
„Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата-серебра“.
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Подумочья рыта бархата;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
Становилися во единой кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула.
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню во свѣтлую:
Спасову образу молятся,
Молодой княгинѣ поклоняются.
Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Садился въ мѣсто большое;
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
Лучи стоятъ великіе.
Убирались тутъ всѣ добры молодцы
А и тѣ калики перехожіе
За тѣ столы убраные;
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя;
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сохарныя.
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время—часъ, другой,
Въ третьемъ часу поднималися,
Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ

И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣевны,
Надѣлила бъ на дорогу златомъ-серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алешеньку Поповича
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не итти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алёша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити...
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ—
Замутилось его сердце молодецкое—
Отказалъ онъ Алешѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
Забавныя рѣчи баяти;
На то княгиня осердилася,
Посылаетъ Алёшеньку Поповича
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ.
Алёша-то догадливъ былъ,
Распоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладёхонько,
Что познать было не можно;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора:
Съ молодой княгиней не прощаются
А идутъ калики—не оглянутся.
И верстъ десятокъ отошли они
Отъ стольнаго города Кіева,—
Молода княгиня Апраксѣевна
Посылаетъ Алёшу въ погонь за нимъ.
Молодой Алеша Поповичъ младъ
Настигъ каликъ въ чистомъ полѣ.
У Алёши вѣжество не рожденное—
Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами-разбойниками:
„Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
„Кого окрадете, своимъ зовете!
„Покрали княгиню Апраксѣевну,
„Унесли вы чарочку серебряну,
„Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ“.
А въ полѣ калики не даются ему,
Молоду Алёшѣ Поповичу,
Не давались ему на обыскъ себѣ.
Поворчалъ Алёшенька Поповичъ младъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
И такъ пріѣхалъ во стольный Кіевъ градъ.
Во то же время и во тотъ же часъ
Пріѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
Молода княгиня Апраксѣевна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поѣхалъ во чисто поле—
У Добрыни вѣжество рожденное и ученое—
Настигъ онъ каликъ въ чистомъ полѣ.
Скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
„Гой еси, Касьянъ Михайловичъ!
„Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
„Прикажи обыскать калики перехожіе,
„Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?“
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Становилъ каликъ во единый кругъ
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго до стараго,
Отъ стараго и до большаго лица;
До себя Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его молодой Михайло Михайловичъ
Принимался за заповѣдь великую;
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,

И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичъ.
Добрыня онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Съ ними калики [3]) прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
У младой княгини Апраксѣевны,
Привезъ онъ чарочку серебряну:
Виноватаго назначено
Молода Касьяна сына Михайлова.
А съ того время-часу захворала скорбью недоброю,
Слегла княгиня въ великое во гноище.
Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца.
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ:
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися;
А все-то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича.
Голосокъ наноситъ помалёхоньку;
А и тутъ калики остоялися,
А и мѣсто стали опознавать;
Подалися малёхонько—и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича.
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы добры молодцы,
Въ началѣ—атаманъ родной братъ его,
Михайло Михайловичъ.
Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать:
Подаетъ онъ Касьянъ ручку правую,
А они то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда:
А всѣ они, молодцы, дивуются;
На его лицо молодецкое
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса.
И стоялъ Касьянъ не малое число,
Стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцевъ будетъ полгода.
Втапоры пошли калики по городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Дошли они до чудна креста Левонидова,
Становилися во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали
И стоятъ калики потихохоньку.
Молодой Михайло Михайловичъ
Атаманомъ еще правилъ у нихъ;
Посылаетъ легкаго молодчика
Доложиться князю Владиміру:
„Прикажетъ ли итти намъ пообѣдати“?
Владиміръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
Побить челомъ и поклонитися имъ-то каликамъ,
Каликамъ пообѣдати,
И молоду Касьяну на особицу,
И тутъ ключники, ларечники
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати.
Пришли калики на широкій дворъ.
Середи двора княженецкаго
Поздравствовалъ ему Владиміръ князь
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взялъ его за бѣлы руки,
Повелъ во свѣтлу гридню.

---

[3]) т. е.: каликами.

А втапоры молодой Касьянъ Михайловичъ
Спросилъ князя Владиміра
Про молоду княгиню Апраксѣевну:
„Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
„Здравствуетъ ли твоя княгиня Апраксѣевна“?
Владиміръ князь едва рѣчи выговорилъ:
—Мы де уже недѣлю-другу не ходимъ къ ней.—
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
Пошелъ со княземъ во спальну къ ней;
А и князь идетъ—свой носъ зажалъ;
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли двери у свѣтлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатыя:
Втапоры княгиня прощалася [4]),
Что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну:
Не стало у ней того духу-пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую:
Лежала въ сраму полгода.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Пошелъ ко князю Владиміру во свѣтлу гридню,
Помолился Спасову образу
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить-ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половина дня,
А и тѣ калики наѣдалися,
Наѣдалися и напивалися;
Владиміръ князь убивается— [5])
А калики-то въ путь наряжаются.
Проситъ ихъ тутъ Владиміръ князь
Пожить-побыть тотъ денекъ у себя.
Молода княгиня Апраксѣевна
Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти;
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ нянъками, съ мамками
И съ сѣнными красными дѣвицами;
Молоду Касьяну поклоняется.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Тою рученькой правою размахиваетъ
По тѣмъ ѣствамъ сахарныимъ,
Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ.
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Втапоры молодой Касьянъ Михайловичъ
Вынималъ изъ сумы книжку свою,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
„Что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся,
„Уже третій день въ доходѣ идетъ,
„И пора намъ, молодцы, въ путь итти“.
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владиміру
Съ молодой княгиней Апраксѣевной
За хлѣбъ за соль его.
И прощаются калики съ княземъ Владиміромъ
И съ молодою княгинею Апраксѣевною.
Собирались они и въ путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и дѣянье.

---

[4]) т. е.: просила прощенія. — [5]) т. е.: усердно проситъ ихъ остаться.

34.

Иванъ Годиновичъ*).

Пріѣзжаетъ Иванушка женитися
Ко гостю ко купцу къ Дмитрищу.
Говоритъ онъ рóдному дядюшкѣ:
„А и же ты, любимый дядюшка,
„Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Дай-ка мнѣ силы сорокъ тысячей,
„Казны-денегъ друго сорокъ тысячей:
„Поѣду я Иванушка женитися
„Къ гостю ко купцу къ Дмитрищу".
Князь Владиміръ стольно-кіевскій
Давалъ ему силы сорокъ тысячей,
Казны-денегъ друго сорокъ тысячей.
Поѣхалъ Иванушка женитися,
Пріѣзжалъ ко гостю ко купцу ко Дмитрищу,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ Иванушка въ высокій теремъ,
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
„А и же ты, гость-купецъ Дмитрище
„Есть у тебя любимая дочь,
„Прекрасная Марья Дмитріéвична:
„Отдай-повыдай за меня за-мужъ!"
Говоритъ купецъ таковы слова:
—А и же ты, Иванушка Годиновичъ!
—У меня была Марьюшка просватана
—За того царя Кощея за Трипетова.—
Говоритъ Иванушка Годиновичъ:
„Съ добра отдашь, добромъ возьму,
„Не отдашь съ добра, силóмъ возьму".
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
Схватилъ ножище-кинжалище,
Ударилъ ножищемъ во дубовый столъ:
Разлетѣлся столъ во всѣ стороны.
Бѣжалъ тутъ Иванушка въ высокъ теремъ,
Взималъ-то Марью Дмитріéвичну
За ея за рученьки за бѣлыя,
За ея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ-миловалъ, къ сердцу прижималъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Поѣдемъ-ка со мной, Марья Дмитріевична!"
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Ко своему любезному ко дядюшкѣ.
Отъѣзжалъ Иванушка на чисто поле,
Раздернулъ онъ бѣлъ шатеръ
Въ томъ раздольицѣ чистомъ полѣ,
Отпускалъ свою силушку великую
Ко стольному ко князю ко Владиміру:
„Скажите, братцы, родному дядюшкѣ,
„Стольному князю Владиміру,
„Что везетъ Марью Дмитріéвичну!"
Его рать-сила великая
Отправлялась ко городу ко Кіеву.
На ту пору на то времячко
Наѣзжаетъ царь Кощей сынъ Трипетовичъ
Ко гостю купцу ко Дмитрищу,

*) Рыбн. I, № 33 (отъ Никиф. Прохорова, Пудожск. у.).

Говоритъ ему таковы слова:
—А и же ты, гость купецъ Дмитрище!
—Ты куда дѣвалъ Марью Дмитріéвичну?—
„А есть Марья увезена
„У того Иванушка Годиновича:
„Я съ добра не далъ, такъ онъ силомъ увезъ“.
Царь Кощей сынъ Трипетовичъ
Поѣхалъ за Иваномъ вслѣдъ сугоною;
Засталъ онъ Иванушка на чистомъ полѣ,
На чистомъ полѣ во бѣломъ шатрѣ
Со той ли со Марьей Дмитріéвичной...
Скочилъ Иванушка на рѣзвы ноги,
Начали оны битися-ратися
Со царемъ Кощеемъ-сынъ Трипетовичемъ;
Побивалъ Иванушка Годиновичъ
Царя Кощея сына Трипетова,
А сбилъ онъ его на сыру землю.
На ту пору на то времячко
Ножища при немъ не случилося.
Говоритъ Иванушка таково слово:
„А и же ты, Марья Дмитріéвична!
„Дай-ко мнѣ ножище-кинжалище
„Пластать Кощею бѣлая грудь“.
Говоритъ Кощей сынъ Трипетовичъ:
—А и же ты, Марья Дмитріéвична!
—Не давай ножища-кинжалища
—Иванушку Ивану Годиновичу!
—А я тебѣ скажу-порóзскажу... **)
—А поди-ко ты, Марья, за меня за-мужъ,
—Такъ будешь станешь слыть ты царицею;
—А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича.
—Да если ты да вѣдь пойдешь за его,
—Такъ будешь ты тамъ слыть во портомойницахъ
—А у стольнаго князя у Владиміра“ ***).
Тутъ-то она и пораздумалась:
„Что мнѣ-ка слыть портомойницей?
„А лучше будетъ слыть царицею
„За царемъ Кощеемъ за Трипетовичемъ“.
Какъ хватила Ивана за желты кýдри,
Тащила Ивана со бѣлыхъ грудей,
Такъ взяли тутъ Ивана Годиновича,
Привязали Ивана ко сыру дубу...
На ту пору на то времячко
Налетала птица черный вранъ,
Садился онъ вранъ на сырой дубъ,
Проязычилъ языкомъ человѣческимъ:
„А не владѣть-то Марьей Дмитріéвичной
„Царю Кощею сыну Трипетову,
А владѣть Ивану Годиновичу“.
Услыхалъ Кощей сынъ Трипетовичъ
Тое воронино звѣщеваніе,
Скочилъ Кощей на рѣзвы ноги,
Хватилъ Кощей тугій лукъ,
Натягалъ тетивочку шелковую,
Кладывалъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то во черна ворона,
Стрѣлилъ, не попалъ въ его,
Зашелъ онъ опять во бѣлóй шатеръ,
Такъ эта стрѣла взадъ обратилася,
Пала ему въ буйну голову:
Облился онъ кровью горючею,
Пришла тутъ Кощею горькая смерть.
Тутъ тая Марья Дмитріевична
Выставала она на рѣзвы ноги,
Взимаетъ въ руки саблю вострую.
Начала сабелькой помахивать,
Начала сама выговаривать:
—У женщины волосъ дологъ, умъ коротокъ!
—Отъ бережка теперь я откачнулася,
—А къ другому я не прикачнулася:
—Отсѣку Ивану буйну голову,
—Пойду назадъ, красна дѣвушка!—
Говоритъ Иванушка таковы слова:
„А и же ты, Марья Дмитріéвична!
„Не сѣки мнѣ, Ивану, буйны головы;
„А столько я ти за ту вину за великую
„Дамъ-то три грозы небольшенькія“.
Тутъ она съ собой пораздумалась:
—Перву грозу мнѣ дастъ, я годъ проживу:
—А другу дастъ, още годъ проживу,
—А третью дастъ, я и вѣкъ проживу.—
Отвязала Ивана отъ сыра дуба.

) Далѣе Гильф. № 51 (отъ Никиф. Прохорова же). — *) Далѣе снова Рыбн. № 33.

Ставалъ Иванъ па рѣзвы ноги,
Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ ей бѣлы рученьки...
Отсѣкъ ей уста сахарнія...
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки...
Пошелъ тутъ единъ единёшенекъ
Онъ удалый добрый молодецъ;
Пришелъ ко городу ко Кіеву,
Ко стольному князю ко Владиміру,
Къ своему любезному ко дядюшкѣ,
Пришелъ онъ молодецъ безо всего:
Ждали-сожидали съ молодой женой,
А пришелъ Иванушка и нѣтъ никого ****).
Владиміръ князь стольно-кіевскій
Отводилъ его въ покои во особые,
Сталъ у его онъ выспрашивати:
—Какъ же, Иванушка Годиновичъ,
—Гдѣ жъ ты дѣлъ прекрасную Марью [1]) Митріéвичну?—
Отвѣчалъ ему Иванушка Годиновичъ:
„А и же ты, крестовый мой батюшка,
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
„Всякій молодецъ на вѣку женится,
„А не всякому женитьба удавается!“

****) Конецъ у Рыбн. № 34 (отъ Рябинина).
[1]) Въ вар. Рябинина: Настасью.

35.

Иванъ гостиный [1]) сынъ *).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи, бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Гой еси, князи и бояра
И всѣ русскіе могучіе богатыри!
Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Кто бъ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые:
Сивъ жеребецъ, да кологривъ [2]) жеребецъ,
И который полоненъ воронко во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ
Какъ у молода Тугарина Змѣевича.
Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутреней?“
Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ гостиный сынъ
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
„Гой еси ты, осударь, ласковый Владиміръ Князь!
„Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ
„А и быть передъ княземъ невольникомъ;
„Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
„И на три жеребца похваленые:
„А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„Да третій жеребецъ полоненъ воронко,
„Да котырый полоненъ во Большой Ордѣ,
„Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ
„Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
„Ѣхать дорога не ближняя,
„И скакать изъ Кіева до Чернигова
„Да девяноста-то мѣрныхъ верстъ
„Промежу обѣдни и заутрени,
„Ускоки давать конины,

*) Сахар. V т. № 6.

[1]) Гость—купецъ. — [2]) Кологривый—съ косматою гривой, по обѣ стороны шеи.

„Что выметывать раздолья широкія:
„А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„О своей буйной головушкѣ“.
За князя Владиміра держали поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей.—
А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ.
Пригодился тутъ Владыка Черниговскій,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.
Подписалися. Молодой Иванъ гостиный сынъ
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову,
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
„Гой еси ты, мой добрый конь,
„Бурочко, косматочко, троелѣточко!
„Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
„А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
„Со тобою добрымъ конемъ;
„Бился съ княземъ о великъ закладъ,
„А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
„Захвастался на триста жеребцовъ,
„А на три жеребца похваленые:
„Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„И третій жеребецъ полоненъ воронко,
„Бѣгать, скакать на добрыхъ на коняхъ,
„Изъ Кіева скакать до Чернигова,
„Промежу обѣдни, заутрени,
„Ускоки давать конииые,
„Что выметывать раздолья широкія“.
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко
Человѣческимъ русскимъ языкомъ:
„Гой еси, хозяинъ ласковый мой!
„Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
„Сива жеребца того не боюсь,
„Кологрива жеребца того не блюдусь,
„Въ задоръ войду—у воронка уйду;
„Только меня води по три зари,
„Медвяною сытою пои
„И сорочинскимъ пшеномъ корми.
„И пройдутъ тѣ дни срочные,
„И тѣ часы урочные,
„Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
„По тебя-то, Ивана гостинаго,
„Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на конях.
„Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
„Только берись за шелковъ поводокъ,
„Поведешь по двору княженецкому;
„Вздѣнь на себя шубу соболиную,
„Да котора шуба въ три тысячи,
„Пуговки въ пять тысячей;
„Поведешь по двору княженецкому,
„А стану де я, бурка, передомъ ходить,
„Копытами за шубу посапывати,
„И по черному соболю выхватывати,
„На всѣ стороны побрасывати,—
„Князи, бояра подивуются,
„И ты будешь живъ—шубу наживешь,
„А не будешь живъ, будто нашивалъ“.
По сказанному и по писанному:
Отъ великаго князя посолъ пришелъ,
А зоветъ то Ивана на княженецкій дворъ.
Скоро де Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальящатыя въ пять тысячей:
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ,
Онъ будетъ де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати.
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися.
Зрявкаетъ бурко по туриному,

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ.
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окорачь они по двору наползалися;
А Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ.
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
„Гой еси ты, Иванъ, гостиный сынъ!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя“.
Втапоры Владыка Черниговскій,
У великаго князя на почестномъ пиру
Велѣлъ захватить три корабли на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими,
А князи де и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.

36.

Чурило Пленковичъ*).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра
Хорошъ заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояры,
На сильные могучіе богáтыри,
На всѣ поленицы удалые.
Бѣлый день идетъ ко вечеру
Почестный пиръ идетъ на веселѣ,
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко переное [1]),
Зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле.
Изъ далеча, далеча поля чистаго
Толпа мужиковъ появилася;
Идутъ мужики да все кіевляна,
Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:
„Солнышко ты наше, Владиміръ князь!
„Дай, государь, свой праведный судъ,
„Дай на Чурила сына Пленковича.
„Сегодня у насъ на Сорогѣ рѣкѣ
„Невѣдомые люди появилися,
„Шелковы неводы заметывали,
„Тетивки были семи шелковъ,
„Плутивца [2]) у сѣтокъ серебряныя,
„Камешки позолоченые,
„Рыбу сорогу [3]) повыловили:
„Намъ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
„Намъ отъ тебя нѣту жалованья.
„Намъ, государь-свѣтъ лову нѣтъ,
„Скажутся, называются
„Всѣ они дружиною Чуриловой“.
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все кіевляна,
Бьютъ они челомъ да жалобу кладутъ:
„Солнышко, нашъ Владиміръ князь!
„Дай, государь, свой праведный судъ,
„Дай на Чурила сына Пленковича“.
„Сегодня на тихихъ на заводяхъ
„Невѣдомые люди появилися,
„Гуся да лебедя повыстрѣлили,
„Сѣрую пернату малу утицу:
„Намъ, государь свѣтъ, лову нѣтъ,
„Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
„Намъ отъ тебя нѣту жалованья“.
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все кіевляна,
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ:
„Солнышко нашъ Владиміръ князь!
„Дай, государь, свой праведный судъ,
„Дай на Чурила сына Пленковича.
„Сегодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
„Невѣдомые люди появилися,
„Шелковые тенета заметывали,

*) Рыбн. III, № 24 (отъ поромскаго старика на Кенозерѣ Пудожскаго у.).

[1]) т. е.: съ перилами — [2]) Плутиво—поплавокъ у сѣтей, обыкновенно изъ коры осокоря. — [3]) Сорога—плотица.

„Кунокъ [4]) да лисокъ повыловили,
„Чернаго сибирскаго соболя:
„Намъ, государь-свѣтъ, лову нѣтъ,
„А тебѣ, государь-свѣтъ, корысти нѣтъ,
„Намъ отъ тебя нѣту жалованья“.
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
Ѣдетъ молодцовъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Узды-поводы у нихъ де были сорочинскіе,
Сѣделышки были на золотѣ,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Кожи на молодцахъ лосинныя,
Кафтаны на молодцахъ голубъ-скурлатъ
Источнями [5]) подпоясанось,
Колпачки золотые верхи;
Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горятъ,
Кони подъ ними бы соколы бы летятъ.
Ѣхали-пріѣхали во Кіевъ градъ,
Стали по Кіеву уродствовати:
Лукъ-чеснокъ весь повырвали,
Бѣлую капусту повыломали...
Бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ:
Князи-то просятъ со княгинями,
Бояра то просятъ со боярынями,
Всѣ мужи огородники [6]):
—Дай, государь, свой праведный судъ,
—Дай на Чурила сына Пленковича,
—Сегодня у насъ во городѣ во Кіевѣ
—Наѣхала дружина-та Чурилова.—
„Глупые вы, князи и бояра,
„Неразумные гости торговые!
„Не знаю я Чурилова посельица,
„Не знаю я, Чурила гдѣ дворомъ стоитъ“.
Говорятъ ему князи-бояра:
—Свѣтъ государь, ты Владиміръ князь!
—Дворъ у Чурилы вѣдь не въ Кіевѣ стоитъ,
—Дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоитъ:
—Дворъ у Чурилы на Почай-рѣкѣ,
—Дворъ у Чурилы на семи верстахъ.
—Около двора все булатный тынъ,
—Двери были да всѣ точеныя,
—Воротики были да все стекольчатыя,
—Подворотинки дорогъ рыбій зубъ.
—На томъ дворѣ на Чуриловомъ
—Стояло теремовъ до семидесяти.—
И поднялся царь на Почай-рѣку,
Поѣхалъ со князьями со боярами
Со купцами со гостями со торговыми.
Буде князь на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова [7]),
У святыхъ у мощей у Борисовыхъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
„Право мнѣ не пролгали мнѣ!“
Дворъ у Чурила на Почай рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова,
У святыхъ у мощей у Борисовыхъ:
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора все булатный тынъ,
Воротики были все стекольчатыя,
Подворотенки—дорогъ рыбій зубъ.
На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
На двѣ де, на три на стороны
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Во которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ.
Трои сѣни у Чурила де косерчатыя [8]),
Трои сѣни у Чурила да рѣшетчатыя,
Трои сѣни у Чурила де стекольчатыя.
Изъ тѣхъ да изъ высокихъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу подовую [9])
Выходилъ тутъ старъ-матёръ человѣкъ.
На старомъ шубочка соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ [10]),
Пуговицы были вальячныя [11]),
Вальянк-отъ литы красна золота.
Кланяется да поклоняется,
Самъ говоритъ ласково слово:

---

[4]) Купа, кунка — куница. — [5]) Источня — разноцвѣтные струйчатые пояса. — [6]) т. е.: горожане. — [7]) Въ подл.: Дмиподолидова. — [8]) Косерчатый—косящатый, изъ деревянныхъ косяковъ. — [9]) Отъ „подъ“ (настилка). — [10]) т. е.: оксамитъ (плотная золотая парча). — [11]) Вальящатый, вольячный—массивный, плотный, полновѣсный.

—Пожалуй-ко, Владиміръ, во высокъ теремъ,
—Во высокъ теремъ да хлѣба кушать.—
Говоритъ Владиміръ таково слово:
„Скажись мнѣ, старъ-матёръ человѣкъ!
„Какъ тебя да именемъ зовутъ?
„Хотя зналъ бы, у кого хлѣба кушати".
—Я, говоритъ Пленко, гость Сорóжанинъ,
—Я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшка.—
Пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
Во теремъ-отъ идетъ, самъ дивуется.
Хорошо теремы изукрашены:
Полъ-середа изъ одного серебра,
Печки-то были все муравленыя,
Подики-то были все серебряныя,
Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей,
На стѣны сукна набиваны,
На сукна стекла навиваны.
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
Инъ всякія утѣхи несказанныя.
Садился князь за дубовый столъ,
Скрылъ [12]) окошечко немножечко,
Поглядѣлъ далече во чисто поле.
Изъ чиста поля толпа появилася,
А ѣдетъ молодцевъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные, [13])
Кони подъ ними однокаріе были,
Жеребцы все латынскіе,
Узды-поводы сорочинскіе.
Говоритъ де Владиміръ таково слово:
„Ты скажи-ко, Пленко да гость Сорóжанинъ!
„Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ?"
—Нѣтъ, сударь, Чурила сына Пленковича:
—Ѣдутъ тутъ Чурилы-то стольники,
—Ставятъ на Чурила дубовы столы.—
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася,
И ѣдетъ молодцевъ болѣ тысячи.
Середи-то силы ѣздитъ купавъ[14]) молодецъ:
На молодцѣ-то шуба соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Погувицы были все вальячныя,
По дорогу яблоку свирскому.
Владиміръ-то сидѣлъ за дубовымъ столомъ,
Взадъ да впередъ сталъ поглядывати:
„Охти мнѣ, уже куда де буде мнѣ!
„Али же тутъ ѣдетъ ужъ царь съ ордой,
„Али тутъ ѣдутъ король съ Литвой,
„Али тутъ ѣдутъ сватовщики
„На моей-то племянницы любезныя,
„На душкѣ Забавы на Путятичной".
Говоритъ Пленко да гость Сорожанинъ:
—Да небойся-тко, Владиміръ, не полошайся:
—Тутъ вѣдь ѣдетъ сынишко мое,
—Премладое Чурило сынъ Пленковичъ.—
Ѣдетъ Чурило, самъ тѣшится:
Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Чрезъ третье да на четвертое,
Вверхъ копье да побрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.
Пріѣхалъ Чурила на Почай на рѣку,
Сила-то ушла по своимъ теремамъ.
Сказали Чурилу про незнаемыхъ гостей,—
Бралъ де Чурила золоты ключи,
Ходилъ де въ амбары магазейные.
Бралъ сорокъ сороковъ черныхъ соболевъ,
Многія пары лисицъ да куницъ:
Подарилъ онъ князю Владиміру,
Бояръ-то дарилъ да все лисками,
Купцовъ да дарилъ все куницами,
Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
„Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ,
„А побольше того челомъ-битчиковъ:
„А теперь на Чурила я суда де не дамъ".
Говоритъ де Владиміръ таково слово:
„Премладой Чурило ты сынъ Пленковичъ!
„Хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
„Во стольники ко мнѣ, во чашники?"
Иной отъ бѣды дакъ откупается,

[12]) т. е.: вскрылъ, открылъ. — [13]) т. е.: на одно лицо. — [14]) Купавый—бѣлый, чистый.

А Чурила на бѣду и нарывается:
Пошелъ ко Владиміру во стольники,
Во стольники къ нему, во чашники.
И поѣхали они въ Кіевъ градъ.
Пріѣзжали въ Кіевъ градъ.
Свѣтъ государь де Владиміръ князь
На хороша на новаго на стольника
Да завелъ де государь почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ разскакается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,
Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:
—Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
—Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
—Я смотрючись на красоту Чурилову,
—На его на кудри на желтыя,
—На его на перстни злаченые,
—Помутились у меня очи ясныя!...—
Свѣтъ государь де Владиміръ князь—
Поставилъ Чурилу на большину [15])
Во ласковые зазыватели:
Ходить по городу по Кіеву,
Зазывать гостей во почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Улицами идетъ, переулками,
Желтыми кудрями все потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются....,
Бывъ скаченъ жемчугъ разскатается **);
Подъ пяты-пяты воробей пролети,
Около носа-то яичко кати [16])
На его дѣвки глядятъ – золоты пелы [17]) ломятъ,
Стары бабы глядятъ—прялицы ломятъ.
Половина Чурилушку отказываетъ,
А другая Чурилушку приказываетъ [18]).

---

*) Далѣе Рыбн. I, № 46 (Кижской волости). — **) Далѣе Рыбн., I, № 45 (на Колодзерѣ Пудожск. у.).

[15]) Большина—высшая должность. — [16]) т. е.: около носка сапожнаго, приподнятаго кверху. — [17]) пяльцы. — [18]) принимаетъ приглашеніе.

37.

Пагуба молодого дѣтинушки Гусино [1]) Пленковича бусурманищемъ Шаркомъ великаномъ *).

Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облока-тучи во едину не скопляйтеся!
Тошнёхонько богатырской силѣ приходит-
ся,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою
жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати:
А вотъ первое-то горе—палъ его могучій
конь;
А второе того горѣ [2])—изломался его тя-
желый мечъ;
А третье-то горе—обуяла имъ страсть по-
бѣдная,
Приглянулась ему Марья, Лебедь бѣлая.
Ужъ иде бусурманскій сынъ Шаркъ-ве-
ликанъ пригорюнившись,
Про свою горемычную жизнь пораздумав-
шись,
Про каранье Бога русійскаго, христіан-
скаго.
Какъ во встрѣчу ему молодой дѣтинушка,
Молодой дѣтинушка самъ онъ Гусинко
Пленковичъ.
Содружилися они, побраталися,
Во свои терема бусурманщину созывае,
Во большемъ углу чествуетъ-гоститъ.
Началъ тутъ его Шаркъ-великанъ выспра-
шивати:
„Ты скажи-ко мнѣ, молодой дѣтинушка
Гусинко Пленковичъ!
„Кабы мнѣ мудрено коня могучаго достати,
„Своему прежнему коню богатырскому
во смѣну положити?"
—А иди-ко ты, бусурманскій сынъ, ко
вольному граду ко Новгороду:
—У того ли у князя у новгородскаго
—За запорамъ желѣзнымъ, за заслонамъ
мѣднымъ [3])
—Жербенокъ е [4]) необъѣзженый,
—А твоей ли богатырской силушкѣ какъ е
подъ-стать.—
„А и спасибо тѣ, молодой дѣтинушко Гу-
синко Пленковичъ!
„Ужъ повѣдай-ко ты мнѣ правду-истину:
„Кабы мнѣ богатырскій мечъ во рукахъ
моихъ мощныихъ держати
„По силѣ моей богатырскоей непомѣрноей?"
—А иди-ко ты, бусурманскій сынъ,
—Ко святому граду ко Кіеву, ко славному
князю ко Владиміру:

---

*) Рыбн., II, № 25. (Лодейнопольскаго уѣзда).

[1]) Тотъ же Чурило (см. № 36). — [2]) горѣ—горше. — [3]) вм.: за запорами... за засклонами. — [4]) есть.

—У того ли князя у Владиміра во палатяхъ есть осударевыхъ
—Разнаго орудья е, мощи богатырскія,
—Да по силушкѣ ли твоей, басурманскій сынъ,
—Тыимъ ли мечемъ-кладенцемъ размахивати,
—Размахивати, перевертывати?—
„Ой ты неразумный дѣтинушко, Гусинко Пленковичъ!
„Темному уму твоему разуму не судити
„Про силу богатырскую не гадати.
„А скажи-ко ты мнѣ, Гусинко Пленковичъ, правдивѣе:
„Кабы мнѣ Марью, Бѣлую Лебедь, сыскать,
„Приглянулася она мнѣ нешуточно".
—Ой ты бусурманскій сынъ, Шаркъ-великанъ!
—Твоимъ ли устамъ рѣчи таки вымолвливать,
—За русійскую Марью, Лебедь Бѣлую, ухвататися?
—А и вѣру вѣруешь ты бусурманскую,
—Бусурманскую вѣру, нѣмецкую:
—А то Марьѣ, Бѣлой Лебеди, не по сердцу,
—А то ей, пригожей, не по умыслу.—
Осерчалъ тутъ бусурманище нешуточно,
Какъ впери онъ свои глазищи-лупы бусурманскія,
Да и возимае онъ, бусурманянинъ, что ни е
Во всѣ стороны помахивать:
По стороны махне—стѣны проломъ,
По другой перехватитъ—разсыпаются.
А ужъ и пошутилъ тутъ бусурманскій сынъ:
Понатужился Шаркъ-великанъ крѣпко-накрѣпко,
Правой рукой хватитъ Гусинко Пленковича за его бѣлую грудь,
Въ розмахѣ Гусинко-Пленковичъ за тридевять земель улётыватъ,
За частыя ясныя звѣзды зацапливатъ.
А онъ-то самъ бусурманище ухмыляется:
„А скажи-ко-сь ты мнѣ, усмѣшище [5]),
„Во дальныихъ ли странахъ бусурманскіихъ
„Душу свою схоронилъ не отпѣтую?"

---

5) т. е.: насмѣшникъ

38.

Дюкъ Степановичъ*).

Основная тема всѣхъ пересказовъ былины о Дюкѣ состоитъ въ сопоставленіи домашняго богатства иноземному и въ признаніи, послѣ продолжительной и упорной борьбы, превосходства иноземнаго богатства надъ домашнимъ [1]).

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь-земли изъ богатыя,
Изъ той Карелы изъ упрямыя,
Изъ тоя Индіи богатыя,
Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ пропархивалъ—
На гуся ѣхалъ Дюкъ, на лебедя,
На сѣру пернату малу утицу.
Не наѣхалъ Дюкъ ни на гуся, ни на лебедя,
И не сѣрой пернатой малой утицы,
И разстрѣливалъ Дюкъ триста стрѣлъ,
Триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы.
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
„Почему эти стрѣлы были дороги?
„А потому эти стрѣлы были дороги,
„Что на три граночки были строганы
„Изъ той трестиночки [2]) заморскія.
„Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
„Что на три граночки были строганы:
„Тѣмъ стрѣлы были дороги,
„Что перёны перьемъ сиза орла;
„Не того орла сиза орловича,
„Который летаетъ по святой Руси,
„Бьетъ сорóкъ, ворóнъ и сѣру галицу:
„Того орла сиза орловича,
„Который летаетъ по синю морю,
„Бьетъ гуся и лебедя
„И сѣру пернату малу утицу;
„И отлетаетъ, садится самъ
„На бѣлъ горючъ камень [3]),
„И кроится перьице орлиное [4]),
„Отлетаетъ на море на синее;
„И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
„И обираютъ перьица сиза орла,
„Развозятъ перьица по всѣмъ ордамъ,
„По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
„Дарятъ царей и царевичевъ,
„Дарятъ королей и королевичевъ,
„Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей,
„И пришли эти перья въ даровьяхъ,
„Оперилъ я этимъ перьемъ три стрѣлы;
„Да еще не тѣмъ эти стрѣлы дороги,

*) Рыбн. III, № 29 (отъ Поромскаго старика съ Кенозера Пудожск. у.).

[1]) Си. „Замѣтку“ Н. А. Лавровскаго въ „Извѣст. ист.-фил. инст. кн. Безбородко“ за 1877, стр. 246. — [2]) т. е.: тростиночка. — [3]) *Въ подл.*: На бѣлъ каменный степянъ. — [4]) И кроится перьича орлиныя (падаетъ отъ тренія о камень перьице).

„А тѣмъ эти стрѣлы дороги:
„Втераны были въ пяты [5])
„Каменье самоцвѣтное, все яхонты;
„Гдѣ стрѣла летитъ,
„Отъ нея лучъ печетъ:
„Въ день красно солнышко,
„Въ ночь отъ свѣтлаго мѣсяца—
„И тымъ были стрѣлы дороги.
Собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ,
И пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ.
А дѣло-то, братцы, дѣется
Во ту ли субботу великоденную,
И ушли ко вечернѣ ко Христовскія.
Сходилъ Дюкъ со добра коня
И пошелъ ко вечернѣ ко Христовскія
И, отстоявши вечерню въ церкви Божіей,
Выходилъ Дюкъ изъ Божьей церкви,
И становился на крылечко на перенос.
Выходила его матушка изъ Божьей церкви,
Понизёшенько Дюкъ поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли:
„Государыня свѣтъ, моя матушка!
„Во всѣхъ городахъ, мати, мною бывано,
„А во градѣ во Кіевѣ не бывано,
„Владиміра князя, мать, не видано,
„Государыни княгины свѣтъ Апраксіи.
„Дай, мать, прощенье и благословеніе
„Съѣздить во Кіевъ градъ,
„Повидать солнышка князя Владиміра,
„Государыню княгину свѣтъ Апраксію.“ *)
Говоритъ государыня родна его матушка:
—Что не дамъ прощеньице съ благословеньицемъ
—Ѣхать ко граду ко Кіеву
—Ко ласкову князю ко Владиміру
—Прямой дорожкой, не окольноей.
—На той прямой дорожкѣ, не окольноей,
—Есть три заставы великія.
—Первая застава великая:
—Стоятъ тутъ горы толкучія;
—Тыи жъ какъ горы врозь растолкнутся,
—Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
—Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
—Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
—Есть другая великая тамъ застава:
—Сидятъ тамъ птицы клевучія;
—Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ;
—Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
—Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
—Есть третія великая тутъ застава:
—Лежитъ Змѣище-Горынчище,
—О двѣнадцати змія о хоботахъ,
—Тая змія тебя съ конемъ сожретъ;
—Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
—Тутъ тебѣ молодому живу не бывать.—
Онъ бояринъ своей матушки не слушался,
Пошелъ на конюшню на стоялую **)
И выбиралъ жеребца себѣ неѣзжена,
Изъ ста бралъ Дюкъ, не изъ тысячи;
Выбиралъ себѣ бурушка косматаго:
У бурушки была грива трехъ саженъ,
Хвостъ былъ у бурушки трехъ саженъ,
Шерсточка была у бурушки трехъ пядей,
На всѣ стороны разсыпается,
Бывъ [6]) скаченъ жемчугъ раскатается.
Уздалъ узду ему точмянную [7]),
И сѣдлалъ сѣделышко во двѣ тысячи,
Накинулъ попону не суредниную:
Строчена была попона въ три строки—
Перва строка была красна золота,
Другая строка чиста серебра,
Третья мѣдью-казаркою,
Которая мѣдь подороже злата и серебра,
Подороже скатного жемчуга:
Дорога была попона во три тысячи.
И снарядилъ Дюкъ лошадь богатырскую,
Отходилъ прочь и самъ посматривалъ,
Головой качастъ, приговариваетъ:
„Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь:
„Подъ прягу [8]) добра коня не видѣти“.
Въ тороки [9]) кладетъ Дюкъ платье цвѣтное,
Въ тороки кладетъ калены стрѣлы,
Скоро дѣтина собирается,

*) Далѣе Рыбн. I, № 49 (Олонецк. губ.) — **) Далѣе снова Рыбн. III, № 29.

[5]) Пятка стрѣлы — конецъ, противоположный острію. — [6]) Какъ будто. — [7]) Точмянный—тесмяный. — [8]) т. е. подъ упряжкою. — [9]) см. стр. 35, вып. 4.

Скоро садится дѣтина на добра коня *),
Прощался съ государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:
—Ахъ ты эй, рожоно мое дитятко,
—Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
—Если случитъ Богъ во́ градѣ во Кіевѣ,
—Ты не хвастай животинками сиротскими,
—Сиротскими животинками вдовиными.—
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
Онъ ко земли бурка припадывалъ;
Испровѣщился ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческіимъ:
—Ты эй, хозяинъ мой любимый!
—Опущай-ка-ся съ меня со добра коня,
—Бери земли сыро-матерой,
—Подвязывай подъ плечко подъ правое
—И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
—Чтобъ не страшно бы сидѣть на добромъ конѣ,
—А я стану бурушко поскакивать,
—Съ горы на гору, съ холмы на холму,
—Рѣки и озера перескакивать,
—Гдѣ широкія раздолья—между ногъ пущать.—
А какъ пріѣхали они ко первой ко заставы:
А стоятъ тутъ горы толкучія;
Тые жъ какъ горы врозь растолкнулись,
И не успѣли горы вмѣстѣ столкнуться—
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Доѣзжалъ до другія до заставы ль:
Сидятъ тутъ птицы клевучія;
Не успѣли птицы крылушекъ расправити,
Онъ и другу заставу проскакивалъ.
Онъ ко третьей заставы прискакивалъ:
И лежитъ Змѣище-Горынчище,
О двѣнадцати змія о хоботахъ;
Не успѣла змія хоботу расправити—
Онъ и третью заставу проскакивалъ **),
Пріѣхалъ Дюкъ ко бѣлу шатру,
Не съ разума Дюкъ сговорилъ:
„Кто де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ?
„Выходи-ко съ Дюкомъ побороться
„И поотвѣдати Дюковой храбрости!"
Вставаетъ Илья на чоботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
И выходитъ изъ бѣла шатра,
Самъ говоритъ таково слово:
—Смѣю я съ Дюкомъ побороться,
—Поотвѣдати Дюковой храбрости.—
Подошла статья Дюка Степановича,
И падалъ съ коня Ильѣ во бѣлы ноги,
Самъ говорилъ таково слово:
„Одно у насъ на небѣ солнце красное,
„Печетъ во всю землю свято-русскую;
„А одинъ на Руси могучъ богатырь,
„Старый казакъ де Илья Муромецъ.
„Кто смѣетъ съ нимъ побороться,
„Тотъ боками отвѣдати матки-травы".
Ильѣ эти рѣчи полюбилися,
Самъ говоритъ таково слово:
—Удалый, дороднiй добрый молодецъ!
—Будешь ты во городѣ во Кіевѣ, ***)
—А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
—Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
—Ко моему шатру бѣлополотняному,—
—Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ. ****)
Поклонъ отдалъ Дюкъ,
Садился на добра коня,
Поѣздку казалъ лучше прежняго.
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву
Чрезъ стѣну мать городовую.
Чрезъ башню наугольную,
Пріѣхалъ прямо въ палаты княженецкія,
Сходилъ со добра коня,
Становилъ добра коня
Не приказана и не привязана,
И зашелъ Дюкъ во высокъ теремъ.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ стороны Дюкъ поклоняется

*) Далѣе снова Рыбн. I, № 49. — **) Далѣе снова Рыбн. III, № 29. — ***) Далѣе снова Рыбн. I, № 47 — ****) Далѣе снова Рыбн. III, № 29.

Желтыми кудрями до сырой земли.
Владиміра дома не случилося,
Одни люди ходятъ стряпчіе,
Стряпчіе люди, дворецкіе.
Говоритъ Дюкъ таково слово:
„А гдѣ самъ Владиміръ князь?“
Говорятъ ему люди стряпчіе:
—Удалъ дородній добрый молодецъ!
—Изученіе видимъ твое полное,
—А не знаемъ ни имени, ни вотчины.
—У насъ Владиміра дома не случилося:
—Уѣхалъ ко заутрени Христовскія.—
И больше Дюкъ не разговаривалъ,
Выходилъ на улицу паратную,
Садился Дюкъ на добра коня,
Пріѣхалъ къ собору Богородицы,
Соходилъ онъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня
Не приказана и не привязана.
Пришелъ Дюкъ въ церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду Владыку Чернигова,
И промежду Бермяты Васильева,
И промежду Чурила Пленковича;
Кланяется да поклоняется,
Самъ посматриваетъ:
„Погода-та, братцы, весенняя:
„Обрызгалъ свое платье цвѣтное“.
Говоритъ Владиміръ таково слово:
—Скажись, удалый добрый молодецъ!
—Какой орды, какой земли,
—Тебя какъ молодца зовутъ по имени?—
Говоритъ Дюкъ, отвѣтъ держитъ:
„Свѣтъ государь Владиміръ князь!
„Есть я изъ города Галича,
„Изъ Волынь-земли богатыя,
„Изъ той Карелы упрямыя,
„Изъ той изъ Сорочины широкія,
„Изъ той Индіи богатыя,
„Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
„На слову [10]) пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ“.
Говоритъ Владиміръ таково слово:
—Скажи, удалый добрый молодецъ!
—Давно ли ты изъ города Галича?—
„Я вечерню стоялъ во славномъ Галичѣ,
„Ко заутренѣ поспѣлъ въ славенъ Кіевъ градъ“.
Слушаютъ князи и бояра:
—Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
—Много ли отъ Кіева до Галича разстоянія?—
Говорятъ князья и бояра:
„Прямымъ ходомъ на три мѣсяца,
„А окольней дорогой на шесть мѣсяцевъ:
„Были бы де кони перемѣнные,
„Съ коня на конь де перескакивать,
„Изъ сѣдла въ сѣдло перелетывать“.
Говоритъ государь Владиміръ князь:
—Скажи, удалый добрый молодецъ!
—Дόроги ли у васъ кони въ Галичѣ?—
„Есть у насъ кони и по рублю,
„Иная лошадь есть и за два рубли,
„Есть по сту и по двѣ и по пятисотъ;
„А моему добру коню
„Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю“.
Говорятъ тутъ князья и бояра:
—Свѣтъ, Государь Владиміръ князь!
—Не бывать тутъ Дюку Степанову,
—Только быть мужиченку засельщику
—И быть деревенщины:
—Жилъ у купца—гостя торговаго
—И укралъ у него платье цвѣтное;
—Жилъ у иного у боярина,
—Угналъ у боярина добра коня;
—На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,
—Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
— Надъ нами, боярами, пролыгается.—
И отстоявъ они во церкви Божіей заутреню
Со обѣднею и святые честные молебны,
И выходили на улицу паратную.

10) На слову—по слуху о славѣ Кіева.

На улицы стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Смотрятъ на лошадь богатырскую
И на его снаряды молодецкіе.
Садилися по добрымъ конямъ,
Поѣхали ко высокому терему;
Ѣдетъ Дюкъ де головой качаетъ:
„Хороша была слова на Владиміра!
„У Владиміра все не по нашему:
„Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей сударыни у матушки,
„Мощены мосты были все дубовые,
„Сверху стланы сукна багречевыя;
„Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
„За лопатниками пойдутъ метельщики,
„Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
А твои мосты, сударь, неровные,
„Неровные, все сосновые".
Пріѣхали ко широку двору,
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
„А у Владиміра все не по нашему:
„Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей сударыни у матушки,
„Надъ воротами было иконъ до семидесяти,
„И всѣ иконы были на золотѣ;
„А у тебя, Владиміръ, десятка нѣтъ".
Заѣхали на широкій дворъ,
Головой качаетъ, Дюкъ поговариваетъ:
„Хороша была слова на Владиміра!
„У Владиміра все не по вашему:
„Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей сударыни у матушки,
„На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
„Продернуты кольца позолоченыя,
„Разоставлена сыта медвяная,
„Есть насыпана пшена бѣлоярая,
„Есть, что добрымъ конямъ пить и кушати.—
„А у тебя, Владиміръ, того не случилося".
Пришли въ высокъ теремъ,
Садились за столы бѣлодубовые,
Понесли по чаркѣ зелена вина.
Пьетъ Дюкъ да головой качаетъ,
Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
„Хороша была слова на Владиміра!
„А у Владиміра все не по нашему:
„Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей сударыни у матушки
„Глубокіе погреба сорока сажень
„Были въ землю копаны,
„Зелено вино на цѣпяхъ виситъ серебряныхъ,
„Были въ поля трубы понаведены:
„Повѣетъ вѣтеръ со чиста поля,
„Проноситъ затохаль [1]) великую;
„А твое, сударь, горькое зелено вино
„Пахнетъ на затохаль великую".
И понесли послѣдню яству-колачики крупивчаты *).
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижню корочку прочь откладываетъ.
А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ;
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
„Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
„Верхню корочку отламываешь,
„А нижню прочь откладываешь?"
Говорилъ Дюкъ Степановичъ:
„Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
„Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
„Печки у тебя биты глиняны,
„А подики кирпичные,
„А помелечко мочальное,
„Въ лохань обмакиваютъ;
„А у меня, Дюка Степанова,
„А у моей сударыни матушки
„Печки были муравлены,
„А подики мѣдные,
„Помелечко шелковое,
„Въ сыту медвяную обмакиваютъ;
„Колачикъ съѣшь—больше хочется" **)
А и тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говоритъ таково слово:
—Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
—Когда правдой дѣтина похваляется,
—Пусть ударитъ со мною о великъ закладъ:

---

*) Далѣе Кирша Даниловъ. — **) Далѣе снова Рыбн. III, № 29.
[1]) т. е: затхлый запахъ, спертый воздухъ.

—Щепить-басить [12]) по три года
—По стольному по городу по Кіеву,
—Надѣвать платье не разъ,
—На другой платье не перенашивать.—
И ударились они въ великъ закладъ,
Порокъ [13]) поставили пятьсотъ рублей:
Который изъ нихъ не перещепитъ [14]),
Съ того взять и пятьсотъ рублей.
По Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ
Всѣмъ городомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился князь со княгиною;
А по Дюкѣ никто не ручается,—
Набиралось голей кабацкихъ до пятисотъ,
По Дюкѣ болѣ всѣ ручаются;
Дюкъ тому догадается,
Скоро садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые,
Ко стрѣламъ ярлыки припечатывалъ,
Разстрѣливалъ стрѣлы во чисто поле.
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля
Не ясенъ соколъ налетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ напорхивалъ,
Наѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ;
По Дюкѣ Илья ручается:
Подписалъ коня и свою голову.
И стали они щепить и басить
По стольному городу по Кіеву.
Чурило сынъ Пленковичъ
Обулъ сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яйцомъ кати;
Надѣлъ онъ шубу-то соболью:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завѣсисту:
Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
По Кіеву не снаряденъ шелъ:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого каменье все яхонты,—
Который же камень замоцвѣтный
Стóилъ города всего Кіева,
Опричь знаменья Богородицы
И опричь прочихъ святителей;
И надѣта была у него шуба-та расхожая:
Во пуговкахъ литы люты звѣри,
Во петелькахъ шиты люты змѣи;
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ—
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ—
Засвистали во петелькахъ люты змѣи.
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго
Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Старый и малый на землѣ лежитъ;
Только малые люди оставалися,
За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулися,
„Тебѣ спасибо, удалый дородній добрый молодецъ:
„Перещепилъ ты Чурила сына Пленковича“.
Тогда онъ взялъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Купилъ на пятьсотъ зелена вина
Своимъ голямъ порутчикамъ:
Тогда голи всѣ возрадовалися.
Ино тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говорилъ таково слово:
—Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
—Когда онъ правдою дѣтина похваляется,
—Пошлемъ мы туды переписчика,
—Во славную Волынь землю,
—Житья его богатства описывать.—
„Кого намъ послать переписчикомъ?“
—А пошлемъ мы Добрынюшку Никитьевича.—
И поѣхалъ Добрыня во Галичъ градъ,
Житья его богатства описывать;
И пріѣхать онъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,
И зашелъ во высокъ теремъ,

[12]) т. е.: щеголять-красоваться. — [13]) т. е.: поруку. — [14]) т. е.: не перещеголяетъ.

И крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли.
Сидитъ жена стара матера
Мало шелку—вся въ золотѣ,
И говоритъ Добрыня таково слово:
„Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
„Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
„По-низку велѣлъ поклонъ поставити“.
И говоритъ жена стара матери:
—Удалой дороднiй добрый молодецъ!
—Не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины,
—А изученье вижу твое полное.
—А не Дюкова я здѣсь есть матушка,
—А Дюкова есть здѣсь колачница.—
И тутъ Добрынѣ стало зазорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную,
На утро прiѣхалъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема—
Не видалъ теремовъ такихъ на семъ свѣтѣ—
Зашелъ во высокъ теремъ.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется да поклоняется
На всѣ четыре на сторонушки
Желтыми-то кудрями до сырой земли.
Сидитъ жена стара-матера,
Мало шелку, а вся въ золотѣ.
Говоритъ Добрыня таково слово:
„Ты здравствуй же, Дюкова ты матушка!
„Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
„И по-низку велѣлъ поклонъ поставити“.
Говоритъ старуха таково слово:
—Удалый дороднiй добрый молодецъ!
—Изученье вижу твое полное,
—А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.
—Я не Дюкова здѣсь есть матушка,
—А Дюкова я здѣсь бажатушка [15]):
—Не найти тебѣ Дюковой здѣсь матушки.
—На утро у насъ Христово воскресеніе,
—И стань на улицу паратную,
—Гдѣ постланы сукна багречевыя;
—Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
—За лопатниками пойдутъ метельшики,
—Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
—И потомъ пойдетъ толпа де вдовъ,
—Потомъ пойдетъ уже другая толпа
—Подсолночныхъ [16]) сорока саженъ—
—Умѣй, дѣтина, поклонятися.
—Пойдетъ тутъ Дюкова-та матушка.—
И тутъ Добрынѣ стало зазорко.
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную.
И наутро онъ прiѣхалъ во Галичъ градъ.
И сталъ на улицу паратную,
Гдѣ-ка стланы сукна багречевыя.
Напередъ пошли тутъ лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Очищали дорогу сукна стланаго;
Потомъ пошла уже толпа де вдовъ,
Поклонъ отдалъ, да и прочь отсталъ;
Потомъ пошла уже другая толпа
Подсолнечныхъ сорока саженъ.
Умѣетъ Добрыня поклонятися
Желтыми-то кудрями до сырой земли,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
„Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
„По низку велѣлъ поклонъ поставити“.
И говорила Дюкова матушка:
—Удалый дороднiй добрый молодецъ!
—Изученье вижу твое полное.
—А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины
—Сегодня у насъ Христово воскресеніе,
—Пойдемъ въ Божью церковь
—И простоимъ обѣдню воскресную;
—Заберу молодца тебя въ высокъ теремъ,
—Напою, накормлю хлѣбомъ-солiю.—
И пошли они въ Божью церковь,
Простояли обѣдню воскресенную.
И забрала молодца во высокъ теремъ,
Поитъ-кормитъ, много чествуетъ.
И выходилъ Добрыня изъ-за стола изъ-за дубоваго,

[15]) Бажатушка—крестная мать. — [16]) несущихъ подсолночники въ 40 саженъ.

И самъ говорилъ таково слово:
„Государыня свѣтъ ты Дюкова матушка!
„Я вѣдь пріѣхалъ сюда на тебя смотрѣть,
„Житья твоего богачества описывать:
„Прирасхвастался твой сынъ Дюкъ у насъ богачествомъ“.
И скоро старуха брала золотые ключи
И вела въ амбары магазейные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе:
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ товарамъ и смѣты дать;
Привели въ погребы темные,
Гдѣ-ка складена деньга нехоженая;
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ деньгамъ смѣты дать.
Садился Добрыня на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые
И самъ говорилъ таково слово:
„Да намъ изъ города изъ Кіева
„Везти бумаги на шести возахъ,
„Да чернилъ везти на трехъ возахъ,
„Описывать Дюково богачество,—
„Да не описать будетъ“.
Прощался Добрыня съ Дюковой матушкой
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ Добрыня во Кіевъ градъ,
А ярлыки на дубовъ столъ клалъ:
И тогда Дюкова правда сбывается,
Будто вешня вода разливается,
Инъ еще Чурилу стало зазорко,
И самъ говорилъ таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
—Когда онъ правдой дѣтина похваляется,
—Такъ и пусть ударитъ со мной о великъ закладъ:
—Скакать черезъ матушку чрезъ Почай-рѣку
—На добрыхъ коняхъ и назадъ отскакивать.—
И ударились они о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
А ударились о своихъ буйныхъ головахъ:
Который изъ нихъ не перескочитъ,
У того голову срубить.
Чурило-то сынъ Пленковичъ
Выводилъ Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ самолучшаго,
Разганивалъ и разъѣзживалъ
Издалеча далеча, изъ чиста поля,
О полу-рѣки Чурила въ воду ввeрзился *).
Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
Не разганивалъ и не разъѣзживалъ,
Съ крутого берега коня приправливалъ
И скочилъ за матушку Почай-рѣку,
И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ.
И Чурила къ крутому берегу притягивалъ
И выдергивалъ саблю острую,
И хотѣлъ ему срубить буйну голову.
И тогда вступился князь со княгинею:
„Удалый дороднiй добрый молодецъ!
„Не руби ты Чурилы буйной головы,
„Да спусти ты Чурилу на свою волю“.
И тогда Дюкъ пялъ Чурила правой ногой—
Улетѣлъ Чурила во чисто поле,
А говорилъ Дюкъ таково слово:
—Ай ты, Чурило сухоногое!
—Поди, щепи[17]) ты съ дѣвками да съ бабами,
—А не съ нами добрыми молодцами.—
Садился Дюкъ на добра коня,
И самъ говорилъ таково слово:
—Прощай, свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
—И прощай, княгиня Апраксія,
—И прощайте, бояре всѣ кіевскіе,
—И прощайте, купцы именитые,
—И прощайте, мужики-огородники!—
И поѣхалъ Дюкъ ко городу ко Галичу,
И чрезъ стѣну махалъ прямо городовую,
И чрезъ высоку башню наугольную.
И уѣхалъ Дюкъ во Волынь замлю богатую,
Во Волынь землю и въ славенъ Галичъ градъ.

---

*) Этотъ стихъ см. у Рыбн., I, № 49 (Олонецкой г.).
[17]) т. е.: щеголяй.

39.

Михайло Казарянинъ*).

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья,
Какъ ясенъ сокóлъ вонъ вылётывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача добрый мóлодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ.
Какъ конь подъ нимъ — какъ бы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ — какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Куякъ [1]) и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей;
А кольчуга на немъ красна золота,
Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей;
Шеломъ на буйной головѣ замычется [2]),
Шелому цѣна три тысячи;
Копье въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
Въ долину сабля сажень печатная,
Въ ширину сабля осьми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы—слоны сохатныя [3]),
И рога красна золота,
А тетивочки шелкóвыя,
Бѣлаго шелку шамаханскаго;
А колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было полтораста стрѣлъ;
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Цѣны коню смѣты нѣтъ;
Почему коню цѣны смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.
А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру князю поклонитися,
Послужить вѣрою и правдою,
По заочью [4]) князю, не измѣню.
Какъ и будетъ онъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,

---

*) Кирша Даниловъ (Михайло Казариновъ).

[1]) Куякъ — въ старину: латы щитковыя или наборныя изъ бляхъ. — [2]) т. е.: замыкается, застегивается. — [3]) лосиныя. — [4]) заочно.

Походилъ въ гридню во свѣтлую,
Ко великому князю ко Владиміру;
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны;
Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси, удача добрый молодецъ!
„Отколь пріѣхалъ, отколь тебя Богъ принесъ?
„Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати".
И сказалъ удалой добрый молодецъ:
—А зовутъ меня Михайлою Казарянинъ,
—А Казарянинъ душа Петровичъ младъ.—
А втапоры стольный Владиміръ князь
Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ;
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра—въ полтора ведра,
И провѣдываетъ могучаго богáтыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
И турій рогъ меду сладкаго,
Меду сладкаго въ полтретья ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой,
А и выпилъ единымъ духомъ,
И турій рогъ меду сладкаго.
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси ты, молодой Михайло Казарянинъ!
„Сослужи ты мнѣ службу заочную:
„Съѣзди ко морю синему,
„Настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей,
„Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
„Къ моему столу княженецкому;
„До́-люби я молодца пожалую".
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго князя не ослушался,
Помолился Богу, самъ и вонъ пошелъ,
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ къ морю синему,
Что на тёплы-тихи за́води.
Какъ и будетъ у моря синяго,
На его счастки великія
Привалила птица къ берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ
Ко его столу княженецкому.
Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли,
И поѣхалъ отъ моря отъ синяго
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Наѣхалъ въ полѣ сыръ-кряковистый дубъ;
На дубу сидитъ тутъ черный воронъ,
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ—что огонь горятъ.
А и тутъ Казарянину за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Онъ Казарянинъ дивуется,
Говоритъ таково слово:
—Сколько по полю я ѣзживалъ
—По его государевой отчинѣ,
—Такого чуда не наѣзживалъ,
—И наѣхалъ нынѣ черна ворона!—
Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой ту́гой лукъ,
Изъ колчана калену́ стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона;
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей;
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя;
Чуть было спустилъ калену стрѣлу—
Провѣщится ему черный воронъ:
„Гой еси ты, удача добрый молодецъ!
„Не стрѣляй меня ты, черна ворона:
„Моей крови тебѣ не пить будетъ,
„Моего мяса не ѣсть будетъ,
„Надо мною сердце не изнести [5]).
„Скажу тебѣ добычу богатырскую:
„Поѣзжай на гору высокую,

[5]) т. е.: не сорвать сердца, не утѣшить, не потѣшить.

„Посмотри въ раздолья широкія,
„И увидишь во полѣ три бѣла шатра,
„И стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ [6]);
„На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
„Какъ бы три собаки наѣздники;
„Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
„Русская дѣвица полоняночка,
„Молода Мароа Петровична“.
И за то слово Казарянинъ спохватается:
Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,
Поѣхалъ на гору высокую;
Смотрѣлъ раздолья широкія
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвица полоняночка,
Молода Мароа Петровична;
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ [7]) жалобно причитаючи:
„О злосчастная моя буйна го́лова!
„Горе-горькая моя руса коса!
„А вечо́ръ тебя матушка расчесывала,
„Расчесала матушка, заплетала;
„Я сама, дѣвица, знаю-вѣдаю,
„Расплетать будетъ моя руса коса
„Тремъ татарамъ наѣздникамъ!“
Они тѣ-то рѣчи татара договариваютъ:
А первой татаринъ прого́воритъ:
„Не плачь, дѣвица-душа красная,
„Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго:
„А съ дѣлу [8]) татарину достанешься,
„Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
„Отдамъ за сына за любимаго,
„За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ“.
Съ тыя горы со высокія
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Козарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичъ младъ;
Притравилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго,
И въ рукѣ копье мурзамецкое:
Перваго татарина копьемъ сколол‍ъ,
Другого собаку конемъ стопталъ,
Третьяго—о сыру землю.
Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Схваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Русску дѣвицу полоняночку,
Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ...
Расплачется красная дѣвица:
„А не честь твоя молодецкая, богатырская,
„Не спросилъ ни дѣдины, ни отчины.
„Не княженецкая дочь и не боярская—
„Была я дочь гостиная:
„Изъ Волынца города изъ Галичья,
„Молода Мароа Петровична“.
И за то слово Казарянинъ спохватается:
—Гой еси, душа, красная дѣвица,
—Молода Мароа Петровична!
—А ты по роду мнѣ родна сестра!
—И ты какъ татарамъ досталася,
—Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?—
Говоритъ ему родная сестра:
„Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду
„Со своей сударынею матушкою:
„Какъ изъ далеча изъ чиста поля,
„Какъ черны вороны налетывали,
„Набѣгали тутъ три татарина наѣздника,
„Полонили меня красну дѣвицу,
„Повезли меня во чисто поле;
„А я такъ татарамъ досталася,
„Тремъ собакамъ наѣздникамъ“.
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата-серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
Переметныя, сыромятныя,
И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На русскаго богатырскаго,
Самъ садился на татарскаго,
Какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ
И поѣхалъ къ городу Кіеву.

---

[6]) Бесѣда — скамья рѣзная. Рыбій зубъ — моржовая кость. — [7]) сильно, очень. — [8]) съ раздѣлу.

Въѣзжаетъ въ стольный Кіевъ градъ.
А и стольники-приворотники
Доложили князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ.
Поколь Михайло снялъ съ добра коня
Свою сестрицу родимую
И привязалъ четырехъ коней
Четырехъ коней къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ князя Владиміра,
Велятъ иттить Михайлѣ въ свѣтлу гридню.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридню
Со своею сестрицею родимою;
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру
И княгинѣ Апраксѣевнѣ:
—Здравствуй ты, ласковый Владиміръ князь
—Со душою княгинею Апраксѣевною!
—Куда ты меня послалъ, то сослужилъ:
—Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
—И перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
—А и самъ въ добычѣ богатырскія:
—Убилъ въ полѣ трехъ татариновъ,
—Трехъ собакъ наѣздниковъ,
—И сестру родную у нихъ выручилъ,
—Молоду Марѳу Петровичну.—
Владиміръ князь стольно-кіевскій
Сталъ о томъ свѣтелъ-радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго,
Меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подносилъ Михайлѣ Казарянину.
Принимаетъ онъ Михайло единой рукой
И выпилъ единымъ духомъ.
Втапоры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ князь и со княгинею,
Смотрѣлъ его добрыхъ коней,
Добрыхъ коней татарскіихъ,
Велѣлъ тутъ князь стольно-кіевскій
Съ добра коня птицъ обрать,
И велѣлъ снимать сумы сыромятныя,
Относить во свѣтлы гридни,
Беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
А и коней поставить велѣлъ,
Поставить велѣлъ по стойламъ своимъ.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси ты, удача добрый молодецъ,
„Молодой Михайло Казарянинъ,
„А Казарянинъ душа Петровичъ младъ!
„У меня есть триста жеребцовъ,
„И три любимые жеребца:
„А нѣтъ такого единаго жеребца!
„Исполать тебѣ добру молодцу,
„Что служишь князю вѣрою и правдою!“



40.

Соловей Будиміровичъ*).

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

* * *

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того де царя вѣдь заморскаго [1])
Выбѣгали, выгребали тридцать ко́раблей,
Тридцать ко́раблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у ко́рабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было пробивано
По черному соболю якутскому
И якутскому вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у ко́рабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было соколѣ ко́раблѣ
Два медвѣди бѣлые, заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ ко́раблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;

*) Кирша Даниловъ.

[1]) Въ другихъ варіантахъ чаще: Изъ-за того острова Кадольскаго.

На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ [2]) молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ.
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
„И всѣ цѣловальники любимые!
„Какъ буду я въ городѣ Кiевѣ,
„У ласкова князя Владимiра,
„Чѣмъ мнѣ-то будетъ князя дарить,
„Чѣмъ свѣта жаловать?“
Отвѣчают гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
—Ты славный, богатый гость,
—Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ!
—Есть, сударь, у насъ золота казна:
—Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
—Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
—Есть, сударь, дорога камка,
—Что не дорога камочка—узоръ хитеръ:
—Хитрости были Царяграда,
—А и мудрости Iерусалима,
—Замыслы Соловья Будимiровича;
—На златѣ, на серебрѣ — не погнѣваться.—
Прибѣжали корабли подъ славный Кiевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владимiру,
Идетъ въ гридню, во свѣтлую,
Какъ бы на пяту [3]) двери отворялися;
Идетъ въ гридню купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ,
Спасову образу молится,
Владимiру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на-особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую;
Не дорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Iерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимiровича;
На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того:
Говорилъ ласковой Владимiръ князь:
—Гой еси ты, богатый гость,
—Соловей, сынъ Будимiровичъ!
—Заимуй дворы княженецкiе,
—Заимуй ты боярскiе,
—Заимуй дворы и дворянскiе.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимiровичъ:
„Не надо мнѣ дворы княженецкiе,
„И не надо дворы боярскiе,
„И не надо дворы дворянскiе;
„Только ты дай мнѣ загонъ земли,
„Непаханыя и неораныя,
„У своей, осударь, княженецкой племянницы,
„У молоды Запавы Путятишной;
„Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ
Построить мнѣ, Соловью, снаряденъ дворъ“.
Говорилъ сударь ласковый Владимiръ князь:
—На то тебѣ съ княгинею подумаю.—
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будимiровичъ:
„Гой еси вы, мои люди работные!
„Берите вы топорики булатные,
„Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
„Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшенье“.
Съ вечера позднимъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
Работала его дружина хоробрая.

[2]) См. стр. 148.—[3]) т. е.: настежъ.

Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутренѣ—
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій зеленой садъ.
Чудо Запавѣ показалося:
Въ ея хорошемъ зеленомъ саду
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки,
„Красныя сѣнныя дѣвушки!
„Подите-тко, посмотрите-тко,
„Что мнѣ за чудо показалося,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?"—
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
—Матушка Запава Путятишна!
—Изволь-ко сама посмотрѣть:
—Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.—
Скоро де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей;
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ— [4])
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды - въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная *).
Заходила во высокъ теремъ,
Господу Богу помолилася,
Соловью Будимiровичу поклонилася.
Соловей Будимiровичъ ю [5]) проздравствовалъ:
„Ты здравствуешь, Забава Путятишна,
„Молода княженецкая племница!"
Тутъ дѣвица не стыдилася,
За Соловья за мужъ подавалася.
Возговоритъ Соловей Будимiровичъ
Молодой Забавы Путятичной:
„А и же ты, Забава Путятична,
„Молода княженецкая племница!
„Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла:
„А тымъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
„Что сама себя дѣвица просватала".
Тутъ дѣвица прослезилася **),
Съ того со стыда со великаго
Скоро она поворотъ держитъ,
Поворотъ держала и домой бѣжала ***).
Младъ Соловеюшко Будимiровичъ
Сбирался на свои жъ на корабли
Со своей государыней со матушкой,
Со своей дружиною хороброю,
Обиралъ онъ терема златоверхіе
Со тыхъ со садовъ со Забавиныхъ.
Сдѣлалось мѣсто по старому...
Самъ онъ со княземъ прощается,

*) Далѣе Рыбн. I, № 53 (отъ лодочника Пудожскаго у. Шальскаго погоста). — **) Далѣе Рыбн. I, № 54 (отъ Никиф. Прохорова. — ***) Далѣе снова № 53.

[4]) Тамъ молча считаютъ деньги.—[5]) т. е.: ее.

Благодарствуетъ князя Владиміра
И молоду княгину Апраксію.
Скоро ступаетъ на червленъ корабль,
По червлену кораблю похаживаетъ,
Желтыма кудерками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Братцы, дружина хоробрая!
„Слушайте большого атамана,
„Дѣлайте дѣло повелѣное:
„Снимайте сходенки на ко́рабли,
„Поднимайте якори булатніе,
„Распускайте паруса крупчатные,
„Поѣзжайте за славно за сине море,
„За сине море за Волынское
„Ко тому лукоморью зеленому...“

По варіанту у Кирши Данилова Соловей и Забава „помолвлены“ при первомъ же свиданіи:

Провѣдала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончити посрочила:
„Съѣзди-де за моря синія,
„И когда-де тамъ расторгуешься,
„Тогда и на Запавѣ женишься“.
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.
Втапоры поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ Поповъ.
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ,
Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину печатную.
Втапоры князь сталъ спрашивати:
„Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!
„Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ ты видывалъ,
„Про гостя богатаго, про молода
„Соловья, сына Будоміровича?“
Отвѣчалъ ему голой Шапъ:
„Я де объ немъ слышалъ,
„Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
„У того царя заморскаго;
„Соловей у царя въ протаможье попалъ,
„И за то посаженъ въ тюрьму,
„А корабли его отобраны
„На его же царское величество“.
Тутъ ласковый Владиміръ князь закручинился.
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида Попова.
Тысяцкой—ласковый Владиміръ князь,
Свашела—княгиня Апраксѣевна;—
Въ поѣзду князи и бояра
Поѣзжали ко церкви Божіи.
Втапоры жъ въ Кіевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будиміровича,
Ко городу, ко Кіеву;
Якори метали во быстръ Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ.
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля съ каликами:
Во бѣломъ платьѣ сорокъ каликъ со каликою.
Походили они ко честной вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будиміровича,
Что прибылъ флотъ во девяностѣ корабляхъ
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ.
А оттуда пошли ко ласкову князю Владиміру
На княженецкій дворъ,
И стали въ единый кругъ.
Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой,—
И пошли въ гридни свѣтлыя,
Садились за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.
Тогда ласковый Владиміръ князь
Велѣлъ вина имъ заморскія подносить
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали,
Приводили его ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, государь, дядюшка,
„Ласковый, осударь, Владиміръ князь!
„Тотъ-то—мой прежній, обрученный женихъ
„Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
„Прямо, осударь, скачу—обезчещу столы“.

Говорилъ ей ласковый Владимiръ князь:
„А ты, гой еси, Запава Путятишна!
„А ты прямо не скачи—не безчести столы“.
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ.
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахáрныя, на большо мѣсто...
Втапоры ласковый Владимiръ князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того.
Поднимали пирушку великую.

По варiанту Прохорова (Рыбн. I, 332 и Гильфердингъ № 52) послѣ перваго свиданiя съ Запавою, Соловей сынъ Будимiровичъ, упрекнувъ племянницу князя Владимiра за то, что она сама себя просватала, „Ино на то да не осердился есть“,

Скоро онъ справляется добрый молодецъ,
Пришелъ-то онъ сватомъ большiимъ
Къ стольному ко князю ко Владимiру,
Садился онъ въ большо мѣсто,
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
„А и же ты князь стольно-кiевскiй!
„Есть у тя любимая племянница,
„Молода Любавушка Запавична:
„Отдай-ко ю, повыдай за меня замужъ“.
Тутъ-то князь Владимiръ стольно-кiевскiй
Просваталъ ю, красну дѣвушку,
Свою-то любимую племянницу.
И шли оны во церкву во Божiю,
Принимали оны златы вѣнцы.
Младъ Соловей сынъ Будимiровичъ
Скоро онъ сбирался на корабли
Со своима припасамы великима,
Со своими теремамы златоверхима.
Садился онъ молодецъ на корабли,
Отправлялся назадъ въ свою сторону,
Уѣхалъ-уѣзжалъ онъ добрый молодецъ,
Сталъ тамъ жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, дѣтей наживать.

Одни изъ ученыхъ видятъ въ Соловьѣ Будимiровичѣ яркiй и опредѣленный образъ морскихъ наѣздниковъ, вѣроятно прибалтiйскихъ, плѣнявшихъ своею богатою добычей и морскими диковинками русскихъ невѣстъ (г. Безсоновъ); другiе называютъ Соловья Будимiровича „варягомъ, норманскимъ пиратомъ“ (г. Буслаевъ); наконецъ третьи видятъ въ немъ знаменитаго строителя изъ Италiи, и именно изъ Венецiи, напоминающаго тѣхъ мастеровъ, которые съ XII в. приходили на Русь (Л. Майковъ). Но всѣ изслѣдователи сходятся въ одномъ — въ признанiи иностраннаго строя въ личности Соловья Будимiровича. И дѣйствительно, въ немъ замѣчаются черты быта, значительно отличающагося отъ кiевскаго [6]).

Что касается отношенiя Соловья Будимiровича къ Запавѣ Путятичнѣ, то очевидно, что въ основѣ былины заключается походъ за невѣстою, столь часто составляющiй предметъ народныхъ сказанiй. Самопросватанiе невѣсты встрѣчается въ славянскихъ и въ западноевропейскихъ произведенiяхъ [7]).

Исходъ сватовства въ различныхъ пересказахъ различный; по однимъ пересказамъ Соловей Будимiровичъ недоволенъ беззастѣнчивостью Запавы, но свадьба совершается благополучно въ Кiевѣ; по другимъ пересказамъ Соловей въ Кiевѣ не вѣнчается, а уѣзжаетъ въ свою землю Веденецкую; наконецъ въ третьемъ пересказѣ отвращенiе къ поступку Запавы проводится несравненно дальше: Соловей Будимiровичъ, проживъ у Владимiра три мѣсяца, снимаетъ свои терема и уплываетъ обратно.

---

[6]) Ѳ. Ѳ. Миллеръ. „Илья Мур. и богатырство кiевское“, стр. 561. — [7]) Id., 559.

41.

Саулъ Леванидовичъ [1]) и Константинъ Сауловичъ *).

Царь Саулъ Леванидовичъ
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
Отъ перваго стану до второго,
Отъ второго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
„Гой еси ты есми, царь Саулъ,
„Царь Саулъ Леванидовичъ!
„А кому меня царицу приказываешь,
„А кому меня царицу наказываешь?..
А и только царь слово выговорилъ
Царь Саулъ Леванидовичъ:
—А и гой еси, царица Азвяковна,
—Молода Елена Александровна!
—Никому я тебя царицу не приказываю,
—Не приказываю и не наказываю;
—А то коли тебѣ Господи сына дастъ,
—Вспой-вскорми и за мной его пошли;
—А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
—Вспой-вскорми, за-мужъ отдай,
—А любимаго зятя за мной пошли;
—Поѣду я на двѣнадцать лѣтъ.—
Вскорѣ послѣ его царицѣ Богъ сына даетъ,
Попъ приходитъ со молитвою,
Имя даетъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и царское дитя не по годамъ растетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
А который ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ.
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ,
И которые во полу-тридцати,—
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,
Еще ли дѣти купецкіе.
Онъ шутку шутитъ не по-ребячью,
А творки творилъ не маленькимъ:
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго задѣнетъ за ногу,
Ногу оторветъ прочь;

*) Кирша Даниловъ.
[1]) или Сауръ Ванидовичъ.

И котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ храпитъ-реветъ, окорачъ ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.
Князи-бояра дивуются,
И всѣ купцы богатые:
„А что это у насъ за уродъ растетъ?"...
Доносили они жалобу великую
Какъ бы той царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ:
Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои,
Того ли млада Константинушку Сауловича,
Стала его журить-бранить,
А журить-бранить, на умъ учить смиренно жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичъ
Только у матушки выспросилъ:
„Гой еси, матушка,
„Молода Елена Александровна!
„Есть ли у меня на роду батюшка?"
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
—Гой еси, мое чадо милое,
—А и ты младой Константинушка Сауловичъ?
—Есть у тебя на роду батюшка,
—Царь Саулъ Леванидовичъ;
—Поѣхалъ онъ за море синее,
—Въ дальну орду, въ Половецку землю,
—Брать дани, невыплаты,
—А поѣхалъ онъ на двѣнадцать лѣтъ...
—Только ему царю слово выговорила:
—„А кому меня царицу приказываешь?"
—Только лишь царь слово выговорилъ:
—„Никому я тебя царицу не приказываю и не наказываю;
—„А то коли тебѣ Господь сына дастъ,
—„Ты де вспой-вскорми,
—„Сына за мной пошли;
—„А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
—„Вспой-вскорми, за-мужъ отдай,
—„А любимаго зятя за мной пошли".—
Много царевичъ не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
„Конюхи, приспѣшники!
„Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
„Подъ то сѣделечко черкесское,
„А въ задней слукѣ [2]) и въ передней слукѣ
„По тирону по каменю,
„По дорогу по самоцвѣтному:
„А не для-ради меня молодца,
„Басы [3]) для-ради, богатырскія крѣпости,
„Для-ради пути для дороженьки,
„Для ради темной ночи осенней,
„Чтобы видѣть при пути-дороженькѣ
„Темна ночь до бѣла свѣта".
А и только вѣдь матушка видѣла.
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился въ сѣделечко черкесское;
Только онъ въ ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ:
А и только съ собою ружье [4]) везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую,
А и мѣдну литу въ триста пудъ.
И наѣхалъ часовню, зашелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ:
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
„Кто этой дорогой поѣдетъ,
„Конь будетъ сытъ—самому смерть".
А другою крайнею дорогою лѣвою:
„Кто этой дорогой поѣдетъ,
„Молодецъ самъ будетъ сытъ—конь голоденъ".
А середнею дорогою поѣдетъ:
„Убитъ будетъ смертью напрасною".
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Молодой Константинушка Сауловичъ
Поѣхалъ онъ дорогою среднею.
Доѣжаетъ до рѣки Смородины,
А втапоры Кунгуръ царь перевозится
Со тѣми ли татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичъ

---

[2]) Слука—лука. — [3]) Баса—краса. — [4]) т. е.: оружіе.

Зачалъ татаровъ съ краю бить
Тою палицею тяжкою.
Онъ бьется-дерется цѣлый день,
Не пиваючи не ѣдаючи,
Ни на малый часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужъ красное солнце закатается,
Молодой Константинушка Сауловичъ
Отъѣхалъ онъ отъ татаръ прочь,
Гдѣ бы молоду опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и молодой Константинушка Сауловичъ
Онъ молодецъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.
Скоро де садился на добра коня,
Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и тутъ татары догадалися,
Они къ Кунгуру царю пометалися:
„Гой еси ты, Кунгуръ царь,
„Кунгуръ царь Самородовичъ!
„Какъ намъ будетъ дѣтину ловить,
„Силы мало осталось у насъ?"
А и Кунгуръ царь Самородовичъ
Научалъ тѣхъ ли татаръ поганыихъ
Копати ровы глубокіе:
—Заплетайте вы туры [5]) высокіе,
—А ставьте поторчины [6]) дубовыя,
—Колотите вы надолбы желѣзныя.—
А и тутъ татары поганые
И копали они ровы глубокіе,
Заплетали туры высокіе,
Ставили поторчины дубовыя,
Колотили надолбы желѣзныя.
А поутру рано ранёшенько,
На свѣтлой зарѣ, рано-утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой добрый молодецъ
Младой Константинушка Сауловичъ;
А и бѣгаетъ-скачетъ съ одной стороны,
И завернется на другу сторону,
Усмотрѣлъ ихъ татарскіе вымыслы—
Тамо татары просто стоятъ;
И которыхъ вислоухихъ—всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ—всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру царю,
Разбилъ его въ крохи—
А достальныхъ татаръ домой отпустилъ.
И поѣхалъ Константинушка ко городу Угличу.
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ [7]),
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна-могуча богатыря,
Съ кѣмъ побиться-подраться и поратиться.
А углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличъ крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
„Гой еси, удалой доброй молодецъ!
„Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
„А и нѣту у насъ царя въ ордѣ, короля въ Литвѣ,
„Мы тебя поставимъ царемъ въ орду, королемъ въ Литву".
У Константинушки умокъ молодёшенекъ,
Молодёшенекъ умокъ, зеленёшенекъ.
И сдавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну:
Они крюки-багры замётывали,
Подымали его на стѣну высокую
Со его добрымъ конемъ.
Мало бремени замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры [8]) шелковые;
И сковали ему ноги рѣзвыя
Въ тѣ ли желѣза нѣмецкія;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу мѣдную,
А и тяжку литу въ триста пудъ;
Сняли съ него платье царское цвѣтное

[5]) Туры—плетенки съ землею. — [6]) т. е. колья или столбы. — 7) Хоботы—участки. — [8]) Чембуръ—третій поводъ у уздечки, за который водятъ коня.

И надѣвали на него платье опальное, будто тюремное;
Повели его въ погребы глубокіе,
Мѣсто темной темницы;
Только его посадили мóлодца,
Запирали дверями желѣзными
И засыпали хрящемъ, пески мелкими.
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича:
И которыя подъ царя пригодилися,
И пріѣхалъ тутъ онъ царь Саулъ
Въ свое царство въ Алыберское.
Царица его царя встрѣтила
А и молода Елена Александровна:
За первымъ поклономъ царь поздравствовалъ:
„Здравствуй ты, царица Азвяковна,
„А и ты молода Елена Александровна!
„Чтó послѣ меня тебѣ Богъ далъ?“
Втапоры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила:
—Гой еси, царь Саулъ Леванидовичъ!
—Вскорѣ послѣ тебя Богъ сына далъ,
—Попъ приходилъ со молитвою,
—Имя давалъ Константинушкомъ.—
Царь Саулъ Леванидовичъ
Много ли царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
„Конюхи вы мои, приспѣшники!
„Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
„Который жеребецъ стоитъ тридцать лѣтъ.“
Скоро тутъ конюхи метались,
Осѣдлали ему того добра коня,
И беретъ онъ царь свою сбрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье мурзамецкое,
Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу;
А тѣ же мужики Угличи, извощики,
Съ нимъ ѣхавши разсказываютъ,
Какого мóлодца посадили въ погребы глубокіе,
И сказываютъ, каковы коня примѣты,
И каковъ былъ молодецъ самъ.
Втапоры царь Саулъ догадается,
Самъ говорилъ таково слово:
„Глупы вы мужики, неразумные!
„Не спросили удала добра молодца
„Его дѣ́дины, отчины;
„Что онъ прежде того
„Не мало у Кунгура царя силы погубилъ,—
„Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати,
„А вы его назвали воромъ-разбойникомъ,
„И оборвали съ него платье цвѣтное,
„И посадили въ погреба глубокіе,
„Мѣсто темной темницы!“
И мало время поизойдучи,
Подъѣзжалъ онъ царь ко городу Угличу,
Просилъ у мужиковъ угличевъ,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Который сидитъ во погребахъ глубокіихъ.
А и тутъ мужики угличи
Съ нимъ со царемъ заздорили,
Не пускаютъ его во Угличъ градъ,
И не сказываютъ про того удала добра молодца:
„Что де у насъ нѣтъ такого и не бывало“.
Старики тутъ вмѣстѣ соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное:
Наряжался онъ младой Константинушка Сауловичъ
Въ тое свое платье царское, цвѣтное;
Подошелъ Константинушка Сауловичъ
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину разсказывати.
А и царь Саулъ спохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
И цѣлуетъ его во уста сахáрныя:
„Здравствуй, мое чадо милое,

„Младой Константинушка Сауловилъ!"
А и втапоры царь Саулъ Леванидовичъ
Спрашиваетъ мужиковъ угличевъ:
„Есть ли у васъ мастеръ заплечный [9]) съ подмастерьями?"
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичъ
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
И садилися тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое царство во Алыберское.
И будетъ онъ царь Саулъ Леванидовичъ
Во своемъ царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ младымъ Константинушкомъ Сауловичемъ,
И съѣхалися со царицею, обрадовалися.
Не пива у царя варить, не вина курить:
Пиръ пошелъ на радостяхъ,
А и пили да ѣли, потѣшалися;
А и день къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости отъ царя разъѣхалися.
Тѣмъ старина и кончилася.

По симбирскому варіанту *) сынъ выручаетъ отца—князя астраханскаго Саура Ванидовича:

Родила княгиня сына себѣ,
Поила-кормила сына его восемь лѣтъ,
На девятомъ году собирать она стала его на подмочь,
Давала силы съ нимъ сорокъ тысячъ.
И пошелъ же молодой вьюношъ къ отцу на подмочь:
Латынское царство онъ выжегъ и вырубилъ,
А литвинское царство въ полонъ все взялъ;
Подходитъ онъ къ царству Сорочинскому,
Увидали старики сорочинскіе,
Они дѣлали сходки все великія:
„Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
„Просятъ поединщика!"
Возговорили старики сорочинскіе:
„Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщичекъ,
„Пошлемъ мы его напротивъ силы поединщикомъ".
Приходили же старики сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
„Ты гой еси, затюремщичекъ!
„Сослужи ты намъ службу великую
„Напротивъ силы поединщикомъ".
Возговорилъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ:
—Ой вы гой еси, старики сорочинскіе!
—Давайте мнѣ коня добраго
—И сбрую богатырскую.—
Сѣлъ на добра коня
И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.
Съѣхались, поздоровались
И поцѣловались, врозь разъѣзжались,
И бились день до вечера,
И никто никого не одолѣваетъ.
И взозрѣлъ князь Сауръ
Сынъ Ванидовичъ на небо;
—Помоги ты мнѣ, Господи,
—Молодого воина изъ сѣдла выладить!—
И выладилъ изъ сѣдла,
И палъ ему на бѣлу грудь,
И сталъ его спрашивать:
—Охъ ты гой еси, молодой воинъ!
—Какого ты роду-племени?—
„Не моя въ полѣ—Божья помочь:
„Не сталъ бы я много спрашивать,
„Срубилъ бы съ тебя буйну голову
„По самыя могучія плечи!
„Былъ у меня батюшка
„Князь Сауръ сынъ Ванидовичъ,
„Пошелъ воевать подъ три царства,
„Тамъ и пропалъ".
Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ заплакалъ,
И поднялъ за бѣлы руки и возговорилъ:
—Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
—Вѣдь я твой родной батюшка!—
Тутъ онъ написалъ письмо
И послалъ гонца къ своей матушкѣ:
„Гой ты еси, моя родная матушка!
„Выручилъ я родного батюшку!"

---

*) Кир., III, стр. 114.
[9]) т. е.: палачъ.

42.

О двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ и князѣ Романѣ Дмитріевичѣ *).

На Паневѣ было, на Уланевѣ,
Жило-было два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника:
„Ахъ ты дядюшка нашъ, Чимбалъ король,
„Чимбалъ, король земли Литовскія!
„Дай-ко намъ силы сорокъ тысячей,
„Дай-ко намъ казны сто тысячей:
„Поѣдемъ мы на святую Русь,
„Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ".
Воспроговоритъ Чимбалъ, король земли Литовскія:
—А и же вы, два брата, два Ливика,
—Королевскіихъ два племянника!
—Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
—И не дамъ прощеньица-благословеньица,
—Чтобы ѣхать вамъ на Святую Русь,
—Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ,
—Сколько я на Русь ни ѣзживалъ,
—А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
—Поѣзжайте вы во землю во Левонскую,
—Ко тому ко городу ко Красному,
—Ко тому селу-то ко Высокому:
—Тамъ молодцы по спальнямъ засыпалися,
—А добры кони по стойламъ застоялися,
—Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
—Золота казна по погребамъ запасена.
—Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
—Тамъ получите добрыхъ коней,
—Тамъ получите цвѣтно платьице,
—Тамъ получите безсчетну золоту казну.—
Тутъ-то два братца, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Скорѣе того они поѣздъ чинятъ
Во тую ли землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили они добрыхъ коней,
Получили они добрыхъ молодцевъ,
Получили они цвѣтно платьице,
Получили они безсчетну казну.
И выѣхали два брата, два Ливика,
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали ѣсть-пить, веселитися
На той на великой на радости:
Сами говорятъ таково слово:
„Не честь-хвала молодецкая
„Не съѣздить намъ на святую Русь
„Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ".

*) Рыбн. I, № 73 (отъ лодочника Пудожск. у.).

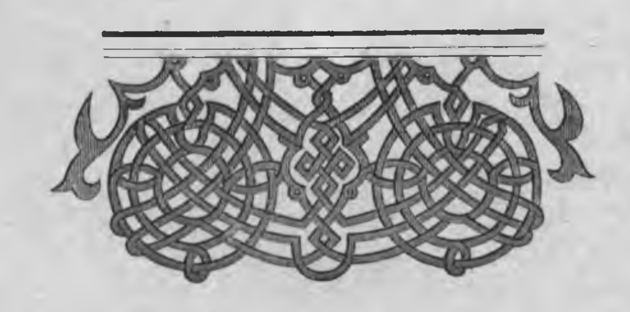
Тутъ два брата, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрѣльцовъ удалыихъ добрыхъ молодцевъ:
Не доѣдучись до князя Романа Митріевича,
Пріѣхали ко перву селу ко Славскому:
Во томъ селѣ было три церкви,
Три церкви было соборніихъ:
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали оны ко второму селу Корочаеву:
Во томъ селѣ было шесть церквей,
Шесть церквей было соборніихъ:
Оны то село огнемъ сожгли.
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужиковъ повырубили.
Ѣхали оны ко третью селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому:
Во томъ селѣ было девять церквей;
Оны то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили,
Полонили оны полоняночку.
Молоду Настасью Митріевичну
Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ
А на той ли на великой на радости
Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Оны почали ѣсть-пить, прохлаждатися;
А втапоры было, въ то время
Князя Романа Митріевича при домѣ не случилося:
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ,
Опочивалъ князь въ бѣломъ шатрѣ.
Прилетала пташечка со чиста поля,
Она сѣла пташица на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой;
Она почала пташечка пѣть-жупѣть,
Пѣть-жупѣть, выговаривать:
—А и же ты, князь Романъ Митріевичъ!
—Спишь ты, князь, не пробудишься,
—Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
—Пріѣхали два брата, два Ливика,
—Королевскіихъ два племянника,
—Разорили оны твоихъ три села;
—Во первомъ селѣ были три церкви,
—Оны ты церкви огнемъ сожгли,
—Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
—Въ другомъ селѣ было шесть церквей,
—Оны ты церкви огнемъ сожгли,
—Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
—Въ третьемъ селѣ было девять церквей,
—Оны ты церкви огнемъ сожгли,
—Черныхъ мужичковъ повырубили;
—Полонили оны полоняночку,
—Молоду Настасью Митріевичну
—Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ;
—А на той ли великой на радости
—Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
—На тое раздольице широкое,
—Раздернули шатры полотняные,
—Ѣдятъ оны, пьютъ, прохлаждаются.
А ту князь Романъ Митріевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Вросалъ онъ о дубовой столъ,
О дубовой столъ, о кирпиченъ мостъ,
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ ты тварь, ты тварь поганая,
„Ты поганая тварь, нечистая!
„Вамъ ли щенкамъ насмѣхатися?
„Я хочу со вами со щенками управиться".
Собиралъ онъ силы девять тысячей,
Приходилъ онъ ко рѣкѣ Смородины,
Самъ говорилъ таково слово:
„А и же вы дружинушка хоробрая!
„Дѣлайте дѣло повелѣное,
„Рѣжьте жеребья липовы,
„Кидайте на рѣку на Смородину,
„Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывай".
Дѣлали дѣло повелѣное,
Рѣзали жеребья липовы,
Кидали на рѣку на Смородину;
Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывалъ.
Которой силы быть убиты,

Тыя жеребья каменемъ ко дну;
Которой силы быть зранены,
Тыя жеребья противъ быстрины пошли;
Которой силы быть не ранены,
Тыя жеребья по воды пошли...
Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Которы жеребья каменемъ ко дну,
„Тая сила будетъ убитая;
„Которы жеребья противъ быстрины пошли,
„Тая сила будетъ поранена;
„Которы силы по воды пошли,
„Тая сила будетъ здравая.
„Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
„А надобно столько три тысячи“.
Еще Романъ силушкѣ наказывалъ:
„А и же вы дружинушка хоробрая!
„Какъ заграю во первый наконъ
„На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
„Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
„Какъ заграю я во второй наконъ
„На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
„Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
„Какъ заграю я въ третій наконъ,
„Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ
„Во далечѣ-далечѣ во чистомъ полѣ“.
Самъ князь обернется сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то князь во чисто поле,
Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ,
Забѣжалъ онъ во конюшни во стоялыя,
У добрыхъ коней глоточки повыхваталъ,
По чисту полю поразметалъ;
Забѣжалъ онъ скоро во оружейную,
У оружьицевъ замочки повывертѣлъ,
По чисту полю замочки поразметалъ;
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
По чисту полю тетивочки поразметалъ.
Обернулся тонкимъ бѣлымъ горносталемъ,
Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлый шатеръ.
Какъ скоро забѣгаетъ во бѣлый шатеръ,
И видѣлъ младенчикъ двумѣсячный,
Самъ говорилъ таково слово:
—Ахъ ты свѣтъ, государыня матушка,
—Молода Настасья Митріевична!
—Мой-то дядюшка, князь Романъ Митріевичъ,
—Онъ бѣгаетъ по бѣлу шатру
—Тонкимъ бѣлымъ горносталемъ.—
Тутъ-то два брата, два Ливика
Начали горносталя поганивать
По бѣлу шатру по полотняному;
Соболиной шубой пріокидывать.
Тутъ-то ему не къ суду пришло,
Не къ суду пришло, да не къ скорой смерти.
Выскакивалъ изъ шубы въ тонкой рукавъ,
Въ тонкой рукавъ на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле;
Обвернулся горносталь чернымъ ворономъ,
Садился черный воронъ на сырый дубъ,
Заграялъ воронъ во первый наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Говорятъ ему таковы слова:
—А и же ты воронъ, воронъ черный,
—Черный воронъ, усталый,
—Усталый воронъ, упалый! [1])
—Скоро возьмемъ мы туги луки,
—Скоро накладемъ калены стрѣлы,
—Застрѣлимъ ти [2]) чернаго ворона,
—Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
—Перье твое распустимъ по чисту полю.—
Заграялъ воронъ во второй наконъ:
Воспроговорятъ два брата, два Ливика:
—А и же ты, воронъ, воронъ черный,
—Черный воронъ, усталый,
—Усталый воронъ, упалый!
—Скоро возьмемъ мы туги луки,
—Скоро накладемъ калены стрѣлы,
—Застрѣлимъ ти чернаго ворона,
—Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
—Перье твое распустимъ по чисту полю.—
Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Скоро скочили оны на рѣзвы ноги,
Приходили оны въ оружейную,
Схватилися оны за туги луки:

---

[1]) Упалый — дохлый. — [2]) т. е.: тебѣ.

У тугихъ луковъ тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки размётаны;
Хватились оны за оружьица:
У оружьицевъ замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны;
Хватились оны за добрыхъ коней:
У добрыхъ коней глоточки повыхватаны,
По чисту полю размётаны.
Тутъ-то два брата, два Ливика,
Выбѣгали оны скоро на чисто поле;
Какъ наѣхала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали къ дядюшкѣ,
Чимбалъ-королю земли Литовскія,
Самъ же князь-то приговаривалъ:
„Ты, безглазый, неси безногаго,
„А ты ему дорогу показывай!"



БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

Въ новгородскихъ былинахъ воспѣваются богатыри иного рода, нежели въ былинахъ кіевскихъ. Первый изъ героевъ новгородскихъ — предводитель одной изъ городскихъ партій, удалецъ, вступающій въ бой съ мужиками новгородскими на Волховскомъ мосту; онъ отправляется затѣмъ въ Іерусалимъ, но гибнетъ, не желая покориться высшей волѣ. Былина о странствованіи его основана на раннемъ преданіи о хожденіи новгородскихъ гостей на поклоненіе въ Святую землю. Другой герой, купецъ новгородскій, разбогатѣвшій и вступившій въ состязаніе съ цѣлымъ городомъ, пытается подавить его своимъ богатствомъ, но великій Новгородъ оказывается богаче его. Дальнѣйшія похожденія богатыря-купца основаны на сказаніяхъ объ отважныхъ морскихъ плаваніяхъ новгородцевъ. Путь, по которому плыветъ онъ съ товарами своими, опредѣляется въ новгородской былинѣ согласно дѣйствительному пути, которымъ плавали новгородцы; здѣсь не нарушена, какъ въ кіевскихъ былинахъ, географическая вѣрность мѣста дѣйствія [1]). Въ новгородскихъ былинахъ полнѣе сохранились слѣды языческихъ вѣрованій: здѣсь является дѣйствующимъ лицомъ морское божество, Водяникъ, и дѣйствіе переносится въ подводное царство, изображенное живыми красками.

Изъ женскихъ лицъ въ новгородской былинѣ ярче другихъ выступаетъ образъ старой вдовы, крѣпко держащей власть въ семьѣ своей.

43.

Садко купецъ, богатый гость [2]) *).

Жилъ-былъ Садко́, богатый гость,
Все-то у Садка́ по небесному:
На небѣ солнце—во платьѣ солнце,
На небѣ звѣзды—во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ—во теремѣ мѣсяцъ:
Все-то у Садка́ по небесному **).
Во славноемъ во Новѣградѣ
Какъ былъ Садко [3]) купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,

*) Начало по Рыбн. I, № 61 (отъ Рябинина, Кижской волости). — **) Далѣе Рыбн. I, № 64 (Сумозерскаго погоста, Пудожскаго у.).

[1]) За исключеніемъ упоминанія Золотой орды. — [2]) Гость—купецъ. — [3]) Въ подл.: Садкé.

Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть во гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перéпался [2]),
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перéпался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть во гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался Царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
—А и же ты, Садко Новгородскіій!
—Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
—За твои за утѣхи великія,
—За твою-то игру нѣжную:
– Аль безсчетной золотой казной?
—А не то ступай во Новгородъ
—И ударь о великъ закладъ,
—Заложи свою буйну голову,
—И выряжай съ прочихъ купцовъ
—Лавки товара краснаго,
—И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
—Есть рыба—золоты перья.
—Какъ ударишь о великъ закладъ,
—И поди—свяжи шелковый неводъ,
—И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
—Дамъ три рыбины—золоты перья.
—Тогда ты, Садко, счастливъ будешь.—
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскіій
Сталъ играть во гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садка попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
„А и же вы, купцы новогородскіе!
„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ:
„А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
—Не знаешь ты чуда чуднаго,
—Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты перья.—
„А и же вы купцы новогородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ко о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго“.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;

[2]) т. е.: испугался.

На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

***

Потомъ Садко купецъ, богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новогородскіе:
„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„Всѣ на почестномъ напивалися,
„Похвальбамы всѣ похвалялися.
„Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
„Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?"
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость.
—А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
—Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
—У меня ль золота казна не тóщится,
—Цвѣтно платьице не носится,
—Дружина хоробра не измѣняется.
—А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
—На свою безсчетну золоту казну
—Повыкуплю товары новогородскіе,
—Худые товары и добрые!—
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новогородскіе
Ударили о великъ закладъ
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ-ранó,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ во гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавéзено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупалъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавéзено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта—
„Още повыкуплю товары московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскіій:
„Побогаче меня славный Новгородъ".
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

***

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,

Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ[3]);
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары повгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синéмъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:
„А и же ты, дружинушка хоробрая!
„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали:
„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море.
„А и же, братцы, дружинушка хоробрая!
„Взимайте бочку сороковку чиста сéребра,
„Спущайте бочку во сине море".
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Видно, царь морской требуетъ
„Живой головы во сине море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны [4]),
„Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спущайте жеребья на сине море:
„Чей жеребей ко дну пойдетъ,
„Таковому итти въ сине море".
Дѣлали жеребья волжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья во сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А и же братцы, дружина хоробрая!
„Этыя жеребья не правильны:
„Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
„А я сдѣлаю жеребей волжаный".
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море;
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно [5])....
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А и же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно, царь морской требуетъ
„Самого Садка богатаго въ сине море.
„Несите мою чернилицу вальяжную,
„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый".
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.

[3]) т. е.: красныхъ. — [4]) Волжаный—изъ дерева волжанки (мелкой приволожской ивы). — [5]) Этимъ не оканчивается испытаніе. Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовые, а самъ дѣлаетъ липовые; потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ дубовый.

Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„А и же, братцы, дружина хоробрая!
„Давайте мнѣ гуселки яровчаты
„Поиграть ли мнѣ въ остатнее:
„Больше мнѣ въ гуселки не игрывати,
„Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую,
„Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.“
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ:
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ Царь морской,
Голова у Царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ Царь таковы слова:
—А и же ты, Садко купецъ, богатый гость!
—Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
—Мнѣ царю дани не плачивалъ,
—А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
—Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
—Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.—
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ още Садко и третьи,
А все пляшетъ Царь морской во синемъ морѣ—
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садка во плечо во правое:
—А и же ты, Садко новгородскіій!
—Полно играть въ гусёлышки яровчаты!—
Обернулся—глядитъ Садко новгородскіій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко новогородскіій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
„Приказано играть въ гуселки яровчаты“.
Говоритъ старикъ таковы слова:
—А ты струночки повырывай,
—А ты шпенечки повыломай.
—Скажи: у меня струночекъ не случилося,
—А шпенечковъ не пригодилося,
—Не во что больше играть:
—Приломалися гуселки яровчаты.
—Скажетъ тебѣ Царь морской:
—Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
—На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?
—Говори ему таковы слова:
—У меня воля не своя во синемъ морѣ.
—Опять скажетъ Царь морской
—Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
—Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.
—Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
—Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
—И друго триста дѣвицъ пропусти,
—И третье триста дѣвицъ пропусти:
—Позади идетъ дѣвица красавица,
—Красавица дѣвушка Чернавушка.—
—Бери тую Чернаву за себя за мужъ...
—Будешь, Садко, во Новѣградѣ.



Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко., Москва.

Садко.

Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

—А на свою безсчетну золоту казну
—Построй церковь соборную Миколы Можайскому.—
Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему Царь морской:
—А и же ты, Садко новогородскій!
—Что же не играешь въ гуселки яровчаты?—
„У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
„А струночекъ запасныхъ не случилося,
„А шпенечковъ не пригодилося".
Говоритъ Царь таковы слова:
—Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
—На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—
Говоритъ ему Садко новогородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ".
Опять говоритъ Царь морской:
—Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
—Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
Поглядитъ—идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ:
Позади шла дѣвица красавица,
Красаввца дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя за мужъ...
Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые кораблики по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
—Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
„Остался Садко во синемъ морѣ!"
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
„Остался Садко во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!"
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садко за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,—
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко за сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

44.

Василій Буславъ *).

Жилъ Буславъ въ Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Со Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Со Опсковымъ [1]) онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился **).
Жилъ Буславьюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталъ Васенька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики новгородскіе:
„А и же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
„Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
„Наквасити рѣка будетъ Волхова“ [2]).
Идетъ Василій въ широкія улочки.
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
—А и же ты, мое чадо милое,
– Милое чадо роженое,
– Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
—Что идешь не веселъ не радошенъ?
—Кто же ти на улушкѣ пріобидѣлъ?—
„А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
„Я кого возьму за руку—рука прочь,
„За ногу кого возьму—нога прочь,
„А котораго ударю по́ горбу,
„Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
„А говорили мужики новогородскіе,
„Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
„Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
А говоритъ мать таковы слова:
—А и же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
—Прибирай-ко себѣ дружину хоробрую,
—Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.—
И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра.
Становилъ чашу середи двора
И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
„Кто эту чашу приметъ одной рукой
„И выпьетъ эту чашу за единый духъ,
„Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!“
И садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые ярлыки,
Въ ярлыкахъ Васенька прописывалъ:

---

*) Рыбн. I, № 56 (отъ лодочника Пудожскаго у.). — **) Далѣе Рыбн. I, № 55 (отъ 90-лѣтняго старика на Колодозерѣ Пудожскаго уѣзда).

[1]) Со Псковомъ. — [2]) т. е.: накидать въ рѣку перебитыхъ.

„Зоветъ-жалуетъ на почестенъ пиръ“;
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
И пошли мужики новогородскіе
Изъ тоя изъ церквы изъ соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Господа стали стрѣлочки посматривать:
„Зоветъ-жалуетъ Василій на почестенъ пиръ“.
И собиралися мужики новогородскіе увалами,
Увалами собралися, перевалами
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будуть у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
„А и же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
„Мы теперь стали на твоемъ дворѣ,
„Всю мы у тя ѣству выѣдимъ.
„И всѣ напиточки у тя выпьемъ,
„Цвѣтно платьице повыносимъ,
„Красно золото повытащимъ“.
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ
И зачалъ Василій пó двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куды махнетъ, туды улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ:
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало [3]) тотъ идетъ, мало новóй идетъ
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
Идетъ-то Костя Новоторжанинъ
Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новы́хъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
Какъ ударилъ Костю-то по горбу:
Стоитъ-то Костя—не крянется [4]),
На буйной головы кудри не ворохнутся.
„А и же ты, Костя Новоторжанинъ!
„Будь моя дружина хоробрая,
„Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
Ко Василью на широкій дворъ,
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
Ударитъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:
Стоитъ Потанюшка и не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
„А и же, Потанюшка Хроменькій!
„Будь моя дружина хоробрая,
„Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
Мало тотъ идетъ, мало новóй идетъ,
Идетъ-то Хомушка [5]) Горбатенькій
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ-то чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Того и бить не шелъ со новы́хъ сѣней:
„Ступай-ко въ палаты бѣлокаменны
„Пить намъ напитки сладкіе,
„Ѣства-то ѣсть саха́рнія,
„А бояться намъ въ Новѣградѣ некого!“
И прибралъ Василій три дружины въ Новѣградѣ.
И завелся у князя новогородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей на бóяръ,
На сильныхъ могучіихъ бога́тырей,
А молодца Василья не почествовали.
Говоритъ матери таковы слова:
„А и же ты, государыня матушка,
„Честна вдова Авдотья Васильевна!
„Я пойду къ князьямъ на почестенъ пиръ“.
Возгóворитъ Авдотья Васильевна:
—А и же ты мое чадо милое,
—Милое чадо рожоное!
—Званому гостю мѣсто есть,
—А незваному гостю мѣста нѣтъ.—

[3]) т. е.: вскорѣ. — [4]) т. е.: не тронется. — [5]) Ѳомушка.

Онъ Василій матери не слушался,
А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую;
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ [6]),
И тронулся на лавочку къ пестно-углу [7]),
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу;
И тронулся на лавочку къ вернó-углу [8]),
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости перепалися [9]),
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своей дружиною хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возгóворитъ Костя Новоторжанинъ:
—А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати:
—Я остался отъ батюшки малешенекъ,
—Малешенекъ остался и зеленешенекъ.
—Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
—Ударить съ вами о великъ закладъ
—О буйной головы на весь на Новгородъ,
—Окромѣ трехъ монастырей—
—Спаса Преображенія,
—Матушки Пресвятой Богородицы,
—Да еще монастыря Смоленскаго.—
Ударили оны о великъ закладъ,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
„Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ;
„Хоть свалятъ Василья до мосту,
„Вести на казень на смертную,
„Отрубить ему бйна голова;
„Хоть свалятъ Василья у моста,
„Вести на казень на смертную,
„Отрубить ему буйна голова;
„Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
„Вести на казень на смертную,
„Отрубить ему буйна голова.
„А ужъ какъ пройдетъ третью застaву,
„Тожно больше дѣлать нечего“.
И пошелъ Василій со пира домой,
Не веселъ идетъ домой, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
—А и же ты, мое чадо милое,
—Милое чадо рожоное!
—Что идешь не веселъ, не радошенъ?—
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
„Я ударилъ съ мужикамы о великъ закладъ—
„Итти съ утра на Волховъ мостъ:
„Хоть свалятъ меня до моста,
„Хоть свалятъ меня у моста,
„Хоть свалятъ посередь моста,
„Вести меня на казень на смертную,
„Отрубить мнѣ буйна голова.
„А ужъ какъ пройду третью заставу,
„Тожно больше дѣлать нечего“.
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тымъ ли вязомъ черленыимъ,
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста сéребра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ даровья князю новогородскому,
Чтобы простилъ сына любимаго.
Говоритъ князь новогородскій:
„Тожно прощу, когда голову срублю!“
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото, и чисто серебро,
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,

[6]) уголъ, гдѣ стоятъ иконы. — [7]) т. е.: противъ устья печки. — [8]) т. е.: къ двери. — [9]) т. е.: испугались.

Сама говорила таковы слова:
—Не дорого мнѣ ни золото, ни сéребро, ни скатенъ жемчугъ,
—А дорога мнѣ буйная головушка
—Своего сына любимаго,
—Молода Васильюшки Буславьева.—
И спитъ Василій, не пробудится.
Какъ собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ оны во всю голову:
„Ступай-ко, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
„Рушай-ко завѣты великіе!"
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто.
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пяти сотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій,
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пятисотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:
—А и же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
—Ты спишь, Василій, не пробудишься,
—А твоя-то дружина хоробрая
—Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—
Со сна Василій пробуждается,
А самъ говоритъ таковы слова:
„А и же ты, любезная моя служаночка!
„Отопри-ка двери желѣзныя".
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
Хваталъ Василій свой черленый вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
„А и же любезна моя дружина хоробрая!
„Поди-тко теперь опочивъ держать,
„А я теперь стану съ ребятамы поигрывать".
И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И встрѣту идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяносто пудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
—А и же ты, мой крестовый брателко,
—Молодой курень, не попархивай,
—На своего крестоваго брата не наскакивай!
—Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
—Я надъ тобой былъ въ тѣ поры бóльшій братъ,
—И нынь-то я надъ тобой буду бóльшій братъ.—
Говоритъ Василій таковы слова:
„А и же ты, мой крестовый брателко!
„Тебя ли чортъ несетъ навстрѣчу мнѣ?
„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
„Головамы, братецъ, играемся"!
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
И билъ-то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ;
И самъ говоритъ таковы слова:
„Нѣтъ на друга на стараго,
„На того ли на брата крестоваго:
„Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ".
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою.
И на встрѣту Васильюшку Буславьеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
На буйной головы колоколъ пудовъ во тысячу,

Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.
Говоритъ Старичище Пилигримище:
—А и же ты, мое чаделко крестовое,
—Молодой курень, не попархивай,
—На своего крестоваго батюшка не наскакивай!—
И возго́воритъ Василій Буславьевичъ:
„А и же ты, мой крестовый батюшка!
„Тебя ли чортъ несетъ во той поры
„На своего на любимаго крестничка?
„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
„Головамы, батюшка, играемся"!
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья:
Стоитъ крестный—не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на домы на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
„А и же ты, Авдотья Васильевна!
„Закличь своего чада милаго,
„Милаго чада рожонаго,
„Молода Васильюшка Буслаева:
„Хоть бы оставилъ народу на сѣмена".
Выходила Авдотья Васильевна со новы́хъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

45.

Смерть Василія Буслаева*).

Тогда приходилъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ во свои домы
И говоритъ онъ таковы слова:
„А и же вы, мои братьица!
„Складемся мы на лодочку,
„И поѣдемъ мы ко граду Іерусалиму,
„Ко святой гробницѣ Христовой приложитися,
„Святой святынѣ помолитися".
И склались молодцы-тѣ на лодочку
И поѣхали ко граду къ Іерусалиму,
Къ святой гробницѣ Христовой приложитися.
Тогда никакая погода мо́лодцевъ не сдерживаетъ,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соко́лъ летитъ.
И пріѣзжали они ко граду къ Іерусалиму,
Пошли во Іордань-рѣку купатися;
И всѣ купаются братія во рубашечкахъ,
А молодой Василій Буславьевичъ тѣло́мъ нагимъ **).
А его свѣтъ государыня-матушка
Честна́я вдова Мамелфа Тимоѳеевна
По поѣздкѣ его давала родительское благословеніе:
„А и же ты, мое чадо милое!
„Будешь ты у матушки Ердань рѣки,
„Не куплись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
„Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ".
А онъ же Васильюшка Буславьевичъ
Нарушилъ родительско благословеньице,
Не послушалъ государыни матушки:
Окунался Василій нагимъ тѣломъ.
Скоро содились на добры́хъ коней
И поѣхали на славну на Ѳаворъ гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю [1]),
И ко той ко церкви соборнія,
Которая стоитъ со двѣнадцатью престоламы,
У того у каменя у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ.
Не доѣдучись до камени до Латыря,
На томъ на раздольѣ на широкоемъ,
Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичъ
Лежащую кость богатырскую,
И началъ Васильюшка Буславьевичъ
Кость богатырскую попинывать,
Плеткой шелко́вою похлестывать.
Воспрого́воритъ кость богатырская:
—А и же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
—Ты почто меня ножкою попинываешь,
—Почто меня плеткой похлёстываешь?

---

*) Рыбн. II т., № 33 (отъ калики въ Красныхъ Лягахъ). — **) Далѣе Рыбн. т. I, № 60 (отъ лодочника Пудожскаго уѣзда).

[1]) Камень Латырь имѣетъ значеніе алтаря.

—Хотя ѣдешь ты во церковь въ соборнюю
—Ко тому ко Латырю ко каменю,
—Ко тому ко образу Преображенскому,
—То не доѣхать ти до церкви соборнія,
—И до того до каменя до Латыря,
—И до того образа Преображенскаго.—
Плюнулъ Васильюшка Буславьевичъ
На тую на кость на богатырскую,
А самъ говорилъ таковы слова:
„Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!“
И такъ Васильюшка поѣздъ держалъ
Ко той ко церкви ко соборнія,
Ко тому ко камню ко Латырю.
Не доѣдучись до церкви до соборнія,
Увидѣлъ предъ собою бѣлъ и великъ камень,
И на камени подпись подписана:
„Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень,
„Тотъ достигнетъ церкви соборнія,
„И тому образу Преображенскому;
„А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
„Тотъ не достигнетъ церкви соборнія
„И тому образу Преображенскому“.
Говоритъ Василій таково слово:
—А и же ты, дружина моя хоробрая!
—Скачите черезъ бѣлъ горючь камень.—
И вся его дружина хоробрая
Трожды перескочила черезъ бѣлъ камень.
Тутъ-то Васильюшка Буславьевичъ
Вслѣдъ дружины своея хоробрыя
Началъ черезъ бѣлъ камень перескакивать.
Разъ скочилъ, и другой скочилъ,
И на третій говоритъ дружины хоробрыя:
„Я на третій разъ не передомъ—задомъ перескочу.—
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И задѣла за камень ножка правая,
И упалъ Васильюшка Буславьевичъ
О жестóкъ камень своима плечмы богатырскима.—
И о камень головушкой ударился *),
И тутъ-то Василій Буславьевичъ помирать зачáлъ.
И наказываетъ своей братіи:
„Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
„Что сосватался Василій на Ѳаворъ горѣ
„И женился Василій на бѣломъ горючемъ камешкѣ“.
Тутъ-то Василій и преставился,
И похоронили Василья Буславьевича,
И поѣхали братья къ его матушкѣ.
И встрѣчаетъ-то ихъ родна матушка:
—А гдѣ у васъ, братія, бóльшій братъ, отоманище,
—Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ?—
„Сосватался, матушка, Василій на Ѳаворъ горѣ,
„Женился Василій на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ“.
Тутъ-то его матушка расплакалась,
И собрала она все свое имѣнье богачество,
И роздала она по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, по монáстырямъ.



*) Далѣе снова Р. № 33.

46.

Съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси *).

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку
На закатѣ красна солнышка
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названыихъ:
Выѣзжалъ Годенко [1]) Блудовичъ,
Да Василій Казиміровичъ,
Да Василій Буслаевичъ.
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковистый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третія дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому.
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уѣздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.
Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня-молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу:
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ полотнянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татарченокъ, бусурманченокъ;
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Вралъ копейце мурзамецкое,
Бралъ чингалище [2]) булатное
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,

*) Записано Л. Меемъ въ 1840 г. (отъ стараго сибирскаго казака Ив. Андреева).
[1]) то же, что Хотенъ. — [2]) т. е. кинжалъ.

Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнно́й копнѣ.
Подъѣзжаетъ добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ко, татарченокъ,
„Злой татаринъ, бусурманченокъ!
„Станемъ мы съ тобой честный бой держать".
Втапоры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
Ломилися копья ихъ острыя,
Разметались мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добры́хъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни уско́льзнула,
Правая ручка Добрыни удро́гнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы́ груди,
Поролъ ему бѣлы́ груди,
Вынималъ сердце съ печенью,
Было такъ на восходѣ красна солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонкимъ по́лотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не́веселъ,
Потупи́лъ очи во сыру землю,
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня,
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлился отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрно́й верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру—
У того ли шатра спитъ добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлы́хъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ко ты, татаринъ злой,
„На честной бой, на побраночку".
Отвѣчаетъ ему татарченокъ:
– Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
—Ваши роды [3]) не уклончивы,
—Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
—Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возго́ворилъ на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались на пиръ идучи,
„А хвались съ пиру идучи!"
Вта́поры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра́ коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два уда́лые витязя;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добры́хъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ты послушай меня, чернаго ворона:
„Не пори ты татарину бѣлы́хъ грудей;
„А слетаю я на сине́ море,
„Принесу тебѣ мертвой и живой воды;

[3]) т. е. богатыри вашего рода.

„Вспрыснешь Добрыню мертвой водой—
„Сростется его тѣло бѣлое;
„Вспрыснешь Добрыню живой водой —
„Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
Втапоры Алеша ворона послушался.
И леталъ воронъ на сине́ море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой—
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонкимъ по́лотномъ,
Помолился чудну образу:
Видитъ онъ—черезъ Сафатъ рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не обле́тѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названые!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добры кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣшнюю—
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
—А давайте съ нами, витязи, бой держать!
—Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Налетѣлъ на воителей,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четыре—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня мо́лодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могу́тныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Въ этой былинѣ нашелъ свое выраженіе миѳъ о горныхъ великанахъ, старшей породы, титанической (См. выше стр. 15). Когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то онъ и могъ на нихъ перенести этотъ миѳъ.

Если подъ „нездѣшними" воителями, подъ „силою небесною" разумѣть ангеловъ, въ позднѣйшемъ, т. е. христіанскомъ смыслѣ, то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнію. Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія, потому что нигдѣ въ былинахъ они не выставляются врагами христіанскаго міра. Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла „нездѣшней силы"; потому въ варіантѣ Щеголенкова [4]), гдѣ представляется подобная же встрѣча богатырей съ врагами, которые удвояются подъ ихъ ударами, эти враги ужъ не сила нездѣшняя, а татары. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ Илья Муромецъ только что подумалъ гордую думу:

И подумаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Если бы была вся сила небесная,
„Прирубили бы всю силу небесную!"
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
Разрубитъ татарина единаго—
Сдѣлается два татарина:
Разрубитъ татарина два—
Сдѣлается четыре татарина;
Умножилося силы-войска поганаго
Во этоемъ во полѣ во чистоемъ:
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:
И закаменѣлъ конь его богатырскій
На евтоемъ полѣ на чистоемъ.

Итакъ въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшними силами надобно видѣть одну изъ тѣхъ миѳическихъ катастрофъ, которыя выражаются народной фантазіей различныхъ народовъ въ миѳахъ о борьбѣ прежнихъ боговъ съ новыми, напр. въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ [5]).

[4]) Рыбн. I. 119. — [5]) Бусл. „Русск. бог. эпосъ", гл. III.

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава да моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино.
Гдѣ-ка пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому бояриу великому
И хозяину своему ласковому.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Фотогравюры:

